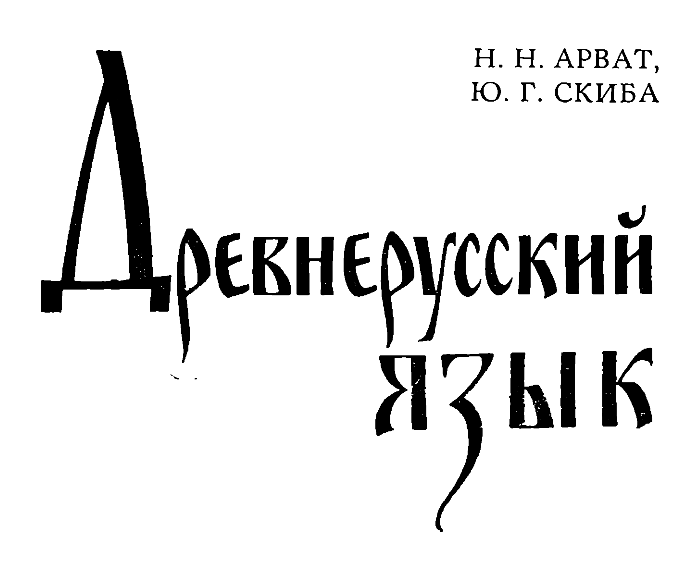

• ВИЩА ШКОЛА •

Н. Н. АРВАТ,
Ю. Г. СКИБА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

*Допущено Министерством
высшего и среднего специального образования УССР
в качестве учебного пособия для студентов
исторических факультетов университетов*

КИЕВ
ГОЛОВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВИЩА ШКОЛА»
1977

4Р
А79

Книга представляет собой учебное пособие для студентов исторических факультетов университетов. Пособие состоит из введения, исторической фонетики, исторической морфологии и краткого обзора синтаксической системы древнерусского языка. В конце книги прилагаются древнерусский словарь-минимум и иллюстративное приложение по истории развития восточнославянской письменности. Материал изложен в соответствии с учебной программой по курсу «Древнерусский язык» для исторических факультетов. Пособием могут пользоваться также студенты-филологи пединститутов и университетов.

Редакция литературы по филологии и педагогике
Зав. редакцией *В. Г. Петик*

А $\frac{70101 — 120}{М211 (04) — 77}$ Б3—30—7—76

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1960—1961 гг. в издательстве Черновицкого университета авторами было выпущено одноименное учебно-методическое пособие. Настоящее издание не есть повторение предыдущего, так как по содержанию и объему материала, а также по трактовке и освещению его пособие представляет собой новую книгу.

В основу пособия положены лекции и практические занятия, проводимые в течение последних двадцати лет на историческом факультете Черновицкого университета.

Книга имеет ряд специфических особенностей, которые отличают ее от традиционной исторической грамматики русского языка. Авторы стремились лишь в особых случаях обращаться к структурным данным индоевропейской и общеславянской систем языков и излагать материал по возможности в наиболее доступной форме, принимая во внимание тот факт, что студенты-историки не имеют специальной лингвистической подготовки. Краткое, но систематизированное изложение основ древнерусской системы языка, перечень и толкование основных произведений древнерусской литературы XI—XVII вв., наличие вопросов и упражнений для самопроверки, словаря-минимума, иллюстративного приложения — все это поможет студентам в достаточной

мере познакомиться с историей русского, украинского и белорусского языков.

Авторы выражают признательность профессору Одесского университета Н. И. Букатевичу и доценту Киевского университета Н. С. Зарицкому, сделавшим ряд ценных замечаний в процессе работы авторов над рукописью.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Цели и задачи курса

XXIV съезд КПСС сделал научно обоснованным теоретический вывод о том, что в СССР в процессе построения развитого социалистического общества возникла новая историческая общность людей — советский народ. В условиях развитого социализма установилось гармоническое сочетание функций национальных языков и языка межнационального общения и единения — русского языка. Расцвет национальных языков народов Советского Союза опровергает в теории и на практике вымыслы буржуазных националистов о якобы существующем в нашей стране процессе «руссификации», неравноправии национальных культур и языков. В наш век великий и могучий русский язык стал мировым языком, незаменимым средством приобщения народов и наций к лучшим достижениям отечественной и мировой культуры.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что история языка принадлежит к разряду тех наук, «из которых должны сложиться теория познания и диалектика» [1].

Для специалиста-историка, занимающегося вопросами истории народов нашей Родины, в частности русского, украинского и белорусского, знание древнерусского языка так же необходимо, как для филолога — знание истории.

Такие выдающиеся советские ученые, как Б. Д. Греков, Е. В. Тарле, Н. С. Державин, Н. Н. Тихомиров, А. И. Пашков, Б. А. Рыбаков и др., в своих исследованиях по истории восточных славян неоднократно используют богатейший материал русского языка, данные письменного и устного художественно-литературного творчества трех братских народов. Например, в «Истории русской экономической мысли», изданной АН СССР под редакцией члена-корреспондента АН СССР А. И. Пашкова в 1955 г., в главах, посвященных истории экономических отношений в Киевской Руси, мы находим много

[1] Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 29, с. 314.

интереснейших экскурсов в область древнерусского народного творчества и мифологии, по-своему оригинально истолковывается значение многих древнерусских слов и выражений.

В 1972 г. появилась книга Б. А. Рыбакова «Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве», в которой историко-литературное исследование тесно переплетается с лингвостилистическим анализом текста поэмы. «В языке своем,— писал еще в прошлом веке русский ученый и педагог К. Д. Ушинский,— народ в продолжение многих тысячелетий и в миллионах индивидуумов сложил свои мысли и свои чувства. Природа страны и история народа, отражаясь в душе человека, выражались в слове. Человек исчезал, но слово, им созданное, оставалось бессмертной и неисчерпаемой сокровищницей народного языка, каждая его форма есть результат мысли и чувства человека, через которые отразились в слове природа страны и история народа»[1].

Данные экспериментальной этимологии, науки о происхождении слов, в состоянии раскрыть перед нами «тайны» доисторического прошлого. Общеславянское *камень* легко обнаружить в немецком *hammer,* что значит «молоток». Слово же *молоток* связано с процессом измельчения чего-либо, наконец, с молотьбой и мукомольным делом, ср. *молоть.* Русское и общеславянское *стена* и немецкое *Stein* (камень) дают право историку и археологу утверждать, что предки древних славян, по-видимому, продолжительное время жили в местности, где камень был «под рукой». Понятия *лес, гора* были самыми близкими и наиболее предметными для наших праотцов. Не удивительно, что слово *гора* у южных славян обозначает *лес.* Слово же *лес* — более позднего происхождения и вначале было связано с понятием строительного материала, ср. совр. *На стройку пошел лес.* И еще пример. Отживает свой век слово *гумно.* А история его очень интересна. Слово состоит из корней **гу** и **мн.** Первый корень находится в этимологическом родстве с древнерусским и общеславянским *говядо,* что значит «скот», а второй — с глаголом *мять,* т. е. молотить. Таким образом, гумно — это было место, где с помощью скота молотили просо, ячмень или рожь.

Современный русский глагол *платить* исторически восходит к общеславянскому слову *poltino* (полотно). При натуральном хозяйстве предметные изделия труда, и в первую очередь полотно, служили «разменной монетой» торговли между отдельными племенами или союзами племен. Наконец,

---

[1] Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения, т. 2. М., 1939, с. 12.

известно, что слова *нож* и *ноготь* имеют один и тот же корень **ног**. Отсюда, *нож*, по-видимому, в древности — «искусственный ноготь».

Значительный интерес для историка представляют данные топонимики, науки, занимающейся вопросами происхождения названий местности (городов, улиц, рек, озер и т. п.). Можно с уверенностью сказать, что в тех случаях, когда данные археологии, связанные с раскопками древних могильников, городищ, древнейших стойбищ первобытного человека не могут удовлетворить исследователя, ему часто на помощь приходят данные языка, наиболее древнего и самого надежного орудия человеческого познания. Топонимы и гидронимы представляют собой застывшие звуковые комплексы слов-названий. Последние иногда в своем первозданном виде сохраняются тысячелетиями. Многие из них имеют огромное значение для установления достоверности отдельных фактов из истории государств и народов. Не всем, по-видимому, известно, что немецкое *Бранденбург* тысячу лет тому назад звучало по-славянски *бранибор*, т. е. «лес, который отделял двух ратных противников», *Штутгарт* когда-то было славянским *Старгардом*, *Лейпциг* — *Липецком*. Венгерский *Будапешт* состоит из двух славянских корней: **буда** — хижина и **пешт** — домашний очаг, печь. Это свидетельствует о том, что когда-то данная территория была заселена славянскими племенами. Обратимся к топонимам Москвы. Сохранившиеся до наших дней древнерусские названия московских улиц ярко свидетельствуют об общественно-экономическом устройстве и быте этого старинного русского города. Древняя Москва, с ее многочисленными ремесленными цехами, государственными службами четко разграничивалась на слободы и дворы — *Кожевники, Садовники, Сыромятники, Хамовники* и др. Нетрудно убедиться в том, что на *Кожевниках* жили государевы шорники и башмачники, на *Басманной* — ювелиры (от *басма* — тиснение по серебру и золоту). Наконец, *Хамовники* — от слова *хаман*, по-индийски — «полотно»: здесь находилась слобода ткацких ремесел. Даже *Николо-Болванский переулок* указывал на то, что здесь делали болванки для шапок.

Очень ярко выступает историческое (исконное) значение слова при анализе географических названий. Обратимся снова к топонимике. Данные языка нам помогут восстановить географическое лицо Москвы — такие, например, названия, как *Болотная площадь, Девичье поле, Полянский рынок, Моховая*, наконец, *Балчуг* (по-татарски — «грязь»). Слово *Арбат*, известное каждому москвичу, в арабском языке обозначает «предместье», «пригород». Наконец, севернорусский город *Волоко-*

ламск в своем названии хранит память о древнем пути «из варяг в греки»: по берегу реки Ламы морские суда тянули волоком на специальных катках.

Данные топонимики могут помочь историку установить отдельные этапы заселения той или иной территории. В этом отношении богатый материал дает работа М. В. Сергиевского «Топонимия Бессарабии и ее свидетельство о процессе заселения территории»[1]. Все названия рек Молдавской ССР и Буковины автор классифицирует с точки зрения их этимологии и приходит к очень интересным выводам. Названия наиболее крупных рек, в том числе *Дунай, Днестр, Прут,* по мнению М. В. Сергиевского, сохранили древнюю фракийскую форму корня; романской этимологией можно объяснить названия таких рек, как *Лунга* (длинная), *Ларга* (широкая), *Рача* (холодная), *Сара* (соленая) и др. Тюркского происхождения названия *Когыльник, Ялпуг* и др. Большинство гидронимов связано со славянской этимологией (*Быстрица, Каменка, Бык, Путна, Рымник (Рыбник)* и др.)[2].

Не менее важный материал для историка поставляет ономастика — наука об именах. Многие из них присваивались населенным пунктам, городам и селам. В начальной древнерусской летописи фигурирует свыше 60 названий, связанных с историческими именами. За каждым из них — своя история. Ср. *Боголюбов, Владимир, Борисов, Львов, Романов* и др.

Как известно, многие памятники древнерусской письменности не были датированы. В таких случаях на помощь исследователю приходит не только палеография (наука о графике древних документов), но и фонетика и грамматика. Последние довольно точно в хронологическом отношении регистрируют многие закономерности исторического развития народно-разговорного и литературного языков. Как результат, иногда удается установить датировку памятника, исходя из данных языка (например, известно, что падение так называемых редуцированных **ъ** и **ь** на восточнославянской почве происходит не позднее XII в.; исчезновение двойственного числа и формы

---

[1] См.: Известия АН СССР, ОЛЯ, т. 5, вып. 4. М., 1946.

[2] Отдавая должное этимологическим данным отдельных слов и выражений, не следует, однако, забывать и другие методы и приемы исторического исследования. Так, например, на основании отсутствия у славян одного общего слова для обозначения жилища (ср. русск. *изба;* укр. *хата;* польск. *chata;* чешск. *chalupa* и т. д.) нельзя утверждать, что древние славяне были «бродячими племенами и не имели постоянного места жительства». Данные археологии говорят о том, что наши предки могли строить свои жилища из любого подручного материала, включая камень, дерево, глину, кости домашних и диких животных.

супина связано с XIV в., т. е. периодом распада древнерусского языка-основы и др.).

Таким образом, сущность языка и законы его развития можно понять лишь в том случае, если изучать их в неразрывной связи с историей народа и общества.

Изучение курса древнерусского языка, несомненно, принесет будущему специалисту-историку или филологу большую пользу. Благодаря знанию этого языка он сможет познакомиться с выдающимися памятниками древнерусской литературы, в частности такими, как «Слово о полку Игореве», «Русская Правда», произведения Владимира Мономаха, «Моление Даниила Заточника», «Повесть временных лет».

Изучение древнерусского языка связано со следующими задачами:

а) общее знакомство с лексической, фонетической и грамматической системами языка, что даст возможность будущему специалисту свободно пользоваться памятниками древнерусской и старославянской письменности;

б) изучение основных этапов исторического развития русского языка;

в) научное обоснование главных эволюционных изменений языка в области фонетики, грамматики и орфографии.

Знание древнерусского языка, великого предка современных восточнославянских языков, будет способствовать глубокому усвоению законов и правил родного языка, что особенно необходимо в условиях работы в школе.

СЛАВЯНЕ И СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

§ 2. Русский язык в его отношении к другим славянским языкам

Славянские языки по своему богатству и распространению относятся к наиболее известным языкам мира. В настоящее время славяне населяют восточную и юго-восточную Европу, а также большую часть северной Азии. Численность славян ныне составляет свыше 250 миллионов человек.

В плане типологии и структуры славянские языки относятся к так называемой индоевропейской семье языков, в которую входят еще индийские, иранские (персидский, осетинский, таджикский и др.), германские (немецкий, голландский, английский, датский, шведский, норвежский и др.), романские (французский, итальянский, испанский, румынский, молдавский, португальский и др., а также ставший мертвым латинский язык), балтийские (литовский, латышский, жмудьский,

ныне мертвый прусский), кельтские, греческий, албанский, армянский и некоторые другие языки. Указанные языковые группы выделились из общеиндоевропейского праязыка несколько тысячелетий тому назад. Все славянские языки подразделяются на три группы:

1. Восточнославянская, которая включает в себя русский, украинский и белорусский языки.

2. Западнославянская, к которой относятся польский и родственный ему кашубский, чешский и словацкий языки. К этой же группе принадлежат близкородственные серболужицкие языки — верхне- и нижнелужицкий. Последние распространены на территории Германской Демократической Республики. Еще в XVIII в. на территории Германии четко регистрировался западнославянский полабский язык, носители которого проживали по нижнему течению реки Эльбы (славянское название — Лаба).

3. Южнославянская группа языков представлена болгарским, а также языками народов Социалистической Федеративной Республики Югославии, в том числе — сербскохорватским, на котором общаются сербы, хорваты, черногорцы, боснийцы и герцеговинцы; словенским и македонским. К этой же группе относится и культовой старославянский язык.

Указанные языки представляют собой одну языковую систему в плане лексики, фонетики и грамматики, объединенную общностью происхождения и дальнейшего развития. В типологическом отношении все славянские языки, за исключением болгарского, принадлежат к так называемым синтетическим языкам.

Принято считать, что деление языков на синтетические и аналитические связано прежде всего со способами построения предложения и характером сочетания слов в нем. В языках, в которых преобладают элементы синтетизма, смысловые и грамматические значения находят свое выражение в пределах одной лексической единицы; в аналитических — лексические значения сосредоточены в самом слове, а грамматические выражаются либо сопровождающими знаменательное слово служебными словами, либо порядком знаменательных слов, либо интонацией [1].

Ныне существующие и мертвые славянские языки восходят к одному праязыку — общеславянскому, который в результате распада общеиндоевропейского языка-основы существо-

---

[1] См.: Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1955, с. 243.

вал как самостоятельный язык вплоть до VI в. нашей эры. Именно этим и объясняется лексическая и структурно-грамматическая близость между языками всех трех групп.

Во всех славянских языках, как правило, одинаково или почти одинаково звучат слова, связанные с частями тела, производственной деятельностью человека, названиями домашних животных, родственными отношениями, наконец, определением времен года и частей суток, некоторыми явлениями природы. Чтобы убедиться в этом, воспользуемся таблицей с названиями частей тела (табл. 1).

Таблица 1

Русское	Украинское	Белорусское	Польское	Чешское	Болгарское	Сербохорватское
голова	голова	галава	głowa	hlava	глава	глава
сердце	серце	сэрца	serce	srdce	сърце	срце
рука	рука	рука	ręka	ruka	ръка	рука
нога	нога	нага	noga	noha	нога	нога

Весьма показательным фактом лексического родства славянских языков является общность в области десятичной системы числительных (табл. 2).

Таблица 2

Русское	Польское	Чешское	Болгарское	Сербохорватское
один	jeden	jeden	еди́н	ѐдан
два	dwa	dva	два	два
три	trzy	tři	три	три
четыре	cztery	čtyři	че́тири	чѐтири
пять	pięć	pět	пет	пет
шесть	sześć	šest	шест	шест
семь	siedem	sedm	се́дем	сѐдам
восемь	osiem	osm	о́сем	о̀сам
девять	dziewięć	devět	де́вет	дѐвет
десять	dziesięć	deset	де́сет	дѐсет

В наше время многие слова общеславянского происхождения, сохраняя близкое звучание в разных языках, могут обозначать различные понятия. Например, русск. *сено,* укр. *сіно,* польск. *siano* обозначают сухую скошенную траву; в болгарском языке со словом *сяно* связано понятие «всякая трава». И это можно легко объяснить, так как *трава* находится в этимологической связи с глаголом *травити* — употреблять в качестве пищи (ср. укр. *страва, травлення)*. Современные русск.

огород, укр. *город,* чешск. *zahradka* обозначают место, приусадебный участок, где выращивают картофель, капусту, морковь, свеклу, в польском это же слово знаменует несколько другое понятие — *сад* (фруктовые деревья, цветочные растения и др.). В древности это было укрепление — городище. Развитие словарного состава происходит постоянно как историческая необходимость системной эволюции языка. Даже такие близкородственные языки, как русский, украинский и белорусский,— прямые наследники древнерусского языка, в процессе своего самостоятельного развития обогатились множеством слов, которых нет не только в других славянских языках, но и в древнерусском. Например: русск. *роща* соответствует укр. *гай;* русск. *забота* — укр. *турбота;* русск. *выбоина* — бел. *калдобiна;* русск. *игра* — бел. *гульня* и т. д.

Показательными в этой области являются названия месяцев года у украинцев, белоруссов и поляков; эти названия отражают труд и быт древних славян, оригинальное восприятие явлений природы. Например, укр. *сiчень,* польск. *styczeń* находятся в этимологической связи с понятием «сечь», «рубить», «стинать» (резать), т. е. готовить в лесу место для будущего посева; укр. *лютий,* бел. *люты,* польск. *luty* — связаны с зимними холодами; укр. *березень (березозол)* — с сожжением березовых деревьев и приготовлением золы для нужд домашнего хозяйства; укр. *квiтень,* польск. *kwiecień* — появление первых цветов; укр. *травень* — время, когда земля покрывается зеленью; укр. *червень,* польск. *czerwiec* — время, когда у пчел появляются черви — вестники приплода; укр. *липень,* польск. *lipiec* — связаны с цветением лип; укр. *серпень,* польск. *sierpień,* бел. *жнивец* — начало уборки хлебов; укр. *вересень,* польск. *wrzesień* — цветение вереска (вереса); укр. *жовтень* — время увядания зелени, в польском этот же месяц называется *październik* — время, когда заготовлялось лыко для лаптей, корзин и вершей; в белорусском — *кастрычнiк.* В белорусском названии легко угадывается кострика — отходы после обработки конопель; укр., бел. и польск. *листопад* и *грудень* отражают позднюю осень накануне первых зимних холодов. Слово *грудень,* по-видимому, связано с мукомольным периодом, когда возникала необходимость превращать зерно в муку. Ср. лит. *gruda* (зерно), немецкое *gris* (размолотое зерно).

Языковое родство славянских народов может быть подтверждено не только лексическими данными, но и примерами из области фонетики и грамматики. Известно, что во всех трех группах языков существующая ныне система гласных и согласных звуков восходит к общеславянскому состоянию, уста-

новленному с большой точностью благодаря сравнительно-историческому методу. Это подтверждается данными не только живых языков, но и памятниками старославянской письменности, сохранившимися, главным образом, в редакциях X—XIII вв. С большой достоверностью во всех славянских языках может быть установлена история глагольных, местоименных и именных парадигм. Сравнением грамматических явлений славянских языков в их современном состоянии занимается сравнительная грамматика, выводами и иллюстративными данными которой мы часто будем пользоваться при изучении древнерусского языка.

§ 3. К вопросу об этногенезе славян

В начале этого раздела мы упоминали о существовании общеславянского праязыка, на системной основе которого образовались три группы родственных языков. Праславянский язык возник на почве одного из диалектов праиндоевропейского языка еще в доклассовый период, в третьем или во втором тысячелетии до нашей эры. Не исключено, что между праиндоевропейской и праславянской эпохами некоторое время сохранялось балто-славянское языковое единство, которое затем подверглось распаду. Именно этим и объясняется лексическая и фонетико-грамматическая близость между славянскими языками и языками современных литовцев и латышей[1]. Процесс развития нескольких близкородственных языков на диалектной почве праязыка ярко передан в одном из высказываний Ф. Энгельса: «На примере североамериканских индейцев мы видим, как первоначально единое племя постепенно распространяется по огромному материку; как племена, расчленяясь, превращаются в народы, в целые группы племен, как изменяются языки, становясь не только взаимно непонятными, но и утрачивая почти всякий след первоначального единства»[2].

Есть основание думать, что в истории общеславянского праязыка было два периода — более ранний и более поздний. В ранний период праславянские диалекты развивались, в зна-

---

[1] Известно множество слов, которые являются славяно-балтийскими по происхождению. Они, как правило, не имеют корневых соответствий в других языках. Наиболее показательны: русск. и слав. *нога* соответствует лит. *naga* — «копыто» (ср. нем. *fuss*); русск. и слав. *голова* соответствует лит. *galva* (ср. нем. *haupt*); русск. и слав. *рука* соответствует лит. *ranka* — (от глагола *rinkti* — «собирать»); русск. и слав. *душа* соответствует лит. *dúsas* — «одышка» (ср. нем. *seele*).

[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 21, с. 97.

чительной мере сохраняя общий индоевропейский облик; во втором,— будучи общеславянскими по происхождению, они постепенно формируются как самостоятельные языки. В современной историографии по вопросу об этногенезе славян продолжают существовать в основном две точки зрения — миграционная и автохтонная. Первая возводит в абсолют переселение народов, территориальную экспансию и постоянное языковое смешение. Выдающийся историк языка академик А. А. Шахматов в книге «Древнейшие судьбы русского племени» говорил о восточной Прибалтике (Двинское поморье) как наиболее вероятной прародине славян. По мнению ученого, здесь праславяне находились до II века нашей эры. Заметим, что Шахматов является также горячим сторонником балто-славянского единства языков, которое возникло в результате распада индоевропейского праязыка. Отсюда, прародина славян была одновременно и прародиной балтийцев (предков литовцев, латышей и пруссов). Географические границы этой территории Шахматов ставит в зависимость от слова *бук*, германизма по происхождению, дерева, которое произрастает на юг и на запад от Двинского поморья. Предки славян и балтийцев этого слова не знали. Зато исконно славянскими, по мнению Шахматова, являются такие названия растений, как *тис* и *плющ*, восточная граница распространения которых проходит через Даугаву, Гродно, Каменец-Подольский, Кишинев. Общим по происхождению для балтов и славян является и слово *море*. Однако у славян оно связано с современным понятием, а у балтов — с озером, закрытым водным пространством. Учитывая это обстоятельство, ученый резюмирует: разделение славян и балтов произошло в середине второго тысячелетия до нашей эры. Славяне в это время занимали поморье между нижним течением Немана и Даугавы, балты, оттесненные от моря, находились восточнее от них. Бассейн средней и нижней Вислы, по мнению А. А. Шахматова, до середины V в. был «второй» прародиной славян. Сюда они пришли не ранее II в. нашей эры. К концу V в. нашей эры единая общеславянская народность в силу новых социально-исторических условий распадается на две части — западную и юго-восточную. Первая продолжает движение на запад — на берега Одера, Эльбы и Моравы. Вторая — к началу VI в. на севере и востоке достигает водоразделов Припяти и Днепра, а на юге — дельты Дуная и северного Причерноморья. Шахматовская теория о прародине славян долгое время была общепринятой и традиционной.

Автохтонная теория, в отличие от миграционной, считает славян аборигенами Восточной Европы еще с периода неолита.

В 1913 г. киевский историк В. В. Хвойка, опираясь на данные археологии, объявляет славянской прародиной Среднее Приднепровье с его древнейшей трипольской культурой. В послеоктябрьское время автохтонная теория В. В. Хвойки приобрела сторонников в лице выдающихся советских ученых, в том числе Б. Д. Грекова, П. Т. Третьякова, Б. А. Рыбакова и др.

Современные польские и чешские историки и языковеды, признавая принципы автохтонии, географическую прародину славян усматривают в предгорье Карпат и в верхнем водоразделе Вислы. Лужицкая культура периода ранней бронзы, по мнению польских ученых Я. Чекановского, Т. Лер-Сплавинского, М. Рудницкого, Я. Костржевского, Л. Козловского и др., является общеславянской.

Археологические раскопки, которые в послевоенный период активизировались на территории Верхнего и Среднего Приднепровья, а также многие исторические и языковые данные серьезно аргументируют теорию восточнославянского автохтонизма. Остановимся на ней более подробно.

Со времени распада общеславянского языка прошло около полуторы тысячи лет. Актуальность проблемы этногенеза славян продолжает расти из года в год. Отсутствие каких-либо письменных памятников на праславянском языке, субъективизм и слабая аргументация сравнительно немногих исторических данных на других языках придают особую значимость археологическим и топонимическим данным, не говоря уже о лингвистических исследованиях.

Как показали данные археологии, общеславянское единство материальной культуры в первые века нашей эры охватывает территорию от Эльбы через бассейны Одера и Вислы до верхнего Днестра, среднего Днепра и Десны. Когда же речь идет о более раннем периоде, взоры ученых невольно обращаются к среднему Днепру. В конце I в. до нашей эры славянские племена занимали территорию между Западным Бугом и средним течением Днепра. На севере их примерной границей была река Припять, на юге — правобережные лесостепные районы.

В основе этой теории, подтвержденной данными археологии и языкознания, находятся взгляды, высказанные в свое время украинским археологом В. Хвойкой, чешским языковедом Л. Нидерле, немецким славистом М. Фасмером и польским этнографом К. Мошинским[1]. Что же представляет собой общеславянский язык-основа?

---

[1] См.: Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М.—Л., 1972, с. 6—30.

Словарное богатство общеславянского праязыка удалось установить благодаря сравнительно-историческому методу. Известно, что львиная доля словарного запаса после распада праязыка досталась в наследство ныне существующим славянским языкам. Как показали наблюдения Т. Лер-Сплавинского, в современном польском языке свыше 1700 общеславянских слов. Среди них — 1000 существительных, 460 глаголов, 170 прилагательных и 80 слов из других частей речи. Из общего количества слов одна десятая по своему значению относится к духовной жизни человека, а свыше восьми десятых касается внешнего, физического мира, природы и материальной жизни человека. Примерно около сотни слов служат для выражения грамматических отношений — местоимения, союзы, предлоги, числительные. Подсчеты Лер-Сплавинского свидетельствуют о том, что и в других славянских языках существует аналогичное положение [1].

Словарное богатство, мобильность и высокое совершенство грамматической системы, по мнению французского языковеда А. Мейе, выгодно отличает общеславянский праязык от других индоевропейских языков-основ.

По вопросу о происхождении славян и древнейшем народонаселении Восточной Европы существует богатая литература, и желательно, чтобы с ней познакомились будущие специалисты-историки [2].

§ 4. Древнейшие судьбы восточного славянства

Первые исторические свидетельства о славянах имеют место в произведениях греческого историка V в. до нашей эры Геродота, который называет их то неврами, то будинами, в отличие от скифов. Некоторые данные о славянских поселениях между северными отрогами Карпат и Балтийским морем находим в документах римских историков Плиния Старшего (I в. нашей эры) и Тацита (I—II вв. нашей эры). Здесь славяне фигурируют под новым именем — венеды. До нашего времени сохранилась географическая карта греческого историка II в.

[1] См.: Кондрашов Н. А. Славянские языки. М., 1962, с. 50—52.

[2] См.: Петров В. П. Етногенез слов'ян. К., 1972; Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М.—Л., 1972; Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962; Иванов В. В., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958; Горнунг Б. В. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963; Лер-Сплавинский Т. К современному состоянию проблемы происхождения славян.— «Вопросы языкознания», 1960, № 4; Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности.— «Материалы и исследования по археологии СССР», № 179. Л., 1970.

нашей эры Птоломея Клавдия, на которой Карпатские горы называются Венетскими. Это же название присваивается Балтийскому морю. Характерно, что это наименование славян можно обнаружить и в некоторых современных языках. Например, эстонцы и поныне русских (восточных славян) называют *венами* (ср. эст. *vene*); в восточнонемецких говорах западных славян — лужичан называют *вендами*, а словенцев *виндами*. До сегодняшнего дня восточное предместье Гамбурга, в древности населенное западными славянами, именуется *Wendendorf* (дословно — славянское село).

Существует множество версий относительно происхождения слова *венед*. Ближе всего к истине две точки зрения, связанные с этимологией общеславянского корня **vent**. Первая квалифицирует этот корень как сравнительную степень прилагательных *высокий, большой, крупный*. Ср. ст.-сл. *вѧщии*, др.-русск. *вячьшии* (ср. польск. *więcej* — «больше»). Отсюда, *венет*, по-видимому,— «человек огромного роста», «исполин». Разновидностью первого корня мог быть и корень **ǫd** («онд» или «енд»). Ср:. ст.-сл. *ѫда;* др.-русск. *оуда;* укр. *вудка;* польск. *wędka*. Отсюда *венед* в своем этимологическом значении, быть может, был связан с понятиями «ловчий», «охотник», «рыболов». Общие для всех славян многочисленные названия для проточных и стоячих вод, ключей и колодцев, озер, болот, наконец, названия рыб, водяных растений и многих обитателей лесов и рек дают повод думать, что и вторая точка зрения заслуживает внимания. Не исключено также, что общеславянское *венед* и древнерусский этноним *вятич* восходят к одному и тому же этимону. Во всяком случае, племенное название *венед* отнюдь не кельтское и не германское, как это утверждают некоторые западные источники. Есть также основания предполагать, что первоначально *венетами (венедами)* назывались племена южной Прибалтики, и лишь позднее это имя было перенесено германцами на остальных славян. В этом более широком значении оно стало известно греко-римским писателям [1].

Более подробные сведения о славянах мы обнаруживаем в таких произведениях древности, как «История войны с готами» византийского историка Прокопия Кесарийского (554 г.), «История готского народа» готского историка Иордана (551 г.), «Стратегика» византийского императора Маврикия (конец VI в.). Прокопий Кесарийский и Маврикий именуют славян антами и склавинами, Иордан — венетами, антами и склавинами. При этом последний особо подчеркивает, что указанные

---

[1] См.: Х а б у р г а е в Г. А. Старославянский язык. М., 1974, с. 16.

племена в недалеком прошлом составляли один народ. В VI в. они общались на близкородственных языках. Иордан, наконец, утверждает, что в это время славяне занимали территорию, которая распространялась с запада на восток от бассейна Вислы до Днестра и Днепра, а на юге — к дельте Дуная. Указанные сведения, как и данные археологии и топонимики, дают основания считать, что к середине первого тысячелетия нашей эры уже произошел распад общеславянского праязыка. Существует традиционная точка зрения относительно того, что венеты (венеды) дали начало предкам западных славян, анты — восточным, а склавины — южным [1].

С течением времени название южных славян — *склавины* (словины — славяне) стало общим для всех племен, говоривших на одном или нескольких близкородственных славянских языках. Происхождение этнического названия *славяне* не создает особых трудностей для его правильного толкования. Современная форма *славяне* развилась под влиянием слов типа *римляне, полочане, горожане* от исходной *словѣне*. Первичное значение — «внятно говорящие», в отличие от «немцев», «не говорящих», «немых». Распад общеславянского праязыка в хронологическом плане совпал со временем разложения родового строя, утверждением новых классовых отношений в условиях союза племен и образованием первых государственных объединений.

Еще до образования первых славянских государств в VII в. («Союза семи славянских племен» на севере Балканского полуострова и «Княжества Само» на территории западных славян) среди новообразованных языковых объединений происходят активные глоттогонические процессы, связанные с дальнейшей дифференциацией племенных диалектов и образованием новых языков. По-видимому, уже в этот период намечается образование языков древнеболгарского, древнесербского, древнепольского, языков древних мораван, паннонцев и др [2].

---

[1] Заметим, однако, что деление славян на антов, венедов и склавинов (словенов) времен распада общеславянского языка-основы все же нельзя полностью переносить в исторический период. В VI в. западных, восточных и южных славян в этно-лингвистическом отношении еще не существовало (см.: Горнунг Б. В. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963).

[2] Нельзя пройти мимо весьма оригинальной истории болгарского языка. «Союз семи славянских племен», образовавшийся в конце 70-х гг. VII в., вскорости был покорен болгарами-тюрками, пришельцами с востока, во главе с ханом Аспарухом. В 679 г. Византия официально признала суверенность возникшего «болгарского государства». Пришельцы — протоболгары постепенно забыли свой тюркский язык и полностью ославянились. Язык народа и государства (в основе своей — южнославянский) с тех пор начал именоваться болгарским.

Какова же судьба общеславянского племени, которое в VI в. официально в византийских хрониках фигурирует как этноним *анты?*

Анты уже к началу VI в. занимали территорию от Карпатских гор до Северского Донца и от низовьев Дуная до Таманского полуострова. Это был период постепенного распада первобытнообщинного строя. Прокопий Кесарийский сообщает, что антами, как и остальными славянами, управляет не один человек, но что они издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. В VII в. *анты* как собирательное название для всех восточнославянских племен исчезает. Ему на смену приходит слово *Русь.* Происхождение этого термина до сих пор остается окончательно не раскрытым.

В свое время польский языковед А. Брюкнер, вслед за А. Куником и В. Томсеном, связывал слово *Русь* со старофинским названием Швеции — *Rōtsi (Rōts),* в конечном итоге поддерживая лженаучную «варяжскую теорию» о происхождении Киевского государства. Академики Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков и некоторые другие советские историки возводили этот термин к гидрониму *Рось* — река, впадающая в Днепр южнее Киева. Пожалуй, ближе всего к истине точка зрения языковеда академика А. И. Соболевского, который рассматривает *Русь* в этимологической связи со словом *русъ* (русый)[1].

Известно, что в древности многие этнонимы зачастую были связаны с внешним обликом человека. Ср. *половцы* (рыжие); *венгры* — *угры* (черные) и т. п. Эта гипотеза подкрепляется еще и тем, что прилагательное *русый* было одинаково употребительным только на территории восточных славян. Ср. русск. *русый;* польск. *blond;* чешск. *plavovlasy;* болг. *светъл;* сербск. *светло-смеђ.*

Образование древнерусской народности и древнерусского языка началось примерно с VI—VII в. Как свидетельствует арабский географ Масуди, уже в начале VII в. на Волыни существовало государственное объединение дулебов, которому были подчинены и некоторые другие племена. Арабские писатели аль-Балхи, аль-Истахри и Ибн-Хаукаля в разных редакциях свидетельствуют о трех центрах Древней Руси — Куявии, Славии и Артании. В «Повести временных лет» (начало XII в.) мы обнаруживаем богатое фактами и достаточно

---

[1] См.: Черных П. Я. Очерк исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, с. 100—101.

хорошо аргументированное утверждение о древних поселениях восточнославянских племен на территории Восточной Европы.

Указывая на общность происхождения всех славян, автор Начальной летописи пишет: «Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесех; а друзии седоша на Двине и нарекошася полочане, речки ради, яже втечет в Двину, имянем Полота, от сея прозвашася полочане. Словене же седоша около озера Илмера (Ильменя), и прозвашася своим имянем, и сделаша град и нарекоша и Новгород. А друзии седоша по Десне, и по Семи, по Суле, и нарекошася север. И тако розидеся словенский язык...»

Все тринадцать племен, о которых говорит летописец, объединялись между собой не только общностью территории, социального уклада (переход первобытнообщинного строя к классовому), но и общностью языка.

Пользуясь данными летописей, нетрудно представить себе древнюю географию восточнославянских племенных языков. Все они могут быть распределены на три группы: северную, южную и центральную. К северной группе принадлежали словене, или ильменцы, жившие по берегам озера Ильмень; кривичи жили в верховьях Западной Двины, Днепра и Волги; южная группа была представлена племенами полян и древлян, живших в Приднепровье и частично на территории современной Волынской области; племенами уличей и тиверцев, населявших южное Приднестровье; бужан, волынян и белых хорватов, населявших территорию современной Западной Украины и Прикарпатья, и, наконец, северян, живших на берегах рек Десна, Сейм, Сула. К центральной группе восточнославянских племен принадлежали дреговичи, населявшие болотистое междуречье Западной Двины и Припяти *(дрэгва* — по-белорусски *болото, трясина);* полочане, жившие по берегам р. Полоть; радимичи — в районе современного г. Могилева; вятичи — в бассейне р. Оки.

Вятичи, кривичи и словене явились племенами, на основе которых впоследствии образовалась великорусская народность, а племенные диалекты вятичей, кривичей и словен легли в основу русского (великорусского) языка. На основе племенных диалектов полян, древлян, бужан, тиверцев, уличей и других племен южной группы впоследствии образовался язык украинской народности. В основу языка белорусской народности легли диалекты дреговичей, проживавших в междуречье Припяти и Двины, радимичей, искони селившихся на Соже, и частично вятичей.

Древнерусский язык периода становления Киевского государства в лексическом и грамматическом отношении на всей территории восточных славян был единым и общим. И все же следы племенных языков в нем еще долго сохраняются, особенно среди сельского населения. В условиях обособленного существования новых политических объединений (удельных княжеств) племенные диалекты постепенно превращаются в территориальные[1]. Об этом говорят также данные палеографии. Так, например, новгородские, псковские и смоленско-полоцкие севернорусские памятники отражают следующие фонетические черты: а) взрывное произношение заднеязычного **г** *(голова, голубь, гость)*; б) севернорусские цоканье, чоканье — смешение звуков **ц** и **ч** *(цасто — часто, целовек — человек, цара — чара, чепь — цепь)*; в) севернорусское иканье — произношение древнего звука **ѣ** как **и** *(витеръ < вѣтръ; сино < < сѣно; висти < вѣсти)*; г) произношение старославянского сочетания **жд** как **жг** *(дождь — дожг; вождь, вожжи — вожг, вожги)*; д) псковское смешение **ж** с **з**, **ш** с **с** и наоборот *(желание — зелание; сизый — шизый)*.

Из лексических севернорусских диалектизмов следует отметить: *вѣкша* — белка; *обилье* — урожай, хлеб на корню; *огнищанинъ* — зажиточный человек; *дѣтинецъ* — внутренняя городская крепость (кремль); *рядовичь* — служилый человек; *соломя* — морской пролив и др.

Южнорусские территориальные диалекты представлены, главным образом, в киевских и галицко-волынских памятниках. В области фонетики они отражали: а) фрикативное (гортанное) произношение согласного **г**. Об этом свидетельствуют ошибки древнерусских писцов в таких словах, как *разнѣвати* (вместо *разгнѣзати*), *родноо* (вместо *родного*), *умьно* (вместо *гумьно*); б) южнорусское иканье (произношение **ѣ** как **и**): *горило* (вместо *горѣло*), *хотила* (вместо *хотѣла*); *молодити* (вместо *молодѣти*); в) произношение **в** вместо **у** и наоборот: *вмѣти* (вместо *умѣти*), *завгодно* (вместо *угодно*); г) смешение **ы** и **и**: *милый — мылый; прости ны — просты ни.*

В области морфологии очень распространенным на юге был дательный падеж существительных мужского рода единственного числа с окончанием **-ови**, **-еви** *(дѣдови, отьцеви)*.

---

[1]. Племя дулебов, проживавшее искони на территории Западной Волыни, в период раннего средневековья фигурирует под именем *волынян* и *бужан*. Данный пример может служить прекрасной иллюстрацией к тому, как на смену племенным диалектам приходят территориальные. Или еще: в древнерусских летописях древнее племенное название *словене* все чаще и чаще заменяется словом *новгородцы*, этноним *вятичи* — словом *рязанцы* и т. п.

Из лексических диалектизмов следует отметить такие слова, как *вѣверица* (вместо *белка*), *огорнути* (вместо *покрыть*), *укропъ* (вместо *кипяток*), *брѣхати* (вместо *лаять*), *волъ* (ср. сев.-русск. *бык*), *криница* (вместо *родник, колодезь*) и др.

Образование монолитного Киевского государства в IX в. и в политическом, и в общественно-экономическом, и в культурно-бытовом отношениях способствовало языковой унификации восточного славянства. «Русская земля», «Русь» стали ассоциироваться в понятии древнего руса с синонимами родины, отчизны. Это, пожалуй, и стало главной причиной постепенной нивеляции (сглаживания) диалектных различий в процессе формирования древнерусского языка.

КУЛЬТУРА ПИСЬМА У СЛАВЯН

§ 5. К вопросу о происхождении старославянской письменности

Ф. Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» подчеркивает то обстоятельство, что высшая ступень варварства начинается с плавки железной руды и переходит в цивилизацию через изобретение буквенного письма и применение его для записей.

В VIII—IX вв. нашей эры семья славянских народов постепенно освобождалась от первобытнообщинного строя. Дальнейшее развитие классового общества способствовало развитию новых политических объединений, появлению первых славянских государств. В этих условиях возникает насущная необходимость в изобретении письма.

Принято считать, что у славян такая необходимость возникла в связи с принятием христианства. Этой точки зрения придерживались отечественные языковеды прошлого века, в том числе А. Х. Востоков и Ф. И. Буслаев. Традиционной она была и среди многих советских ученых в 40—50-е гг. Такое утверждение опиралось на документальные данные и, в частности, на научный трактат болгарского писателя X в. Храбра «О письменах».

Из других наиболее авторитетных источников, в которых идет речь об официальном создании старославянской письменности во второй половине IX в., следует отметить латинские грамоты римских пап Иоанна VIII и Стефана V, свидетельство служителя папской канцелярии Анастасия. Остановимся на этом более подробно.

В 863 г. моравский князь Ростислав обратился к византийскому императору Михаилу с просьбой прислать греческих

миссионеров, которые могли бы проповедовать христианскую веру среди мораван на славянском языке. Известно, что именно в этот период над западнославянским Моравским княжеством нависла угроза полного поглощения и онемечения, ибо немецкие рыцари неудержимо рвались на восток, понукаемые римской церковью. Союз Моравии с Византией был выгоден обеим сторонам.

Император Михаил пошел навстречу Ростиславу, так как видел в этом удобный случай для расширения влияния византийской церкви на Центральную и Восточную Европу. В Моравию были отправлены братья Константин и Мефодий. Константин (в монашестве — Кирилл) и Мефодий, дети греческого вельможи Льва, родились и выросли в македонском городе Солунь, где проживало много славян. Старший брат, Мефодий, долгое время находился на военной службе и был правителем одной из славяно-греческих провинций. Младший, Константин, благодаря покровительству брата, некоторое время был близок к императорскому двору, получил хорошее образование и уже в юношеские годы живо интересовался филологией. До поездки в Моравию Константин был библиотекарем знаменитой патриаршей библиотеки и одновременно преподавал философию в одном из константинопольских лицеев. Заметим, что во многих литературных и исторических документах Константина называют философом. Это отнюдь не случайно. Константин был выдающимся общественным деятелем и мыслителем. Будучи доверенным лицом самого императора, в конце 50-х гг. он находился со специальной дипломатической миссией в Малой Азии, а в 860—861 гг. вместе с братом посетил Хазарию с непродолжительной остановкой в Херсонесе (в Крыму). Кроме родного греческого языка [1], он в совершенстве владел древнеболгарским, древнееврейским, арабским и другими языками.

Старославянская азбука, по-видимому, была создана младшим братом Константином вне всякой зависимости от предстоящей миссии в Моравию. Это видно из того, что в Моравию братья отбыли уже с готовыми переводами основных культовых книг. В основу славянского алфавита была положена графическая система древнегреческого письма. Язык первых славянских книг, вне всякого сомнения, был языком солуньских славян, т. е. древнеболгарский. Этот язык для братьев был наиболее близким. По количеству гласных и согласных звуков старославянский (древнеболгарский) язык оказался богаче и разнообразнее греческого. Недостающие знаки были

---

[1] Не исключено, что Константин и Мефодий могли быть и славянами.

взяты из финикийского, армянского и коптского письма, некоторые составлены самостоятельно. На древнеболгарский были переведены многие богослужебные книги, в том числе Евангелие и Псалтырь.

Дальнейшая деятельность солуньских братьев была связана с Моравией, куда они прибыли в начале 864 г. Просветительская деятельность Константина и Мефодия вначале проходила весьма успешно. Новое славянское письмо распространялось не только как культовое, но и как гражданское. Успехи славянских учителей возбудили в немецком духовенстве опасение потерять влияние на Моравию, и оно обратилось с жалобами к папе Николаю I, доказывая, что проповедовать «слово божие» можно только на трех языках — древнееврейском, древнегреческом и латинском, так как надпись на «кресте Спасителя» была сделана Пилатом только на этих трех языках.

Константин и Мефодий обязаны были явиться в Рим на «суд прелатов». В конце 866 или в начале 867 г. братья отбыли в Италию через соседнее славянское княжество Паннонию. Паннонский князь Коцель, воспользовавшись присутствием «славянских первоучителей», дал им «в науку» 50 юношей, и те в скором времени также овладели славянской грамотой. В этом же году, посетив Венецию, братья благополучно прибыли в Рим. Пока они были в дороге, папа Николай умер. Его преемник Адриан II принял братьев с большими почестями, позволил им продолжать свою миссию и даже посвятил Мефодия в сан епископа паннонского. Как потом выяснилось, все это было неискренним и лицемерным. Римская церковь и немецкие рыцари-крестоносцы, разумеется, и не помышляли смириться с создавшимся положением в Паннонии и Моравии.

Из Рима Мефодий возвратился снова в Моравию, а Константин, надломленный непосильным трудом, тяжело заболел и вынужден был остаться в одном из римских монастырей. Но дни его были сочтены. В том же 869 г. он умер, приняв перед смертью монашество под именем Кирилла. Между тем политическая обстановка в Моравии резко изменилась. Немецкие феодалы, опираясь на предательскую деятельность князя Святополка, племянника Ростислава, вновь пришли к власти и начали жестокую расправу над сторонниками «славянского верослужения». Мефодий был тайно арестован и посажен в мюнхенскую тюрьму в Баварии. Продолжительное время о нем никто ничего не знал. Изможденный и тяжело больной, он был случайно освобожден во время крестьянского восстания только в 873 г.

Шестнадцать лет после смерти Константина продолжалась миссионерско-просветительская деятельность Мефодия. В меру

своих сил и возможностей он переводит на славянский язык церковную и научно-философскую литературу, развивает и совершенствует «книжный слог», борется за «полную славянизацию» христианского богослужения в Моравии. Но историческая обстановка была не в его пользу. После смерти Мефодия в 885 г. паннонским архиепископом стал немец Вихинг — ярый противник славянства и личный враг уже покойных братьев.

Миссионерская деятельность первоучителей на территории Моравии, а затем в Паннонии продолжалась в общей сложности около 25 лет. За этот период Кирилл и Мефодий сумели воспитать целое поколение учеников из местного населения.

Дальнейшее распространение письменности, даже церковной, на славянском языке встретило упорное сопротивление со стороны папы и сторонников так называемого треязычия («законности» трех письменных языков для церкви — латинского, древнееврейского и древнегреческого). Учеников Кирилла и Мефодия обвиняют в ереси и подвергают тяжелым наказаниям, включая пытки, тюрьмы и изгнание. В том же 885 г. папа Стефан V официально запрещает употребление старославянского языка в церковном обиходе, вследствие чего церковнославянские проповедники вынуждены были бежать или на юг, к хорватам, или на юго-восток, в Болгарию[1].

До крещения Руси (988 г.) ведущую роль в развитии и совершенствовании старославянской письменности играла Болгария, где славянское богослужение и славянская письменность утвердились окончательно. Во времена правления царя Симеона (892—927 гг.) «славянская книжность» достигает своего наивысшего расцвета. Этот период заслуженно называют «золотым веком» старославянской культуры письма. На славянский язык переводятся десятки книг нравоучительного, философского и общенаучного содержания, в том числе произведения античной литературы и арабского Востока. Многие из них приобретут затем большую популярность на Руси во времена Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха.

В связи с тем, что в период создания первой славянской азбуки южные, западные и восточные славяне говорили на очень близких языках и диалектах, старославянский язык (по происхождению — древнеболгарский) стал общеславянским литературно-письменным языком. Из Моравии и Паннонии

[1] Разумеется, было бы неправильным думать, что на территории Моравии и Чехии славянская письменность полностью исчезла. И в X, и в XI в., и даже в более поздние времена славянская, главным образом глаголическая, литература продолжает развиваться, о чем свидетельствуют такие памятники, как Киевские листки, Пражские отрывки и др.

славянское письмо проникает в Чехию, а затем в Польшу. Киевская Русь, как известно, официально принимает старославянскую письменность вместе с принятием христианства в конце X в.

§ 6. У истоков восточнославянской графики

Древнейшая славянская письменность дошла до наших дней в двух совершенно разных графических системах. В зависимости от вида письма старославянские и древнерусские памятники подразделяются на кириллические и глаголические. В основу кириллицы, распространенной у южных и восточных славян, было положено греческое уставное (торжественное) письмо. Как уже упоминалось, некоторые буквы, которых не оказалось в греческом алфавите, в частности шипящие и **ц**, были заимствованы из древнееврейской азбуки. Принято, однако, считать, что более древней старославянской азбукой является глаголица. 38 букв глаголического письма передают все фонетические особенности старославянского языка.

Весьма продолжительное время в славистике не было единого мнения относительно того, какая из двух азбук является более древней — глаголица или кириллица. Но в послевоенные годы постепенно стабилизируется единая точка зрения: глаголица является более древней. Именно она была создана Константином и Мефодием. Аргументов здесь несколько. Главные из них: а) древнейшие памятники письменности, написанные глаголицей, обнаружены, главным образом, на территории, где когда-то проходила миссионерская деятельность солуньских братьев или их учеников. Заметим, что наиболее древние памятники кириллического письма как раз обнаружены там, где деятельность Константина и Мефодия не регистрировалась историческими данными — на востоке Балканского полуострова; б) глаголические памятники, как правило, более архаичны в языковом отношении; в) наконец, сам факт, что кириллица имеет 43 буквы, а глаголица — 38, свидетельствует в пользу более совершенной кириллицы; г) наличие так называемых палимпсестов, древних свитков, на лицевой стороне которых кириллические письмена пишутся на стертой или полустертой глаголице.

По вопросу о происхождении глаголического письма существует несколько точек зрения. В глаголице, например, П. Шафарик усматривает финикийское влияние, В. Вондрак — древнееврейское, Л. Ходзько — влияние германских рун. Наиболее реальной является точка зрения славянских языко-

ведов В. Ягича и Ф. Миклошича, которые устанавливают происхождение глаголицы из греческого курсивного минускула (скорописи). Единственное различие между этими двумя видами письма состоит в том, что некоторые греческие курсивные буквы пишутся слитно, в то время как глаголические — всегда отдельно.

Памятников глаголического письма сохранилось сравнительно немного. Это, главным образом, богослужебные книги южнославянского происхождения.

Глаголицей в свое время пользовались и восточные славяне. Об этом со всей очевидностью говорят сохранившиеся надписи на стенах новгородского Софийского собора. Отдельные буквы и слова, написанные глаголицей, встречаются и в известной «Книге пророков» попа Упыря Лихого.

Официальная русская церковь глаголицей не пользовалась. Глаголическое письмо, однако, не исчезло бесследно. В Болгарии и на Руси оно долгое время употреблялось в качестве светского «тайного письма». Кстати, оно употребляется и до сих пор в ритуале некоторых церковных приходов в Хорватии и западной Македонии.

Невольно возникает вопрос, в самом ли деле дохристианская Русь не имела своей письменности до 988 г. Можно ли себе представить «государство Рюриковичей» (К. Маркс) при Олеге, Игоре, Ольге, Святославе, наконец, Владимире, «яже ведома и слышима есть всеми концы земля», без письменности и грамотности? Разумеется, нет. Версия о «варварстве» и «языческой беспросветности» древних русов была «на руку» нашим недругам на западе, мирились с ней и некоторые отечественные буржуазные историографы. В советское время и особенно в послевоенный период история восточнославянских народов обогатилась множеством неопровержимых фактов, которые воочию свидетельствуют о высокой культуре древних русов, об их славном и героическом прошлом. Обратимся к самому рядовому примеру. Только в послевоенное время, благодаря археологическим исследованиям А. В. Арциховского, Д. А. Авдусина, В. Л. Янина и других ученых, на территории Большого Новгорода были обнаружены уникальные данные о состоянии экономики, культуры и быта древних новгородцев в киевский период. И среди них — грамоты на бересте, оригинальные письменные памятники XI—XV вв., которыми пользовались отнюдь не только представители феодальной знати и духовенства, но и многие простые люди.

Обращает на себя внимание высокая культура письма, сложившаяся традиция в области эпистолярного и делового стилей. Грамоты на бересте позволили нам наглядно представить

не только «поименную географию» улиц и предместий средневекового Новгорода, но и то, что в этом городе в XI—XII вв. существовали начальные школы в современном значении этого слова с «азбуковниками» и «писадлами», с рисованием и рукоделием. Могло ли все это возникнуть через 30—50 лет после официального принятия христианства? Русь, несомненно, имела свою письменность и в языческий период. В более позднее время она ее только совершенствовала. А вот некоторые данные.

1. В произведении почти современника Константина и Мефодия болгарского писателя черноризца Храбра «О письменах» имеется указание на то, что еще задолго до создания официальной азбуки славяне пользовались «чертами и резами». Некоторые ученые предполагали, что здесь речь идет о каком-то магическом священнодействии и даже колдовстве. По тексту это упоминание, несомненно, относится к вопросам письма и соответствующего его толкования. Советский историк В. П. Петров под «чертами и резами» подразумевает особый вид зарубочного письма, которым пользовались, по-видимому, и древние русы [1].

Смелые догадки в этой области выразил советский ученый Н. Энговатов, по профессии историк-нумизмат. Ему принадлежит открытие 20 зарубочных знаков на древних монетах восточных славян X—XV вв. Пользуясь этой системой графем, он сумел в 1960 г. прочитать надпись на печати Святослава [2]. Последнюю обнаружили археологи на территории города Саркел, бывшей столицы хозарского царства. Печать была утеряна киевским князем еще до принятия христианства.

2. Русская Начальная летопись «Повесть временных лет» подробно рассказывает о заключении мирных и торговых договоров между Киевским государством и Византией в 907, 912, 945 и 971 гг. и даже цитирует их тексты. Так как договоры эти заключались до принятия христианства (т. е. до официального прихода кириллицы на Русь), надо думать, что они в оригинале были написаны по-гречески и по-древнерусски. К языческому (дохристианскому) периоду относится также надпись «горушна» (горчичная) на глиняной корчаге (амфоре), обнаруженная советскими археологами в 1949 г. при раскопках Гнездовского кургана близ г. Смоленска. Научно доказано, что она является самой древней кириллической

---

[1] См.: Петров В. П. Слов'янська писемність за археологічними пам'ятниками.— У зб.: Питання походження і розвитку слов'янської писемності. К., 1963, с. 28.

[2] См.: Энговатов Н. Древнейшая русская азбука.— «Знание — сила», 1960, № 11.

надписью и относится или к концу IX в., или к первой четверти X в. Обращает на себя внимание также тот факт, что глиняная корчага, в которой хранились горчичные семена, принадлежала, по-видимому, рядовому русскому крестьянину (смерду), владевшему искусством письма.

3. Вескими доказательствами в пользу существования восточнославянской письменности в дохристианский период являются многочисленные свидетельства арабских, иранских и других писателей-путешественников, которым пришлось побывать на территории Киевского государства до 988 г. Все они в один голос заявляют о наличии «самобытного письма» у русов, которое не имеет ничего общего ни с греческой, ни с латинской, ни с арабской графикой.

«Загадочные письмена», обнаруженные в разные времена отечественными археологами при раскопках в Феодосии, Ольвии, Херсонесе, Керчи, на волжских берегах и до сих пор не прочитанные, несомненно, имеют какое-то отношение и к традиции письма древних русов.

4. В сохранившемся до наших дней произведении неизвестного болгарского писателя «Паннонское житие Константина Философа» находим свидетельство о том, что незадолго до создания славянской азбуки (863 г.) Константину (Кириллу) в составе византийского посольства пришлось побывать в Херсонесе (Корсуни) в Крыму. Здесь он обнаружил Евангелие и Псалтырь, написанные «русскими буквами». Упоминается также, что Константин быстро научился читать и понимать эти книги. Так как в Корсуни в те времена проживало много древних русов, то вряд ли может вызвать сомнение сам факт существования восточнославянской письменности в середине IX в. Есть основания думать, что в дохристианский период славяне в меру необходимости пользовались греческой графикой «без устроения» (Храбр), постепенно превращая ее в протокириллицу (древнюю кириллицу) [1]. На графической основе «черт и рез», не без влияния греческой скорописи и, быть может, даже хозарского письма, возникала протоглаголица (древняя глаголица) [2]. Мы вправе предположить, что эти азбуки при полной самостоятельности «черт и рез» или без них существовали на всей территории распространения славян. Следовательно, солуньские братья скорее не «создали», а «упорядочили» существующую протоглаголицу, превратив ее в системное письмо, строго учитывая фонетические особенности древнеболгарского языка. По такому же принципу где-то в

---

[1] См.: Брайчевский М., Высоцкий С. Откуда пошло славянское письменное слово.— «Знание — сила», 1972, № 3.

[2] См.: Истрин В. А. Развитие письма. М., 1961.

начале X в. на основе протокириллицы одним из талантливейших учеников Константина и Мефодия Климентом Охридским была образована и кириллица.

Что же представляла собой глаголическая система славянской графики? Как уже говорилось, в ее основе находится греческое скорописное письмо VIII—IX вв. с дополнением некоторых знаков из восточных азбук. Как графическая система глаголица сохранилась в двух вариантах: болгарско-македонском — округленном, очень удобном для того, чтобы пользоваться таким писчим материалом, как пергамент, и хорватском — угловатом, для высекания на камне или металле. Конфигурация глаголических букв весьма необычна. Бросается в глаза петлеобразность знаков, чем, собственно, она и напоминает греческий минускул (скоропись IX в.). Для примера приведем четыре знака в трех азбуках:

Глаголица	*Греческая скоропись*	*Кириллица*
Ⰰ	α	а
Ⰳ	γ	г
Ⰴ	δ	д
Ⰹ	ι	і

К глаголическим текстам часто прилагаются комментарии, написанные кириллицей. В кириллических написаниях иногда проглядывает глаголическая петлеобразность, а подчас даже глаголические графемы. Все это говорит о том, что между азбуками существует не только хронологическая преемственность, но у них, пожалуй, и общий принцип построения. Поэтому считают, что Константин и Мефодий «упорядочили» существовавшую ранее протоглаголическую азбуку. А. Мейе отмечал, что славянская азбука как таковая не имеет себе равных по строгости и четкости функций среди других графических систем мира.

Наиболее древним глаголическим памятником принято считать Киевские листки, представляющие собой отрывки католической обедни (мессы). Семь листков текста, обнаруженных в 1874 г. в архивах Киевской духовной академии академиком И. И. Срезневским, относятся к середине X в. В лингвистическом плане памятник передает особенности языка, распространенного на моравской территории. Старейшей да-

тированной кириллической надписью (граффити), относящейся к 943 г., является Добруджанская, обнаруженная в 1950 г. в Румынии при строительстве канала Дунай — Черное море. Эта надпись на каменной плите до сих пор продолжает оставаться предметом многих научных домыслов. Славист Ф. В. Мареш считает ее болгарской по происхождению.

Кириллица имеет 43 буквы, из которых 24 восходят к греческому уставному письму, а остальные заимствованы из глаголицы. Греческое уставное письмо использовалось лишь в особых случаях: в церковной литургии, в панегирических посланиях, в надгробных и дарственных надписях, в заголовках книг и т. п. Все знаки кириллицы отличались строгой геометрической формой. Даже внешнее сличение кириллицы с греческим унциалом дает нам право говорить об их полнейшем сходстве.

В кириллице были свои достоинства. Она быстрее усваивалась, легко читалась, начертания ее букв не отличались особой сложностью. Именно поэтому кириллица очень скоро распространилась во всех славянских землях. Было время (XIII—XIV вв.), когда она была «универсальным письмом славян» (В. В. Виноградов). Эта азбука в несколько измененном виде дожила и до наших дней. Современный болгарский алфавит сохранил многие традиционные черты старой кириллицы. Несколько видоизмененной кириллицей пользуются до сегодняшнего дня сербы. Хорваты, как известно, пользуются латиницей. Румынская азбука, одна из самых древних неславянских форм кириллического письма, была заменена латиницей лишь в первой половине XIX в. Невольно напрашивается вопрос, какая была необходимость в замене одной азбуки другой? Почему все-таки в Болгарии ведущей стала не глаголица, а кириллица.

Солуньские братья из двух известных им наиболее совершенных графических систем — протокириллицы и протоглаголицы — избрали последнюю по причине ее «нейтральности», хотя, разумеется, мнимой. В середине IX в. между Константинополем и Римом велась жестокая борьба (явная и тайная) за сферы политического и религиозного влияния в странах Центральной и Восточной Европы. Питая любовь и уважение к славянскому миру, братья не хотели превращать его в «яблоко раздора» между двумя господствующими сферами политического влияния. Славянская система графики, по мнению братьев, должна была быть только славянской, как это было у армян, грузин, персов, готов, хозар, сирийцев и других народов. История, как нам известно, внесла свои коррективы. Римская церковь во главе с папой с пренебрежением

относилась скорее не к глаголице, а к славянам, так как последние стремились овладеть культурой письма на родном языке. Изгнав учеников Константина и Мефодия из Моравии, наложив официальный запрет на славянскую письменность в год смерти Мефодия (885), Рим окончательно противопоставил себя славянскому миру. Византия в этой сложной политической ситуации оказалась более лояльной, более сговорчивой. Вот почему Болгария, а затем Сербия и Киевская Русь объявили кириллицу (греческий унциал) нормативным славянским письмом [1].

В начале XVIII в. специальным указом Петра I старославянская кириллица была преобразована в русскую «гражданскую азбуку», начертание букв которой разработал Илья Копиевич. Одной из первых книг, отпечатанных гражданским шрифтом, был учебник геометрии, изданный «новотипографским тиснением» в 1708 г. Петровская реформа письма способствовала окончательному разделению светских литературно-художественных стилей и богослужебной (церковно-нравоучительной) литературы. Традиционное кириллическое письмо в христианских культовых книгах в основном сохранилось и до наших дней. Конфигурация букв, способ и правила их сочетания в слове менялись от эпохи к эпохе. Кириллица в своем развитии запечатлена в трех формах: устав, полуустав и скоропись.

Как и следовало ожидать, славянский устав, подобно своему византийскому собрату «греческому унциалу», был на Руси высокостильным торжественным письмом. В первую очередь он был присущ культурным книгам литургического направления. Отсюда, его особый «внешний облик» — большие вычурные прямо стоящие знаки, отчетливый архитектурный характер линий, полное или почти полное отсутствие сокращений. Естественно, что такого рода книги требовали титанического труда, иногда писались годами.

Начиная с XIII в., когда письменность все больше и больше выходит за рамки церковнослужебной литературы, с развитием новых светско-литературных и научно-философских жанров, возникает полуустав. По существу, это деловое

---

[1] Название *кириллица* в древности было более универсальным. Восходящее к этимону *Кирилл* (Константин), оно в одинаковой мере относилось и к глаголице и обозначало, пожалуй, просто «азбуку» в ласкательно-ироническом значении. В дошедем до нас списке «Книги пророков» за 1499 г. (копии текста, написанного в Новгороде в 1047 г.) писец поп Упырь Лихой отмечает, что писал «книгу сю из кириллицы». На самом же деле оригинальный текст был глаголическим. По-видимому, начиная с XI в. название *кириллица*, как уникальное письмо, закрепляется за азбукой, которая пришла на смену глаголице.

письмо писцов, работающих на заказ и на продажу. Как форма письма, полуустав сочетает в себе две практические цели — быстроту и легкость написания слов и большую экономию писчего материала. Буквы полуустава лишены каллиграфической четкости и вычурности, они гораздо меньше уставных, допускается наклон вправо или влево, поощряются сокращения. В начале XIV в. на смену полууставу в эпистолярную и деловую литературу приходит скоропись, практическое значение которой трудно переоценить. Внешние черты скорописной графики очень разнообразны. В древности поощрялся скорописный «волюнтаризм», весьма популярными были завитки и заумные сокращения. Заметим, однако, что скоропись не распространялась на все виды кириллической письменности. Она была достоянием, главным образом, делового и литературно-художественного стилей.

Церковнолитургическая литература, начиная с XVI в., вырабатывает свой постоянный кириллический полуустав, который получил название старопечатного шрифта.

§ 7. Кириллическая азбука и ее особенности

Со времени создания первой славянской азбуки прошло целое тысячелетие. За этот период времени в истории славян и их языков произошли значительные качественные сдвиги. Древнерусский (восточнославянский) язык-основа в XIII—XIV вв. в силу особых исторических и этнолингвистических обстоятельств распадается на три языка народностей (русский, украинский и белорусский), затем эти языки с развитием капиталистической формации, в условиях единого русского государства постепенно превращаются в национальные. Древнерусская кириллическая система знаков в сравнении с современной выглядит в общем очень сложной и пестрой, хотя, как известно, согласные звуки не подверглись каким-либо существенным изменениям.

Большая заслуга в толковании фонетической системы старославянского языка принадлежит выдающемуся русскому лингвисту академику А. Х. Востокову, который еще в 1820 г., пользуясь сравнительно-историческим методом, сумел правильно и глубоко научно объяснить происхождение и природу отдельных гласных и согласных звуков.

Остановимся на общей характеристике тех кириллических знаков, которые отличаются оригинальностью написания и произношения в сравнении с современным русским языком.

1. **Ъ** (ер) и **ь** (ерь) в старославянской азбуке, в отличие от современной русской, обозначали гласные неполного образо-

вания (глухие или редуцированные); **ъ** произносился как краткое **о**, а **ь** — как краткое **е** (*тъпътъ, мъхъ, жьньць, пьнь*).

2. **Ѫ** (юс большой) и **Ѧ** (юс малый) были носовыми гласными, которых нет в современном русском языке. Юс большой произносился как **о** носовое (о^н), юс малый — как **е** носовое (е^н) (*рѫка, пѫть, мѧсо, пѧть*). Носовые **Ѫ** и **Ѧ**, как и глухие **ъ** и **ь**, на почве восточнославянского (древнерусского) языка, первые с X в., вторые — с XII в., рефлексировались в соответствующие чистые гласные. Например: *рѫка — рука, пѫть — путь; мѧсо — мясо, пѧть — пять.* Переход **ъ** в **о** и **ь** в **е** происходил на почве др.-русск. языка только в так называемой сильной позиции (под ударением или перед слогом с редуцированным гласным): *мъхъ — мохъ, тъпътъ — топотъ; пьнь — пень, жьньць — жнець.*

3. **Ѣ** (ять) в старославянском и древнерусском языках произносился либо как долгое **е** (*хлѣбъ, дѣти*), либо как дифтонг ***ие*** (*сиено — сѣно, тиело — тѣло*). При этом дифтонгическое произношение было преобладающим.

Начиная с XIII—XIV вв. на почве формирующегося великорусского языка **ѣ** в произношении постепенно превращается в монофтонг **е**, хотя вплоть до 1918 г. традиционная орфография этот знак как графему из употребления не исключает.

4. В старославянских и древнерусских текстах фигурируют некоторые сложные буквенные знаки, например: **оу** (у долгое), **ы** (еры), **щ** (шт). Ср. **оу**хо, **сынъ**, *нощь.* Сюда относились также йотированные графемы: **ꙗ**, **ѭ**, **ѩ**, **ѥ**, ср. *ꙗма, читаѥть, ѩзыкъ, ѥзеро, ѥдъва.*

5. Некоторые звуки старославянского и древнерусского языков могли передаваться двумя и даже больше буквами. Так, например, звук **у** мог «маркироваться» в зависимости от природы слова как **оу** (долгое), **ꙋ** (лигатура) или **Ѫ** (юс большой); звук **о** — как **о** (микрон) или **ѡ** (омега); звук **з** — как **з** (земля) или **ѕ** (зело); **ф** — как **ф** (ферт) или **ѳ** (фита); звук **и** — как **и** (восьмиричное) и **і** (десятиричное) и, наконец, как **ѵ** (ижица).

6. В словах греческого происхождения употреблялись сложные греческие написания — двозвуки, например, **ѯ** (кси). Ср. *Алеѯандръ*; **ѱ** (пси) в слове *ѱалмъ.*

§ 8. Числовое значение букв кириллицы

По византийской традиции старославянские и древнерусские буквы имели числовые значения. При этом над буквой ставилось титло (҃), а по бокам буквы — точки: ·А҃· (1);

·В· (2); ·Г· (3); ·Д· (4); ·Е· (5); ·S· (6); ·З· (7). ·И· (8); ·Ѳ· (9); ·І· (10); ·К· (20); ·Л· (30); ·М· (40); ·Н· (50); ·Ѯ· (60); ·О· (70); ·П· (80); ·Ч· (90); ·Р· (100); ·С· (200); ·Т· (300); ·ОУ· (400); ·Ф· (500); ·Х· (600); ·Ѱ· (700); ·ω· (800); ·Ц· (900).

Числа от 11 до 20 выражались соединением показателей единиц с ·І·; при этом единицы писались впереди десятка: 11 — ·АІ·; 12 — ·ВІ· и т. д. Для обозначения чисел сверх 20 показатели единиц ставились после показателей десятков. Например: 23 — ·КГ·; 88 — ·ПИ· и т. д. Начиная с тысячи внизу перед соответствующей буквой ставился знак ҂, например, ҂·А· — 1000, ҂·В· — 2000 и т. д.

Счет времени в старославянском и древнерусском языках велся «со дня сотворения мира». Современному историку при этом легко восстановить истину, отняв от соответствующей цифры число 5508, то есть разницу лет «от сотворения мира до рождения Христова». При этом надо иметь в виду тот факт, что на Руси старое исчисление лет существовало до 1700 года. Древнерусский новый год начинался или с марта, или с сентября. Мартовский год в памятниках письменности фигурирует с XI до конца XV в. Начиная с XVI в. и до 1701 г. новый год начинался с сентября. С понятием времени были тесно связаны два слова: *година* и *час*. Первое обозначало отвлеченный отрезок времени, второе — конкретный. В значении «год» употреблялось слово *лѣто*. Современное значение всех упомянутых выше слов закрепилось только в национальный период, то есть со второй половины XVII в.

Наряду с общепринятыми названиями месяцев греко-латинского происхождения на Руси употреблялись и местные названия: *просинец* (январь), *сечень* (февраль), *сухий* (март), *брезовор* (апрель), *травень* (май), *изок* (июнь), *червень* (июль), *зарев* (август), *рюин* (сентябрь), *листопад* (октябрь), *груденъ* (ноябрь), *студень* (декабрь). Воскресенье в древнерусском языке называлось *недѣлей*. Кстати, это название сохранилось во всех славянских языках, кроме русского. Ср. день после *недѣли* — *понедѣльникъ*. Неделю в значении «семи дней» знаменовало слово *семица*[1].

---

[1] См.: Винокур Т. Г. Древнерусский язык. М., 1961, с. 45—46.

Таблица 3

Кириллический алфавит

Буквы алфавита	Название букв	Звуковое значение	Числовое значение	Буквы в словах
а	аз	а	1	рана, зарево
б	буки	б	—	барсъ, братъ
в	веди	в	2	волъ, вика
г	глаголь	г	3	гоголь, гать
д	добро	д	4	дорога, даръ
е	есть	е	5	берегъ, семь
ж	живете	ж	—	жажа, жьньць
ѕ	зело	з	6	ѕѣло, браѕи
з	земля	з	7	зернь, зелень
и	иже	и	8	зима, вира
і	и	и	10	Іcоусъ, иріи
к	како	к	20	кость, кромѣ
л	люди	л	30	лада, лѣто
м	мыслете	м	40	мати, межа
н	наш	н	50	нарочитъ, недѣля
о	он	о	70	око, отроќъ
п	покой	п	80	порты, правьда
р	рцы	р	100	рало, рокотати
с	слово	с	200	смердъ, сроубъ
т	твердо	т	300	тисъ, токъ
оу	ук	у	400	оуброусъ, оувозъ
ф	ферт	ф	500	фонарь, Филиппъ
х	хер	х	600	холодъ, соха
ѡ	от	о	800	Иѡанъ, ѡтъ
ц	цы	ц	900	цѣна, гридьница
ч	червь	ч	90	читати, чага
ш	ша	ш	—	шеломъ, шоуица
щ	шта	шт (ш)	—	тьща, ѥще
ъ	ер	близок к «о»	—	тъпътъ, сънъ
ы	еры	ы	—	сынъ, мыто
ь	ерь	близок к «е»	—	дьнь, сь
ѣ	ять	ие (е)	—	дѣло, свѣтъ
ю	ю	ю	—	чюдо, югъ, мою
ꙗ	я	я	—	ꙗгода, моꙗ, волꙗ
ѧ, ѩ	юс малый йотованный	я	—	ѩзыкъ, имѧ, пѧть
ѫ ѭ	юс большой йотованный	у ю	—	зѫбъ, берѫ, рѫкоѭ, грозоѭ
ѯ	кси	кс	60	Алеѯандръ, ѯаверии
ѱ	пси	пс	700	ѱалъмъ
ѳ	фита	ф	9	Ѳома, ѳиникъ
ѵ	ижица	как «и» или «ю»	400	Егѵпетъ, мѵро

§ 9. Надстрочные знаки и знаки препинания

Почти вплоть до изобретения печатного станка и учреждения первой крупной типографии в Москве в 1563 г. кирилловское письмо было сплошным. Слова не отделялись друг от друга. Прописная буква употреблялась только в начале абзаца. Графическая система знаков препинания была весьма ограниченной. Она состояла из точек (одной или нескольких), которые ставились в конце предложения или синтагматического объединения слов. Под влиянием византийско-болгарской традиции в древнерусских памятниках письменности употреблялись так называемые надстрочные (диакритические) знаки. Это были черточки, квадратные и фигурные скобки, запятые и точки с запятыми. Последние указывали на различного рода сокращения слов, определяли ударение, акцентированное придыхание, мягкость согласных и т. п.

Экономия писчего материала, быстрый темп письма, а иногда и особенности «авторского почерка» были причиной всевозможных сокращений в словах и оборотах. В качестве надстрочного знака при этом употреблялись титлы (҃). Например: *с҃нъ* (сын), *с҃того* (святого), *б҃ца* (богородица). В отдельных случаях под титлом над словом вписывалась одна из «определяющих» согласных букв. При этом титло могло иметь форму дужки: *Иерⷧсмъ* (Иерусалим), *гⷭнъ* (господин). Если в слове опускались **ъ** и **ь** (редуцированные гласные), над ним или в середине слова вводился паерок: *д]сница* (правая рука), *д]несь* (сегодня). С помощью апострофа или дужки передавали мягкость согласного: *вола̑* (воля), *грид'ница* (сторожевое помещение). Гласные, которые передавались с придыханием, уснащались системой «дыхов». Ср. *и҆гоуменъ*, *и҆нокъ*.

Запятая в древнерусских рукописных книгах появляется только в середине XV в. Современная система знаков препинания вводится только во времена Ивана Грозного по инициативе Максима Грека, выдающегося грамматиста и переводчика. В русских первопечатных книгах XVI и XVII вв. регистрируется система пунктуации, которой мы пользуемся и в наши дни.

§ 10. Основы русской палеографии

Как уже упоминалось, палеография — это наука о древних письменах, о первых книгах. Слово *книга* праславянского происхождения. Это были «переплетенные вместе листы

с каким-либо текстом»[1]. Форма множественного числа *кънигы* исконно знаменовала «письмо вообще», «буквы», «грамоты», «свитки». На протяжении 500 лет (с XI до XVI в.) Русь пользовалась рукописными книгами. Первые из них, по-видимому, пришли из Болгарии. Слово же *грамота*, как искусство письма, греческого происхождения, и не исключено, что оно было известно восточным славянам еще до официального принятия христианства. Показателен факт, что предки эстонцев и финнов заимствовали это слово у древних русов устным путем. Ср. совр. эст. *raamat* — книга. А. М. Горький когда-то назвал книгу «наиболее сложным и великим чудом из всех чудес, сотворенных человечеством на пути его к счастью и могуществу». Оказывается, что об этом «чуде» очень мудро и искренне отзывались наши праотцы еще в XI в. В предисловии к переводу Евангелия на болгарский язык, которое затем вошло в «Изборник Святослава» 1073 г., читаем: «Душа, не знающая букв, — мертвая душа». Или: «Красота для воина — оружие и для корабля — парус. Так и праведнику — почитание книжное». Культ книги на Руси — один из наиболее древних и наиболее почетных. Известно, что во времена Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха в Киеве существовало большое хранилище книг, пополняемое из года в год переводными и оригинальными произведениями древнерусских авторов. По своему идейному, жанровому и языковому богатству эти произведения не уступали лучшим образцам византийской и древнеболгарской литературы. Итак, что нам известно из истории отечественной палеографии? Как развивалась и какими классическими образцами была представлена древнерусская письменность?

Древнейшие рукописи XI — XIV вв. были написаны на специально выделанной коже, которую на Руси называли *телятиной, мехом* или просто *козой*.

В произведениях высокого стиля слово *телятина* часто заменяется греческим словом *хартия* или *пергамен*. Слово *пергамен* восходит к названию малоазиатского города Пергама, в котором очень искусно умели изготовлять бараньи кожи, употребляемые как материал для письма. Бумага у славян появляется не ранее XIII в. (у болгар); на Русь она проникает только в XIV в. Надо полагать, что восточные славяне, до того как сумели наладить свое отечественное производство (до XVI в.), пользовались бумагой, привозимой с Востока, о чем свидетельствует иранское происхождение самого слова

---

[1] Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. К., 1970, с. 203.

бумага. Известно также, что польск. *papier* и чешск. *papír*, наоборот, восходят к романо-германскому *papir* — папирус (водяное растение, произрастающее в дельте реки Нил). Бумага как материал для письма имела много преимуществ по сравнению с пергаментом. Она была дешевле, красивее и практичнее. Филигранные водяные знаки на бумаге с предельной точностью позволяют историкам установить не только «возраст» того или иного документа, но и место изготовления бумаги.

Самой древней бумажной грамотой на Руси принято считать Договорную грамоту великого князя московского Симеона Гордого около 1350 г.

Наиболее распространенным орудием письма в древности были перья (гусиные или павьи). В качестве чернил употреблялась железистая краска или чернила из дубовых «чернильных орешков», реже пользовались киноварью, суриком или золотом. Сохранилась, например, грамота Ивана IV Грозного к архиепископу Гурию за 1555 г., написанная киноварью. Золотом написана Мстиславова грамота за 1130 г. Размер рукописей определялся их назначением или материальными возможностями того, кому они принадлежали.

Техника же письма была весьма примитивной. Вначале каждую страницу разлиновывали. Затем подчищали перья, разводили краску, сушили песок, с помощью которого снимали кляксы, чернильные разводья и т. п. Каждая буква выписывалась в несколько приемов. При выведении заглавных букв пользовались яркой краской. Отсюда и берет свое начало так называемая красная строка. На полях принято было делать рисунки (чаще всего птиц, зверей, реже — людей). Начиная с XV в. живописные изображения (миниатюры) развиваются в сторону геометрической орнаментики (узоры из правильных геометрических фигур — кружочков, ромбиков и квадратов).

Переписывание книг в древности приравнивалось к самой трудной и благородной работе. Оно отнимало не только много времени, но и требовало от переписчика большой усидчивости, эстетической одаренности, художественного вкуса. Известно, например, что переписчик Остромирова евангелия дьякон Григорий в XI в. выполнил свою работу не менее чем за 200 дней, переписывая в день около 100 строк. Эта книга написана крупным, вычурным уставом на великолепном пергаменте, украшена раззолоченными заглавиями, фигурными начальными буквами и четырьмя большими изображениями евангелистов.

Можно себе представить, какую радость и удовлетворение испытывал писец, закрывая последнюю страницу переписан-

ной им книги. В одном из послесловий к древней рукописной книге находим: «Радуется купец, сотворивший прикуп, радуется кормчий, достигнув тихой пристани, радуется странник, увидев родину, так радуется и писец, дошед до конца своим книгам» [1].

Богатая оправа книги, включавшая золотое и серебряное тиснение, инкрустации из перламутра и драгоценных камней, а также мастерски выполненные рисунки и, наконец, само уставное письмо превращали некоторые древние рукописи в оригинальные произведения искусства. Именно поэтому на Руси исстари понимали значение книг, любили и берегли их. Чтобы лучше сберечь книгу, к переплету подшивались специальные застежки. В приписке к одному старинному евангелию говорится: «А который поп или дьякон чтет, а не застегивает всех застежек, буде проклят» [2]. На специальных «жуковинах» книга всегда находилась в стоячем положении, не прикасаясь к столу лубками.

Было время, когда считали, что в киевский и раннемосковский периоды на Руси письменность была достоянием избранных людей, главным образом представителей феодальной знати и духовенства. Одной из аргументаций этой точки зрения была необыкновенная дорогостоимость материала и орудий письма (пергамент, наличие необходимых чернил и красок и т. п.). В 1951 г. археологическая экспедиция под руководством профессора А. В. Арциховского на территории Большого Новгорода обнаружила совершенно новый вид письменных памятников древнейшего периода — грамоты на бересте. Береста в условиях русской природы была самым дешевым и наиболее доступным писчим материалом. В качестве активного орудия письма использовалась обыкновенная деревянная или костяная заостренная палочка *(шильце,* или *писало),* с помощью которой на бересте путем тиснения могли воспроизводить любой текст.

В ходе раскопок перед глазами археологов открылась изумительная по своему богатству и разнообразию картина далекого прошлого нашей Родины. В пластах XI—XII вв. ученые обнаружили весьма оригинальную для средневековой Европы водопроводную систему, мостовую и тротуары, русскую инкрустацию на золоте и серебре, русский перламутр и, наконец, необыкновенно богатую по своим формам и назначению письменность — берестяные грамоты. Только за последние 20 лет обнаружено свыше шестисот рукописей XI—

---

[1] Цитируем по книге: Осипов К. Русский первопечатник Иван Федоров. М., 1955, с. 7.

[2] Там же, с. 6.

XVI вв., которые свидетельствуют о почти сплошной грамотности среди простых людей древнего Новгорода. В числе находок: древнерусское учебное пособие — ромбическая деревянная азбука, которой пользовались обучающиеся грамоте дети. Она представляла собой дощечку из можжевельника, на лицевой стороне которой были вырезаны буквы кириллической азбуки, на внутренней стороне находилось углубление, куда заливался воск. С помощью «шильца» ученик, изучавший азбуку, имел возможность проверить свои знания в области письма и орфографии. Последнее открытие позволило, наконец, разгадать значение ромбических предметов, которые часто изображались в руках детей на картинах древнейших живописцев [1].

Грамоты на бересте представляют большую научную ценность не только для историка, но и для языковеда, изучающего древнерусские говоры и диалекты: они написаны простым разговорным языком в его первозданном слоге и произношении.

§ 11. Памятники древнерусской письменности

Итак, остановимся на характеристике важнейших памятников древнерусской письменности. Известно, что общее число рукописей допетровского времени исчисляется десятками тысяч. Большинство памятников относится к XVI—XVII вв.; к XI—XIV вв. принадлежит не более тысячи, из них к XI в.— 25—30.

Все имеющиеся памятники древнерусской письменности в зависимости от степени сохранности письма и литературного жанра следует рассматривать в таком плане.

1. Кириллические надписи, сохранившиеся на сосудах, камнях, стенах храмов, надгробиях, монетах и т. п.

Древнейшие памятники этого типа (XI—XII вв.) хотя и представляют определенный научный интерес, особенно для языковеда-историка, не дают, однако, полного и глубокого представления о состоянии письменной культуры данного периода в целом. Среди наиболее известных памятников отметим:

а) надпись «горушна» (горчичная) на глиняной амфоре, обнаруженной при раскопках Гнездовского кургана близ г. Смоленска в 1949 г., относится к первой четверти X в.;

б) подпись французской королевы Анны Ярославны (дочери князя Ярослава Мудрого, вышедшей замуж за Ген-

---

[1] См.: Алешковский М. Двадцатый век о древнем Новгороде.— «Знание — сила», 1972, № 6.

риха I), обнаруженная на латинской грамоте, 1063 г.: «Ана ръина» (т. е. Anna regina — Анна королева);

в) надпись на Тмутороканском камне, 1068 г.: «Въ лѣто ·SФОS· Глѣбъ кнѧзь мѣрилъ м(море) по ледоу ѿ тьмꙋторо-канѧ до кърчева ·Ї· и ·Д· саже». Камень с надписью хранится в Эрмитаже (Ленинград). Это единственная датированная надпись XI в.;

г) надпись на чаре Владимира Давидовича, относящаяся к 1151 г.: «А се чара кнѧ(кнѧЗѧ) Володимерова Давыдовича кто из нее пь (пьеть) тому на здоровье, а хвалѧ бога (и) своего ѡсподарѧ великого кнѧ». Хранится в Эрмитаже.

2. Списки со старославянских текстов церковнобогослужебного содержания:

а) Остромирово евангелие — книга евангельских чтений, переписанная дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромира в 1056—1057 гг. В качестве оригинала был использован старославянский текст — евангелие апракос [1].

Сохранившаяся рукопись имеет 294 листа. Язык документа отличается глубокой архаичностью, характерной для книг кирилло-мефодиевских редакций. Отдельные неправильные написания слов и некоторые авторские замечания свидетельствуют о том, что писец Григорий был, по-видимому, киевлянин, хотя и жил в Новгороде. В настоящее время памятник хранится в ленинградской Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина;

б) Изборники князя Святослава (1073—1076 гг.) представлены двумя книгами, написанными для киевского князя Святослава дьяконом Иоанном в сотрудничестве с другим неизвестным писцом. В основу древнерусского перевода был положен греческий текст религиозно-нравственного и поучительного содержания, предназначенный для болгарского царя Симеона. Первая книга хранится в московском Историческом музее, вторая — в ленинградской Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина;

в) Архангельское евангелие (апракос) 1092 г. представляет собой рукопись, над созданием которой трудились несколько писцов-киевлян. Книга найдена в Архангельске в середине прошлого века. В настоящее время хранится в Государственной публичной библиотеке в Москве.

г) Новгородские служебные Минеи — за сентябрь 1095 г., октябрь 1096 г., ноябрь 1097 г.

---

[1] Церковное чтение, начинающееся от пасхального обряда *(Ю. С.)*.

Как документы церковнолитургической литературы Минеи представляют собой собрание церковных песнопений, расположенных по дням и месяцам. Некоторые особенности языка (наличие цоканья и чоканья) свидетельствуют о том, что авторы-переписчики были новгородцами. Документ хранится в рукописном отделении московского Исторического музея.

3. Светско-юридические и церковно-юридические памятники:

а) «Русская Правда» — древнейший сборник правовых законов киевского периода. Как памятник письменности, он связан с именем Ярослава Мудрого и его сыновей (середина и вторая половина XI в.). Древнейшая рукопись «Русской Правды» обнаружена во второй половине XVIII в. среди списков Новгородской летописи. Сохранившиеся списки (около 300) сводятся к двум редакциям; из них наиболее пространная относится к 1282 г.;

б) Новгородская Кормчая 1282 г.— памятник церковно-юридического содержания. Хранится в московском Историческом музее;

в) «Мерило праведное» представляет собой сборник юридических и церковно-нравоучительных руководств, взятых из более древних греческих и старославянских документов. Сохранилось несколько списков. Из них наиболее древний относится к XIV в. (Троицкий список);

г) Судебник великого князя Ивана III Васильевича Московского, 1497 г.;

д) Судебник Ивана IV Грозного, 1550 г. и др.

4. Русские летописи — древнейшие оригинальные памятники историко-литературного жанра.

Летописание на Руси — одна из наиболее ярких страниц в истории отечественной культуры древнейшего периода. Наиболее древним летописным сводом, дошедшим до нашего времени, является так называемая Начальная летопись («Повесть временных лет»), авторство которой приписывается монаху Киево-Печерского монастыря Нестору, жившему в середине XI в.

Величие и монументальность, подлинный историзм и народная простота в изложении фактов действительности выгодно отличают этот документ от европейских хроник, в том числе и византийских. Последние, как известно, некоторое время были образцами для древнерусского летописания.

Летопись охватывает период с XI по XII в. Как документ письменности она дошла до нас в различных списках XII—XV вв. По характеру повествования, сюжетам и жанру «Повесть временных лет» подразделяется на две части: I часть берет свое начало из устного народного творчества. Здесь

мы встречаем легенды о происхождении мира, русской земли и русского государства. В летопись включены также народные и библейские сказания. II часть более исторична. В ней освещаются события XI — начала XII вв. «Повесть» кончается 1037 г., в частности деятельностью Ярослава Мудрого.

Начальная летопись не дошла до нас в своем оригинальном виде; она находится в различных списках вместе с рассказами других ее продолжателей, которые при переписке изменили начальный текст. Древнейшие из этих списков:

а) Синодальный список I Новгородской летописи XIII—XIV вв., повествующий об истории северо-западной Руси. Хранится в Историческом музее в Москве;

б) Лаврентьевский список летописи 1377 г., написанный монахом Лаврентием для суздальского князя Димитрия. Хранится в ленинградской Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина;

в) Ипатьевский список первой половины XV в. (назван по имени Ипатьевского монастыря) представляет собой древнейшую редакцию летописного свода начала XIV в. Рукопись документа хранится в Библиотеке Академии наук СССР.

Остальные имеющиеся летописные списки относятся к более позднему периоду (XVI—XVII вв.).

5. Древнерусские грамоты.

В киевский и московский периоды грамотами называли всякого рода письменные акты, исходившие как от государственных органов, так и от частных лиц. Грамоты выдавались чаще всего князьями (жалованные, опасные — в качестве пропусков). Церковными организациями и частными лицами выдавались охранные и уставные грамоты. Последние закрепляли передачу права собственности (завещательные, купчие, меновые и др.). Были также грамоты юридического содержания, так называемые судные грамоты (Новгородская судная грамота, Псковская судная грамота и др.).

В период феодальных войн на Руси весьма часто пользовались так называемыми разметными грамотами, которые посылались противнику в канун объявления войны. Как документы деловой письменности грамоты представляют огромную ценность не только для историка, но и для лингвиста. Они очень четко и ярко передают живые черты древнерусской речевой культуры. Даже в наиболее «консервативных» по языку грамотах канцелярского происхождения всегда можно обнаружить слова и выражения, взятые непосредственно из народно-речевого обихода.

Как уже говорилось, особый интерес в этом отношении представляют новгородские берестяные грамоты. Многие из

них содержат частную переписку светских лиц, богатых и бедных, мужчин и женщин. «Берестяные грамоты драгоценны для историка языка также тем, что, сохранившись в древнем культурном слое, в течение веков не тронутом человеком, они не оставляют сомнения в своем новгородском происхождении» [1]. Перед нами непосредственное свидетельство о живом общенародном языке древнего Новгорода разных эпох. Этим они отличаются от значительной части других письменных памятников, обычно трудно поддающихся точной локализации. В качестве иллюстрации приведем образец эпистолярного стиля из грамоты XIII в.: «Поклонъ отъ Петра к Марье. Покосиле есмъ пожню, и Озерици у мене сѣно отъяли. Спиши списокъ с купной грамоте да пришли сѣмо. Куды грамота поведе, дать ми розумно». Содержание письма не нуждается в специальном толковании, если учесть диалектные значения слов: *пожня* — покос, *озерицы* — жители села Озеры, *сѣмо* — сюда, *разумно* — понятно. При этом показателен факт, что письмо адресовано женщине — супруге Марье, которая несомненно была грамотной, иначе Петр не употребил бы выражения «спиши список» [2].

Грамоты — самый богатый и наиболее разнообразный по содержанию вид древнерусской письменности. По территориальному признаку грамоты подразделяются на новгородские, псковские, московские, рязанские, двинские, полоцкие, смоленские и др. Отметим некоторые наиболее значительные грамоты в хронологической последовательности.

Грамоты, написанные на пергаменте, относящиеся к XII в. Их две:

а) Дарственная грамота князя Мстислава Володимировича новгородскому Юрьеву монастырю, около 1130 г.;

б) Вкладная Варлаама Хутынскому монастырю (близ Новгорода), около 1192 г.

К XIII—XIV вв. относятся:

а) Договорная грамота смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригою и Готским берегом, 1229 г.;

б) Новгородские грамоты периода независимости (XIII—XV вв.). Из них наиболее ценной в языковом отношении является Договорная грамота Александра Ярославовича (Невского) с немцами, 1262—1263 гг.

Видное место среди грамот древнерусского периода занимают также московские грамоты XIV—XVII вв. Среди них:

---

[1] Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., АН СССР, 1955, с. 7.

[2] См.: Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. М., АН СССР, 1954, с. 57.

а) духовные; старшая из них — Духовная великого князя Ивана Даниловича Калиты, 1339 г.;

б) договорные; старшая из них — договор в. кн. Симеона Гордого с братьями, 1340 г.;

в) Белозерская губная грамота Ивана IV, 1539 г.

6. Художественно-публицистические произведения. Житийная литература.

Вскоре после принятия христианства древнерусские книжники, глубоко усвоив современную им передовую византийско-болгарскую культуру и письменность, начали создавать свои оригинальные произведения, отражающие историческую действительность и жизнь русского человека. Отметим главные из этих произведений:

а) «Поучение» Владимира Мономаха. По Лаврентьевскому списку датируется 1117 г. Как литературный памятник приписывается Владимиру Мономаху, одному из выдающихся киевских князей, деятельность которого относится к концу XI — началу XII в. «Поучение» состоит из двух частей: дидактической и биографической. Произведение в целом написано в духе своего времени, цветистым языком, с цитатами из святого писания, библейскими символами и противопоставлениями.

Для языковеда-историка более ценной является вторая — биографическая часть произведения, в которой церковнославянские элементы художественной речи оригинально сочетаются с народно-бытовыми. Обращает на себя внимание также идейная сторона произведения, связанная со стремлением Мономаха к объединению русских земель перед угрозой нашествий с юга и востока;

б) «Слово о полку Игореве», произведение народно-поэтического стиля, повествует об исторических событиях 1185—1187 гг. Как памятник письменности относится к XII в. Обнаруженная в конце XVIII в., рукопись представляет собой список начала XVI в. Языковые данные свидетельствуют о том, что переписчик был новгородец или псковитянин. «Слово» является литературным произведением, в котором мастерски сочетаются высокая художественность и глубокое чувство патриотизма. Стилистическое своеобразие «Слова» заключается в необыкновенно удачном переплетении устной древнерусской поэзии дохристианского периода с современной книжной традицией, в оригинальном подборе речевых средств и особых приемов их употребления;

в) «Житие и хождение Даниила, Русьскыя земли игумена», произведение паломнической литературы, обнаруженное в списках XV в.

Паломничество Даниила в Палестину состоялось в начале XII в. (1106 г.). Надо думать, что к этому времени относится и написание произведения, оригинал которого не сохранился. Автор «Хождения» с большой достоверностью описывает Иерусалим, Вифлием, Иордан, Галилею, Самарию и другие места, о которых только понаслышке могли знать русские люди, читавшие культовые книги. Кроме подобных описаний, в произведении приводится много легенд, мифов и сказаний, услышанных автором во время путешествия. Язык повествования лаконичен, прост и убедителен. Реализм в передаче многих фактов действительности, сообщаемых Даниилом, побудил многих ученых, в том числе географов и историков, к использованию «Хождения» в качестве весьма оригинального учебно-научного пособия;

г) «Хожение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, произведение XV в., повествующее о четырехлетнем путешествии автора, предприимчивого и любознательного русского человека, «тверитина» по происхождению. Особый историко-литературный интерес представляют главы, посвященные пребыванию Афанасия Никитина в Индии. Описания индийской действительности касаются не только географии и природных богатств этой замечательной страны, но также нравов ее населения, отдельных сторон социальной жизни. «Хожение за три моря» — высокохудожественное произведение, написанное в духе традиционной паломнической литературы, однако в нем явно преобладают образы и речевые средства, идущие от живого русского языка;

д) «Задонщина», историческая повесть начала XV в., известная как «Писание Софония старца рязанца». События, о которых идет речь в произведении, относятся к 1380 г. (Куликовской битве), положившей начало объединению северорусских земель вокруг Москвы. «Задонщина» как литературный памятник во многом перекликается со «Словом о полку Игореве». Произведение в целом свидетельствует о языковой и литературной преемственности киевских традиций в условиях Московского государства;

в) «Житие» протопопа Аввакума (вторая половина XVII в.) является художественно-полемическим произведением с ярко выраженными чертами публицистического стиля.

Автор произведения — священник-старообрядец, руководитель социально-религиозного движения, которое классово противостояло официальной русской церкви и феодально-крепостническому правительству царя Алексея Михайловича.

«Житие» в очень ярких и запоминающихся образах передает личные переживания автора, подвергшегося гонению со

стороны властей. Аввакум выступает как выдающийся новатор в области языка и стиля.

Произведение насыщено картинами реального быта, злободневными мотивами, проникнуто полемическим пафосом. В нем ярко проявилась незаурядная личность писателя.

К агиографической (житийной) и художественно-публицистической литературе следует отнести также «Корсунскую легенду, или Слово о крещении Владимира», составленную в конце XI в.; «Сказание о Борисе и Глебе», написанное около 1072 г.; «Житие Александра Невского», составленное в конце XII в.; переписку князя Андрея Курбского с царем Иваном IV Грозным, сохранившуюся в списках начала XVII в.; произведения Гр. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (60-е гг. XVII в.).

7. Сочинения исторические, главным образом переводные: палеи, хроники и хронографы.

Палеями назывались книги, в которых излагалась ветхозаветная история по библейским книгам, но с прибавлением различных заметок, рассуждений или же статей, имеющих полемический характер. Хроники — это византийские летописи, в которых рассказ начинается «от сотворения мира», а затем излагается история древних царств и Византии. Хронографы представляли собой сборники, в которых после библейской истории следовала всеобщая история до падения Константинополя и история славянская и русская.

8. Повести.

Вместе с другими сочинениями из Византии, главным образом в южнославянских переводах, на Русь приходили повести и рассказы беллетристического характера, имеющие большое эстетическое и историко-познавательное значение. Главные из них следующие:

а) «Александрия», заключавшая в себе полуисторические, полуфантастические рассказы о жизни и подвигах Александра Македонского. Эта повесть была очень распространена в Древней Руси, она знакомила читателей не только с жизнью и с деятельностью выдающегося человека, но и разного рода приключениями его в далеких заморских странах;

б) «Сказание о Троянской войне», в основе которого находилось не повествование легендарного Гомера, а позднейшие сочинения, приписываемые Диктису и Дарету, якобы современникам самого события;

в) «Житие и деяние прекрасного Девгения» — византийская повесть, изображающая борьбу христиан с сарацинами;

г) «История Варлаама и Иоасафа», в которой рассказывается о том, как премудрый пустынник Варлаам обратил в христианство индийского царевича Иоасафа;

д) «Сказание об Индии богатой», представляющее собой форму послания индийского царя — пресвитера Иоанна к греческому императору Эммануилу Комнену (1143—1180 гг.). В послании в красочной форме повествуется о богатстве и чудесах индийского царства.

9. Апокрифы.

Апокрифами (то есть тайными, секретными) называются такие полународные, полукнижные сочинения, которые заключают в себе рассказы о библейских лицах и событиях, представляющих смесь достоверных сведений с вымыслом. Хотя апокрифы и были официально запрещены и восточной, и западной церковью, на Руси они получили широкое распространение. Важнейшие из произведений апокрифической литературы следующие: «Сказание о Соломоне премудром», «Хождение богородицы по мукам», «Беседа трех святителей» и др.

§ 12. Периодизация истории русского языка

Начиная со второй половины XVII в. в условиях централизованного Московского государства происходит формирование русской нации и национального языка. Как известно, этот процесс в истории общества сопряжен с появлением новой, капиталистической формации.

«Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом,— учит В. И. Ленин,— была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе» [1].

В условиях перехода языка великорусской народности в язык русской нации ведущую роль начинает играть литературный язык. Как высшая форма общенародного языка, как нормативный и образцовый, он вторгается во все сферы жизненной деятельности человека и общества. Не без его

---

[1] Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 25, с. 258.

влияния постепенно прекращают свое существование социальные и территориальные диалекты, постепенно сливаясь с общенародным языком.

В советском литературоведении и языкознании вошло в традицию изучать историю письменной культуры восточных славян, исходя из следующей периодизации.

Первый период: д р е в н е р у с с к и й к и е в с к и й. Хронологически связан с образованием, развитием и распадом Киевского государства (IX — середина XIV в.). Здесь намечается два подпериода: дописьменный и письменный. Первый, разумеется, таит в себе много условностей, так как уже никто не сомневается в том, что до официального принятия христианства языческая Русь имела свою оригинальную письменность. Второй знаменует зарождение, формирование и развитие древнерусской литературы, которая стала первоосновой развития книжной культуры русских, украинцев и белорусов во втором и третьем периодах. Древнейшими памятниками письменности XI—XIV вв. являются: Изборники Святослава 1073 и 1076 гг., Остромирово евангелие 1056—1057 гг.; Мстиславова грамота за 1130 г.; «Слово о полку Игореве» (1185 — 1187 гг.), сохранившееся в редакции XVI в.; Договорная грамота Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г.; также I Новгородская летопись по Синодальному списку (рубеж XIII—XIV вв.); Лаврентьевская летопись 1377 г. и др.

Второй период: в е л и к о р у с с к и й м о с к о в с к и й. Хронологически совпадает с образованием трех восточнославянских языков народностей (вторая половина XIV в.— первая половина XVII в.). Выдающимися памятниками письменности этого периода являются: Московское евангелие за 1393 г.; Ипатьевская летопись (около 1425 г.); ранний список «Задонщины» (1470 г.); «Хожение за три моря Афанасия Никитина» (XV в.), сохранившееся в списках XVI—XVII вв.; литература времен Ивана IV Грозного (XVI в.); «Житие» протопопа Аввакума (60-е гг. XVII в.) и др.

Третий период: н а ц и о н а л ь н ы й. Исторически связан с возникновением и развитием на территории Восточной Европы капиталистической формации. Речь идет о второй половине XVII в., Петровской эпохе и последующих временах. Современный русский литературный язык возникает и утверждается в первой четверти XIX в. Его родоначальниками являются выдающиеся мастера русского художественного слова И. А. Крылов, А. С. Грибоедов и А. С. Пушкин.

§ 13. Старославянский язык и его роль в истории русского литературного языка. «Второе южнославянское влияние» и его значение

Несколько слов относительно терминологии. Во многих учебных пособиях и даже солидных трудах по славяноведению параллельно с термином «старославянский язык» употребляются в качестве синонимов «древнеболгарский», «древнецерковнославянский» и, наконец, «древнеславянский». Эта пестрота названий вызвана различным подходом к трактовке истории и функций первого письменно-литературного языка славян.

Постараемся разобраться в этом более обстоятельно. Термин «древнеболгарский язык» является наименее удачным, так как он ассоциируется с понятием «праотца» современного национального болгарского языка. На самом же деле «родословность» здесь весьма условная, так как язык книг Константина и Мефодия был универсально-литературным языком (в какой-то мере искусственным). Мы уже не говорим о типологии языков (старославянский язык — синтетический; болгарский — аналитический). И все же, когда речь идет о некоторых лексических или фонетических особенностях изучаемого нами старославянского языка, мы можем указывать на его древнеболгарскую основу. Отметим при этом еще одну деталь. Этноним **болгары** в значении южных славян появляется сравнительно поздно (в начале XI в.).

Термин «древнецерковнославянский» является более удачным, так как указывает на обстоятельство возникновения письменного языка и подчеркивает его первичную функцию. Однако и в этом названии нет полноты значения. Дело в том, что «культовая роль» древнецерковнославянского языка с течением времени становится одной из многих его литературно-стилевых функций, не говоря уже об изводах (редакциях), связанных с территориальной спецификой.

Редко употребляющийся термин «древнеславянский язык», с точки зрения истории языка, не соответствует действительности, так как в нем нет даже намека на первичную «письменную функцию» старославянского (древнеболгарского) языка. И все же он «приложим» к старославянскому языку более позднего периода.

Термин «старославянский язык» — традиционный. Он наиболее точно выражает наше понятие о литературно-письменном языке древнейшего периода.

Какова же роль старославянского языка в истории становления и развития русского литературного языка?

Церковнославянский язык распространяется на Руси прежде всего как язык культовых отправлений. Естественно, что на церковнославянском писалось все, что было связано с церковной тематикой, и прежде всего канонические книги «священного писания» (Евангелие, Апостол и Псалтырь). Древнейшей из дошедших до нас книг, написанных на Руси, является Остромирово евангелие (1056—1057 гг.). В общем объеме письменности, дошедшей до наших дней, преобладают богословские тексты, написанные на церковнославянском языке. Так, среди известных нам книг XI—XIV вв. сохранилось 370 евангелий и почти 100 списков Апостола, но лишь два списка летописи (I Новгородская и Лаврентьевская).

По подсчетам ученых, в XI—XIII вв. на Руси существовало примерно 10 тысяч церквей и 200 монастырей, в которых имелось не менее 85—100 тысяч книг. «Средние века,— писал Ф. Энгельс,— присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию» [1]. Господство церкви в сфере культуры и просвещения и определило преобладание церковнославянского языка в письменности Древней Руси.

Судя по своеобразию языка, которым были написаны светские и церковнослужебные книги, в литературном обиходе Древней Руси четко выделялось по крайней мере два стиля: светский (гражданский) и церковнослужебный (культовый). Различие между ними заключалось не только в идейных и жанровых особенностях, но и в характере использования лексических и фонетико-грамматических средств. Несмотря на то, что появление старославянского языка на территории восточных славян было вызвано фактом принятия христианства, он был не только языком культа. Функция его выходила далеко за эти рамки. Академик В. В. Виноградов справедливо назвал его международным языком славянской письменности и славянской цивилизации [2].

«Древнерусская народность, — указывал академик В. В. Виноградов,— обладала тремя типами письменного языка, один из которых — восточнославянский в своей основе обслуживал деловую переписку, другой — собственно литературный, церковнославянский,— потребности культа и церковно-религиозной литературы. Третий тип, по-видимому, широко совмещающий элементы, главным образом, живой восточнославянской речи и славянизмы, особенно при со-

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 21, с. 314.

[2] См.: Виноградов В. В. Величие и мощь русского языка. М., 1944, с. 8.

ответствующей стилистической мотивировке, применялся в таких видах литературного творчества, где доминировали элементы художественные»[1].

Взаимодействие и развитие этих языков (стилей) сказывались в том, что один и тот же автор, в зависимости от содержания памятника, активизировал в одних случаях элементы старославянского языка, в других — древнерусского. Эта тенденция проявляется на протяжении всей истории русского языка, начиная от Владимира Мономаха и кончая произведениями Пушкина и Маяковского. И все же в истории русского языка четко различимы два южнославянских влияния. Под первым принято считать активную «славянизацию» древнерусской литературы и языка восточных славян в результате принятия христианства в 988 г. и в последующие времена. «Второе южнославянское влияние» связано с московским периодом.

С постепенным ослаблением татарского ига и восстановлением государственной суверенности растут и крепнут деловые и культурно-литературные связи русского народа с его соседями на юге и западе.

Русские люди, как светские, так и духовные, посещают Царьград, а также старинный центр греческой и славянской церковно-христианской книжности — «святую гору» Афон. В свою очередь греческие и южнославянские церковные деятели и писатели бывают в Москве. Некоторые из них, в том числе болгарин Киприян, серб Пахомий Логофет, наконец, Максим Грек и др., в лице Московского государства обрели себе новую родину. Киприян стал митрополитом, а Логофет вошел в историю русской книжности как выдающийся писатель-переводчик. Известность Максима Грека как «правщика книг», грамматиста и стилиста пережила века.

В конце XIV в. Сербия и Болгария подверглись нашествию турок, которые в 1453 г. разграбили и покорили Константинополь. После падения византийского государства единственной реальной защитницей интересов южных славян и их культуры стала Москва. С возникновением идеи «Москва — третий Рим» использование церковнославянских атрибутов языка заметно увеличивается.

Еще в XIV в. при патриархе Евфимии Тырновском в Болгарии была произведена правка церковно-культовых книг с целью приближения их к греческим оригиналам. Необходимость таковой была вызвана ошибками и разночтениями,

---

[1] Виноградов В. В. Вопросы образования русского национального языка.— «Вопросы языкознания», 1956, № 1, с. 10.

возникшими по вине переводчиков и переписчиков. Так появились рукописные книги «тырновского извода». В условиях всевозрастающих связей Московского государства с южнославянскими странами правка книг переносится и на русскую почву.

Византийско-болгарская литература с ее политическими и религиозными постулатами и архаизаторскими тенденциями в языке безоговорочно принималась Москвой. И царь и патриарх находили в этом могучее средство для укрепления своей абсолютистской власти. Выдающимся распространителем и почитателем южнославянской литературы стал служитель Троицкого монастыря под Москвой писатель Епифаний Премудрый, которому принадлежит создание так называемого стиля «плетения словес». Последний характеризовался обилием эпитетов, пестротой метафор и сравнений, зачастую очень заумных и отвлеченных.

Главными особенностями стиля «плетения словес» были: риторические вопросы и восклицания, лирические отступления, иносказания и гиперболы. Фразы и целые периоды объединялись ассонансами и внутренней рифмой. Несмотря на то, что стиль «плетения словес» в целом не повлиял на общий ход развития русской литературы и литературного языка, все же он свидетельствовал о формально высоком уровне словесного искусства русских писателей XV—XVI вв.

Более ощутимым действием «второго южнославянского влияния» было его вторжение в область русской орфографии и графики. Сущность реформ Киприяна, проведенных в жизнь еще в конце XIV в., сводилась к слепому копированию принципов и норм орфографии и словоупотребления, характерных для южнославянских памятников.

Так, например, новая орфография требовала от переписчиков традиционного написания слов со старыми носовыми — «юсом большим» и «юсом малым»: *звѫкъ, пѫть, мѧсо, зѧть;* глухие гласные с плавными должны писаться по старославянскому образцу: *плъкъ, влъкъ, врьхъ* вместо *полкъ, волкъ, верхъ*; вновь вводятся старые, давно отжившие сочетания **гы, кы, хы**: *другыи, высокыи, тихыи;* исключаются йотированные написания некоторых гласных: *копіа, трупіа, всѣа.* В области лексики культивируются старославянские варианты слов типа *возвращение, низвержение, кринъ, выя* (шея), *днесь* и др.

В области словообразования по греческому образцу употребляются искусственные сложные слова типа *златокованный, доброгласливый, злоемство, высокогордовыйствовать* и др. В литературный обиход активно проникают неполногласные

формы слов и корневые образования с сочетаниями **жд** и **щ**, напр.: *врата, брѣгъ, рождѣніє, нощь.* Без особой на то необходимости в художественную речь вводятся прямые грецизмы типа *аеръ* — воздух, *мнихъ* — монах, *калогеръ* — отшельник, *ересь* (вероучение, отклоняющееся от догмы) и др. Старославянизмы проникают, хотя и в меньшей мере, в область грамматики и особенно стилистики.

Киприяновские архаизаторские нововведения были далекими от интересов народа, они не отражали специфики разговорного языка и в целом были чуждыми и литературному языку. Однако при всем этом они имели и положительное значение. Под их непосредственным влиянием заметно повысился интерес грамотных людей к вопросам языка и орфографии, Так, например, известно, что начиная с XVI в. в азбуковники — настольные книги начальной грамоты стали включать специальные рассуждения о пользе грамматики и орфографии. Почти вдвое увеличивается жанровое разнообразие произведений письменности. Был впервые составлен «Хронографъ» — своеобразный исторический журнал. Возникают такие выдающиеся памятники исторического повествования, как «Житие и преставление великого князя Дмитрия Ивановича», «Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г.» и др. Заметно обогащается публицистическая литература, о чем свидетельствует переписка Ивана Грозного с Курбским (конец XVI в.). Разумеется, не все из нововведений Киприяна привилось в русском языке. Известно, что «юс большой» и написания без йота (типа *копіа*) уже к началу XVI в. выходят из употребления, начинают избегать старославянских вариантов типа *руцѣ, нозѣ, пьци, помози* и др. Постепенно оскудевает и стиль «плетения словес». Ярким примером дальнейшей демократизации литературного языка на светско-деловой основе могут быть произведения талантливого публициста XVI в. Ивана Пересветова.

§ 14. Из истории отечественного книгопечатания. Реформы в области графики и орфографии

В свое время К. Маркс назвал книгопечатание одной из важнейших предпосылок буржуазного развития европейских государств. По словам Ф. Энгельса, типографские станки лишили духовенство монополии не только на чтение и письмо, но и на высшее образование.

В 1491 г. «золотых дел мастер» Швайнпольт Феоль создал в Кракове первые печатные книги, набранные кириллицей,

в том числе «Часословец» и «Осмогласник». Появление «славянского печатного слова», как и во времена Константина и Мефодия, вызвало недовольство римского папы. Феоль был заключен в тюрьму и объявлен еретиком. Часть книг была предана огню. Но печатное дело продолжало развиваться. Сын полоцкого горожанина белорус Георгий Скорина, получивший блестящее европейское образование (в Падуанском университете в Италии ему была присвоена степень доктора медицины), не мог смириться с создавшимся положением. В 1517 г. в Праге им была основана новая славянская типография. В течение двух лет вслед за «Псалтырью» появляются 17 отдельных иллюстрированных выпусков «Библии». По уровню исполнения «Библия руска» не уступала лучшим по тому времени венецианским образцам. К издаваемым книгам на белорусском языке прилагались авторские комментарии, которые имели огромное историко-филологическое значение.

В 1525 г. в г. Вильно (Литва) Скорина издает «Малую подорожную книжицу» и «Апостол». Отдельные образцы этих книг и сейчас хранятся в Библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

Первые печатные книги на Руси появились как прямое следствие политического и культурного развития Московского государства. У истоков типографского дела стояли большие «дѣлатели» (мастера), писатели и художники Иван Федоров и Петр Мстиславец. 19 апреля 1563 г. они приступили к набору «Апостола» (книги церковного чтения об «апостольских деяниях»). Через десять месяцев — 1 марта 1564 г. книга вышла в свет. Печатный «первенец» в полном смысле слова стал шедевром «русского типографского дела». Богатое иллюстрированное издание на 534 страницах не имело ни одной опечатки. По тем временам такой факт, действительно, был феноменальным. Вслед за «Апостолом» появился «Часовник» — книга, по которой учились грамоте многие поколения русских людей.

К сожалению, типография Ивана Федорова в Москве просуществовала недолго. Невежественные попы и монахи — переписчики книг, подстрекаемые боярством, ополчились против «схизматов» и уничтожили Печатный двор. Иван Федоров и Петр Мстиславец в начале 1566 г. вынуждены были оставить родину и уехать в Литву.

В Заблудове под Вильно в имении престарелого гетмана Ходкевича заработали типографские станки. Но и здесь появились новые трудности. Литовско-польская шляхта при любой возможности старалась унизить и оскорбить русских первопечатников. Возникли большие материальные трудности. Петр Мстиславец заболел и остался в Вильно, а Иван Федо-

ров с семьей решил отбыть во Львов. «Мастерство печатных книг» переносится на Украину. Украинские магнаты отвернулись от «москвитина», но ремесленники и другие «работные люди» всячески помогали Федорову.

В 1574 г. переиздается «Апостол». Это была первая печатная книга на украинской земле. В послесловии к ней И. Федоров рассказал о своих «земных мытарствах», о большом и благородном деле «друкованого слова». В 1574 г. печатается «Краткая грамматика» с посвящением: «Возлюбленному, честному, христианскому русскому народу». По существу, это была первая печатная светская книга. Один экземпляр ее сохранился в Гарвардском университете (США). В последующие годы на Украине И. Федоров печатает «Острожскую библию» (1581 г.).

XVI в., таким образом, открыл новую эру в истории славянской письменности. Большая заслуга в этом принадлежит белорусу Г. Скорине и русскому И. Федорову.

Важной вехой в истории русской орфографии было введение в 1708 г. Петром I нового гражданского шрифта. Как уже говорилось, этот шрифт был значительно проще церковнославянского и по начертанию и по системе. Петром I были официально упразднены почти все «нововведения» времен Киприяна.

В «гражданском алфавите» петровского времени уже не было «юсов», «кси», «пси», «омеги», «ижицы» и «зело». Азбука была максимально упрощена. М. В. Ломоносов по этому поводу шутливо заявлял: «При Петре Великом не одни бояре и боярыни, но и буквы сбросили с себя широкие шубы и нарядились в летние одежды». Речь идет о новой конфигурации букв кириллической азбуки — «гражданицы».

В послепетровское время установлению норм русского правописания способствовали труды Тредиаковского, Ломоносова, Барсова и Карамзина. Заметим, однако, что многие зачастую прогрессивные предложения в области графики и орфографии не санкционировались правительством и фактически оставались не осуществленными. В условиях пореформенной России с дальнейшим развитием капиталистической формации назревает необходимость в расширении государственного аппарата, научно-технических учреждений, наконец, начального и среднего образования.

Русская классическая литература и искусство завоевывают достойное уважение и почет не только в России, но и далеко за ее пределами. Крепнет русский литературный язык. Однако его орфографические нормы продолжают оставаться во многом устаревшими и консервативными. О необходимости

реформы в области русской орфографии говорили в свое время и Герцен, и Добролюбов, и Чернышевский.

В 1904 г. при Академии наук была образована специальная орфографическая комиссия для подготовки соответствующего материала по проведению генеральной реформы русского правописания. В состав комиссии вошел ряд известных ученых-лингвистов и литературоведов, в том числе академик Ф. Ф. Фортунатов (председатель), профессор И. А. Бодуэн де Куртенэ, академик Ф. Е. Корш, академик А. А. Шахматов, профессор Р. Ф. Брандт и др. В ходе активной дискуссии был подготовлен соответствующий материал. Бурные политические события в канун революции 1905 г. и последовавшая за этим царская реакция были причиной того, что реформа неоднократно откладывалась.

Новая орфография, разработанная в деталях академиком А. А. Шахматовым, была утверждена только после Октябрьской социалистической революции, 10 октября 1918 г., специальным декретом Совета Народных Комиссаров. Реформа русского правописания 1918 г. во многом упростила и облегчила наше письмо. Значительно сократился алфавит. Были упразднены: «ять», «фита», «десятиричное і», а также **ъ** в конце слова или частей сложных слов [1].

В области морфологии, суффиксов, префиксов и окончаний восторжествовали нормативы, выражающие современное состояние живого русского общенародного языка. Дальнейшее усовершенствование русской орфографии продолжалось и в советское время. В 1956 г. в целях окончательного урегулирования вопросов русского правописания Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР утверждены стабильные «Правила русской орфографии и пунктуации». Изданы большой орфографический и переработанный на основе унифицированных правил школьный орфографический словари.

---

[1] Реформа русского правописания в первые месяцы Советской власти была актом проявления заботы молодого рабоче-крестьянского правительства и лично В. И. Ленина о всеобщем начальном образовании трудящихся. В результате реформы также экономились средства для массового издания учебно-педагогической литературы. Изъятие из обихода знака **ъ** (ер) в конце слова на твердый согласный принесло огромную выгоду. Известно, например, что на каждые 17 страниц стандартного текста до реформы одна страница приходилась «в счет употребления **ъ**». В 1857 г. в журнале «Экономический указатель» сообщалось, что «твердый знак **ъ** стоит ежегодно русскому народу 1.294.150 рублей» (см.: Орфография и русский язык. М., 1966, с. 62—63).

Вопросы для самопроверки

1. Какие цели и задачи курса «Древнерусский язык» на историческом факультете?

2. В чем сущность связи между историей русского языка и историей восточных славян, а также другими общественными науками?

3. Какие исторические и языковые факты подтверждают генетическое единство славянской семьи народов?

4. Что собой представляют современные славянские языки? Их территория, народонаселение.

5. Какие историко-литературные и языковые данные можно использовать при изучении праславянского периода?

6. Теории о происхождении славян и их географической прародине.

7. Что собой представляли восточнославянские племена и их племенные языки в канун образования Киевского государства?

8. Исторические условия возникновения Киевского государства.

9. Язык древнерусской народности и его диалекты.

10. Периодизация истории русского языка и ее принципы.

11. В. И. Ленин о нации и национальном языке.

12. Общенародный и литературный языки в условиях Киевского государства.

13. Старославянский язык и его роль в истории русского языка.

14. Понятие старославянизмов.

15. Создание старославянской азбуки. Деятельность Константина и Мефодия.

16. Глаголица и кириллица — древнейшие славянские азбуки.

17. Данные о существовании письменности у восточных славян до крещения Руси.

18. Новейшие данные о происхождении восточнославянской письменности.

19. Кириллица как система буквенного письма. Виды письма (устав, полуустав, скоропись).

20. Диакритическая система знаков. Ее роль и значение. Система чисел и их буквенное изображение.

21. Данные палеографии о памятниках письменности Древней Руси.

22. Дать общую характеристику наиболее значительных памятников древнерусской письменности и литературы:

а) кириллические надписи древнейшего периода;

б) древнерусские рукописные культовые книги; церковно-богослужебный стиль в истории русского литературного языка;

в) памятники деловой письменности; «Русская Правда» как юридический свод законов и как памятник делового стиля;

г) русские летописи как произведения историко-литературного жанра;

д) древнерусские грамоты киевского и московского периодов;

е) грамоты на бересте; их роль и значение в истории восточнославянской культуры письма;

ж) древнерусская житийная литература и ее особенности. Исторические повести. Апокрифы;

з) «Слово о полку Игореве» как уникальный памятник древнерусской литературы;

и) языческая Русь в «Слове о полку Игореве». Дискуссия об авторе «Слова»;

к) «Хожение за три моря» как памятник историко-литературного жанра московского периода.

23. «Второе южнославянское влияние». Его историческая обусловленность, роль и значение.

24. История книгопечатания. Первопечатник Иван Федоров.

25. Петровские нововведения в области древнерусской графики и орфографии. Реформа правописания 1918 г.

§ 15. Система гласных звуков

Звуковая система древнерусского языка к моменту возникновения письменности во многом отличалась от современной. В древнерусском языке в канун исторического периода было одиннадцать гласных. Заметим, что в современном русском языке их всего шесть. В зависимости от места артикуляции в ротовой полости по горизонтали гласные подразделялись на гласные переднего, среднего и заднего рядов. К первым относились: **и** (иже), **ь** (ерь), **е** (е исконное), **ѣ** (ять), **е** носовое (**ѧ** — юс малый); ко вторым — **ы** (еры); к третьим — **а** (аз), **о** (о исконное), **оу** (ук), **ъ** (ер) и **о** носовое (**ѫ** — юс большой) [1].

С точки зрения качественной характеристики звуков в древнерусский период различались гласные полного образования (**а, о, у, е, и, ы, е**^{н}, **о**^{н}, **ѣ**) и гласные редуцированные — сокращенные или глухие (**ъ, ь**). Редуцированные **ъ** и **ь** произносились кратко и глухо. Среди гласных полного образования различались долгие гласные (**ѣ**), гласные средней, обычной длительности (**а, у, и, ы**) и гласные краткие (**о, е**). Первоначальная долгота или краткость гласных звуков в процессе развития языка изменяются. Сократилась, например, долгота произношения звука **ѣ**, благодаря чему он совпал в произношении со звуком **е** в русском и со звуком **і** в украинском литературном языках; краткие гласные **о, е** в отдельных конкретных положениях в слове приобрели свойство становиться долгими.

Гласные переднего ряда в древнерусском языке могли находиться только после мягких согласных. Если они оказывались после исконно твердых согласных, это приводило к качественному изменению согласного звука. Гласные среднего и заднего рядов могли находиться только после твердых согласных.

В зависимости от степени поднятия языка к твердому небу различались гласные верхнего подъема — **и, оу, ы**; нижнего —

[1] В скобках мы указываем традиционное название графемы, символизирующей соответствующий звук.

а, **ѣ** и гласные среднего подъема — **е**, **о**, **ъ**, **ь**, **ѫ**, **ѧ**. Гласные верхнего подъема (**и**, **оу**, **ы**) всегда были напряженными (узкими); гласные нижнего подъема (**а**, **ѣ**) наоборот — ненапряженными (широкими, открытыми). Гласные **оу**, **о** являются лабиализованными (огубленными), так как они образуются при участии губ. Остальные гласные — нелабиализованные.

Система гласных звуков в древнерусском языке по месту образования и по степени поднятия спинки языка к твердому небу может быть представлена таблицей (табл. 4).

Таблица 4

Гласные	Передние	Средние	Задние
Верхнего подъема	и	ы	оу
Среднего подъема	е, ь, ѧ		о, ъ, ѫ
Нижнего подъема	ѣ		а

§ 16. Согласные звуки

С точки зрения места произнесения согласные звуки древнерусского языка разделяются на: губные — **б**, **п**, **м**, **в**; переднеязычные — **д**, **т**, **з**, **с**, **ц**, **ж**, **ш**, **р**, **л**, **н**, **ч**; среднеязычные — **j**; заднеязычные — **г**, **к**, **х**.

Согласных звуков в древнерусском языке было меньше, чем в современном. Например, в древнерусском не было **ф** и **ѱ**. Последние были заимствованы из старославянской письменности, причем звук **ф** в свое время был чуждым и для старославянского языка. По природе своей он греческий. В период средневековья освоение этого звука осуществляется в ходе изучения других европейских языков, в том числе — латинского и немецкого.

Профессор Л. П. Якубинский указывал, что «образованные люди выучивались произносить звук **ф** как звук иностранного языка» [1]. В народно-разговорной речи вместо звука **ф** употреблялись **х**, **хв**, **п**. Произношение такого типа сохранилось в некоторых словах и до сих пор. Ср. *парус* (из греческого φᾶρος — *фарос*), *Степан* (из *Стефан*), *Осип* (из *Иосиф*), *Нечипор* (укр.) (из *Никифор*), *Пилип* (укр.) (из *Филипп*), *Опанас* (укр.) (из *Афанасий*), *Хома* (укр.) (из *Фома*), *Хавронья* (русск.), *Хiвря* (укр.) (из *Феврония*) и др. Самостоятельным звуком

[1] Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953, с. 148.

в истории русского языка **ф** стал лишь после падения редуцированных **ъ**, **ь**, выступая в качестве глухой пары звонкого согласного **в** — *кроф', любоф', лафка (кровь, любовь, лавъка)*.

Противопоставление согласных по звонкости и глухости — важная фонетическая закономерность. Соотносительные пары такого типа звуков регистрируются уже в древнейших памятниках письменности, ср. глухие: **т, к, п, с, ш** и парные им звонкие: **д, г, б, з, ж**.

Согласные **х, ц, ч** были глухими и не имели соотносительных звонких пар. Согласные **м, н, л, р** были только звонкими (как и в настоящее время).

Наконец, противопоставление по твердости и мягкости. В древнерусском языке были согласные исконно твердые (**г, к, х**), исконно мягкие (**ж, ч, ш, ц**) и такие, которые могли быть и твердыми и мягкими (**р, н, л, м**).

В процессе дальнейшего развития звуковой системы древнерусского языка шипящие и **ц** отвердели, а заднеязычные **г, к, х** приобрели свои мягкие пары.

§ 17. Отражение фонетических процессов дописьменной эпохи в звуковой системе древнерусского языка

Известно, что общеславянский язык как система окончательно подвергается распаду еще в дописьменный период. На его основе уже к началу VII в. нашей эры образуются три славянские группы языков (южная, западная и восточная). Однако было бы неправильным думать, что этот процесс происходил внезапно, разово или скачкообразно.

Специфические особенности каждой отдельно взятой группы языков продолжают формироваться вплоть до X в. и даже в более поздний период. В области фонетики в этот период формируется закон открытого слога, сущность которого сводилась к тому, что каждый слог в слове должен был заканчиваться гласным звуком. Например, в слове *сынъ* обнаружилось два слога, каждый из которых был открытым. В общеславянском языке-основе в этом слове второй слог, по-видимому, был закрытым. Ср. ст.-сл. *сынъ*, лит. *sunus*. Принято считать, что в общеславянском языке раннего периода закона открытого слога не было. Он начал проявляться в канун распада языка-основы и способствовал радикальным фонетическим изменениям в каждой отдельно взятой группе языков.

В результате действия этого закона появляются так называемые редуцированные (глухие) звуки **ъ** и **ь**. Ср. *сынъ, конь, сънъ, гѫсь* (гусь). Под влиянием закона открытого слога под-

верглись качественному изменению звукосочетания с конечными **р** и **л** (плавными), ср. общ.-сл. *golva* (s); лит. *halva* (s); др.-русск. *голова*; ст.-сл. *глава*; польск. *głowa*; общ.-сл. *korva* (s); лит. *karve*; др.-русск. *корова*; ст.-сл. *крава*; польск. *krowa*.

Вторым наиболее важным фонетическим законом этого периода был закон слогового сингармонизма.

Существовало правило: в пределах одного слога всегда должны находиться звуки однородной артикуляции (произношения). Заднеязычные **г, к, х**, например, не могли сочетаться с гласными переднего ряда (ср. *гыбель, хытрый, кыслый*). Наконец, закон открытого слога требовал, чтобы слог строился по принципу возрастающей звучности согласных: группы согласных строились от менее звучного к более звучному, в конечном счете — к гласному: *вѣсть, мозгъ*. Слогораздел в этих словах происходит, следовательно, в таком плане: *вѣ-сть, мо-згъ*. Взрывные согласные, как правило, не могли сочетаться друг с другом. Ср. *къто, къде* (укр. *хто, де*).

Итак, остановимся на исторической характеристике отдельных гласных.

§ 18. Носовые гласные

Носовые гласные в древнерусском языке дописьменного периода, как и в общеславянском и старославянском, были представлены **о** носовым (Ѫ) и **е** носовым (Ѧ). Первооткрытие и научное объяснение их принадлежит академику А. Х. Востокову. Используя данные сравнительно-исторического метода, ученый установил их исконное звучание. Старославянские написания типа *пѫть, сѫдъ* он предложил произносить как «понть», «сонд», а *зѧть и мѧсо* — «зенть» и «менсо». Дальнейшие исследования в этой области показали, что носовые образовались в праславянском языке на базе дифтонгических сочетаний индоевропейского происхождения. Ср. ст.-сл. *пѫть*, лат. *pons (pontis)*; ст.-сл. *зѧть*, лит. *żentis*; совр. русск. *путь, зять*.

Переход носовых **о** и **е** в чистые гласные **у** и **я** происходил еще в дописьменный период древнерусского языка в связи с действием закона открытого слога. Ср. общ.-сл. *zvonkъs*, ст.-сл. *звѫкъ*, др.-русск. *звоукъ*.

Какова же хронология этого явления? Есть основания думать, что носовые в древнерусском языке вышли из обихода еще до принятия христианства и старославянской письменности. На этот счет существуют и некоторые исторические данные.

В середине X в. греческий император Константин Багрянородный посещает Русь. В своих путевых заметках он упоминает названия двух днепровских порогов — *Веручий* и *Неясыть*. Заметим, что в этих словах в произношении русских лоцманов, сопровождавших императора, он не зарегистрировал носовых *(Върѫщи, Неѩсыть)*, следовательно, к этому времени их уже не было [1]. В древнерусской графике «юсы», обозначавшие носовые гласные, по традиции употребляются фактически вплоть до петровского времени. Носовые гласные и до сих пор сохраняются в польском языке. Ср. польск. *pięć* (пять), *ząb* (зуб), *łąka* (луг), *część* (часть), *mięso* (мясо).

В текстах памятников письменности XI в. (Изборники Святослава, Остромирово евангелие, грамоты на бересте и др.) сплошь и рядом регистрируются случаи, когда юсы употребляются неправильно. Например: вм. *сѫдъ — соудъ;* вм. *земля — землѧ* и т. д. Последнее говорит о том, что в восточнославянских орфограммах первых лет кириллической письменности юс большой и юс малый употреблялись исключительно под влиянием старославянского языка. В наше время традиционные написания можно восстановить, учитывая данные внутрикорневых чередований. Ср. *звук — звонок = звѫкъ; путь — припнуть = пѫть; мята — разминать = мѧта; жать — жну = жѧтва; имя — имени = имѧ; семя — семени = сѣмѧ* и т. д.

Историку-палеографу педантично правильное употребление юсов в том или ином тексте дает право судить, с каким языком он имеет дело: с древнерусским или со старославянским.

§ 19. Редуцированные ъ и ь

Древнерусскому языку редуцированные гласные **ъ** и **ь** достались от общеславянского языка-основы, в котором они развились на базе индоевропейских краткого ŭ и краткого ĭ. В этом можно убедиться, сравнивая ст.-сл. и др-.русск. *медъ* с лит. *medus*, ст.-сл. и др.-русск. *мъхъ* с лат. *muscus;* наконец, ст.-сл. *огнь* с лат. *ignis;* ст.-сл. *гость* с лат. *hostis* (враг) [2].

Редуцированные гласные **ъ** и **ь** произносились неодинаково. В зависимости от их положения в слове они могли находиться в сильной и слабой позициях. В сильной позиции редуци-

---

[1] См.: Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953, с. 134.

[2] Не исключено, что финно-угорские племена заимствовали у славян слово *ложка* в его первозданном звучании, ср. ст.-сл. *лъжька*, эст. *luzikka*.

рованные **ъ** и **ь** находились в следующих случаях: а) под ударением — *пьстрыи, въпль, дъчи* (дочь), *дъскоу* (доску), *стькла* (стекла); б) в сочетании с плавными согласными **р, л** (перед плавным или после плавного): *вьрхъ, вълкъ, сльза, мьртвыи, глътъка, крьстъ, кръвь, посълъ* и др.; в) если в следующем слоге находился слабый редуцированный: *тьмьно, узъкъ, локъть* и др.

В сильной позиции редуцированные **ъ** и **ь** по своему произношению приближались к гласным полного образования **о** и **е**. Впоследствии они совпали полностью с этими звуками. В слабой позиции редуцированные **ъ, ь** находились в таких случаях: а) в конце слова: *конь, домъ, вьрхъ, ледъ, полъ, моужь, сынъ;* б) если следующий слог содержал гласный полного образования: *тьмьно, дьня, пътица, къто, чьто, холодьно, съпати, мънѣ* и др.; в) если в следующем слоге находился редуцированный в сильной позиции: *жьньць, чьтьць, шьвьць, съмьрть, жьрьць* и др.; г) в первом безударном слоге: *кънига, кънязь, мъногъ* и др.

В слабой позиции редуцированные произносились глухо, кратко и невнятно; впоследствии они вообще перестали произноситься, исчезли.

Процесс прояснения сильных редуцированных в гласные полного образования начинается с XII в., а исчезновение слабых редуцированных с XI в.; это отражено с большой достоверностью в древнейших письменных памятниках. Так, во Вкладной Варлаама Хутынскому монастырю (XII в.) находим: *а боуди емоу противенъ* (из *противьнъ;* ср. *противьникъ*). В Смоленской грамоте 1229 г. встречаем: *сотьского* (из *сътьского*), *гривенъ* (из *гривьнъ*). В Духовной Климента Новгородца (XIII в.) — *со мною* (из *съ мъною*).

Исчезновение слабых редуцированных относится к еще более раннему периоду, к XI в. Так, в надписи на Тмутороканском камне (1068 г.) в слове *князь* пропущен **ъ** в первом безударном слоге (*кънязь*). В Грамоте Мстислава (1130 г.) находим: *княженъ, Всеволодъ, кто, что.*

Некоторые ученые предполагают, что сначала редуцированные слабого положения исчезли в конце слова. Согласно другой точке зрения, утрата слабых редуцированных началась с первого безударного слога *(князь, кто),* затем слабые редуцированные исчезли в середине слога (*божница* из *божьница, пожни* из *пожьни*). Позже всего утрата слабых редуцированных произошла в конечном слоге *(дом* из *домъ).* Вторая точка зрения находит свое подтверждение на материале многих письменных документов и, естественно, является более убедительной.

§ 20. Последствия утраты редуцированных

На рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры упомянутый нами закон открытого слога снижает свою активность и постепенно перестает функционировать как таковой. Во многих языках, в том числе и в древнерусском, исчезает основной фонетический принцип произношения слова, связанный с возрастающей звучностью конечных слогов. При таких условиях редуцированные гласные, находившиеся в слабой позиции, окончательно угасают. Падение слабых редуцированных становится закономерностью всех славянских языков. В южнославянских языках этот процесс, по-видимому, начался раньше. К XI в. он завершается полностью.

Как и следовало ожидать, исчезновение редуцированных повлекло за собой возникновение новых качественных сдвигов в звуковой характеристике слова, многие из которых затем станут системными, структурно-типологическими. Отметим главные из них.

1. Появление закрытых слогов. Сокращение количества слогов в слове. Одним из наиболее заметных результатов падения слабых редуцированных в границах слова явилось возникновение новых закрытых слогов, фиксируемых не только в графике, но и в произношении. Последнее вызвало «цепную реакцию» целого ряда новых фонетических и морфологических явлений. Как же отражен этот процесс в памятниках письменности? Во Вкладной Варлаама Хутынскому монастырю (1192 г.) имеются следующие примеры закрытых слогов: *пожни, божница*. Заметим, однако, что в этой же грамоте мы обнаруживаем и традиционные написания: *пожьни, божьница*.

С исчезновением слабых редуцированных меняется не только характер слога, но и количество слогов в слове. Ср. *по-жь-ни* (три слога) и *пож-ни* (два слога), *бо-жь-ни-ца* (четыре слога) и *бож-ни-ца* (три слога). Слова *волъ* и *конь* до XII в. представляли собой двуслоговые лексемы, после падения слабых редуцированных — однослоговые с закрытым слогом.

2. Появление беглых гласных. Исчезновение слабых и прояснение сильных редуцированных в гласные полного образования привело к появлению беглых гласных, ср. *мъхъ*. В первом слоге **ъ** в сильной позиции проясняется в гласный полного образования **о**. В формах косвенных падежей того же слова — *мъха, мъхоу, мъсѣ (мхе)* — в том же первом слоге тот же редуцированный **ъ** находится в слабой

позиции, так как в следующем слоге содержится гласный полного образования (**а**, **оу**, **ѣ**). В этих формах слабый редуцированный **ъ** выпадает, иначе говоря, чередуется с нулем звука. Форма именительного падежа произносилась как *мох*, формы косвенных падежей — *мха, мху, мхом, мсе*. Гласный **о** (между **м** и **х**) называется *беглым*, так как в одной форме он появляется, в других исчезает.

Беглым является также гласный **е**, развившийся из редуцированного **ь** в сильной позиции. Ср. *пьнь* — *пень* (в именительном падеже единственного числа). В косвенных падежах: *пьня (пня), пьню (пню), пьнемь (пнем), пьни (пни)*.

Так же, как и в предыдущем примере, в форме именительного падежа в слове *пьнь* редуцированный в первом слоге является сильным, он проясняется в гласный **е**. В формах косвенных падежей этот же редуцированный в том же слоге является слабым. Поэтому он исчезает.

Примеры из древнерусских текстов: *Аже боудѣть свободѣныи чвкъ оубитъ ·і· гривенъ серебра за голову* (Смол. гр. 1229 г.); *Аже боудѣтъ холъпъ оубитъ ·а· гривна серьбра заплатити оу Смольнескъ* (там же); *А нѣмцьмъ и гтмъ гостити в Новѣгородѣ бес пакости* (Дог. Ал. Невского); *Нѣмецькомоу гости аже бес посла поидуть, то новоугородоу тяжя не надобе* (там же).

Процесс выпадения слабых редуцированных **ъ**, **ь** и прояснения сильных редуцированных в гласные полного образования в древнерусском языке в целом проходил последовательно. Отклонения от этой закономерности редки, они относятся почти всегда к области морфологической ассимиляции, т. е. выравниванию основы слова во всех формах (как в прямом, так и в косвенных падежах) под влиянием формы того же слова в каком-либо падеже.

Так, в древнерусских словах *чьтьць, жьньць, шьвьць, жьрьць* изменения сильных и слабых редуцированных должны были привести к формам *чтец, жнец, жрец, швец* в именительном падеже единственного числа. Эти формы мы наблюдаем в современном русском языке. Формы родительного, дательного, творительного и местного падежей единственного числа данных слов должны быть следующими: *чьтьца — четца, жьньца — женца, шьвьца — шевца, жьрьца — жерца*. Но в противоположность этому в русском языке укрепились формы *чтеца, чтецу, чтецом* и т. д. Отклонение от последовательности процесса, наблюдаемое в данных словах, объясняется влиянием форм именительного падежа на формы косвенных падежей.

Древне-русское	Ожидаемое	Современное
И. *чьтьць*	*чтец*	*чтец*
Р. *чьтьца*	*четца*	*чтеца*
Д. *чьтьцоу*	*четцу*	*чтецу*
В. *чьтьць*	*чтец*	*чтеца* (одушевл.— р. п.)
Т. *чьтьцьмь*	*четцем*	*чтецом* (переход **е** в **о**)
М. *чьтьци*	*четци*	*чтеце*

Морфологическая основа данного слова «выравнялась» по аналогии с формой основы в именительном-винительном падежах во всей системе склонения.

Такой же процесс выравнивания основы слова по аналогии наблюдается в словах *швец, жнец, жрец*. В противоположность этому, в украинском языке сохранилось склонение данных слов при разнотипных основах (так, как это было в древнерусском языке): И.— *швець*, Р.— *шевця*, Д.— *шевцю*, В.— *шевця* и т. д.; И.— *жрець*, Р.— *жерця*, Д.— *жерцю*, В.— *жерця* и т. д.

Выравнивание основы по аналогии можно проследить и в изменении основы слов *Коурьскъ, Смольньскъ, Витьбскъ*. По-древнерусски названия этих городов звучали: в И. и В. падежах *Куреск, Смольнеск, Витьбеск*. В косвенных падежах: Р. *Коурьска, Витьбьска (Курска, Витебска)*, Д. *Коурьскоу, Витьбьскоу (Курску, Витебску)* и т. д.

Под влиянием косвенных падежей выравнивается основа слов в формах И.-В. падежа единственного числа. В языке устанавливается однотипный вид основы при склонении слов во всех падежах и числах.

3. Ассимиляция согласных. Явление ассимиляции (или уподобления) рядом стоящих согласных звуков связано с процессом исчезновения слабых редуцированных **ъ, ь**.

До начала падения слабых редуцированных слоги в словах были открытыми и стечения согласных не наблюдалось. Падение слабых редуцированных привело к тому, что во многих случаях оказались в соседстве разнотипные согласные. При этом происходит влияние одного звука на другой, в результате чего в процессе произношения слова один из согласных уподобляется другому. Уподобление может быть двух типов: а) по глухости или звонкости; б) по мягкости или твердости.

Ассимиляция по глухости (регрессивная) заключается в том, что оказавшиеся рядом в результате исчезновения редуцированных звонкий и глухой согласный

преобразуются в сочетание двух глухих согласных: звонкий под влиянием глухого произносится как парный ему глухой звук. Это явление довольно часто обнаруживается в памятниках древнерусской письменности. Ср.

До падения ъ, ь	После падения ъ, ь	В результате ассимиляции
подъкопъ	*подкоп*	*поткоп*
узъко	*узко*	*уско*
ножька	*ножка*	*ношка*
бъчела	*бчела*	*пчела*
дѣвъка	*дѣвка*	*дефка*

Примеры из древнерусских памятников: *...вєлѣлъ ми городъ роскопати* (ср. *...роздаваеть городы мои.*— Гал.-Вол. лет.); *Понеже бы смрады, нѣлзѣ вылести* (I Новг. лет.); *...и зажгоша истопку* (из *истьба,* т. е. *изба,* уменьшительное — *истобъка,* маленькое строение бани) (Лавр. лет.); *Вся бо мерскій рострига ходящему серебру царскія истощи* (Ист. пов. XVII в.); *А свѣты яхонты серешки, на сучье ли васъ задѣзати* (Рус. песни); *Добры кони тонуть, молотцы томятца: зимовая служба — молотцам кручинно; весносая служба — молотцам веселье* (Рус. песни); *...и ѣхаша на село человѣкъ со тритьцать* (Гал.-Вол. лет.), *...вь опцемь поли* (из *обчем* — общем) (Дв. гр.).

Ассимиляция по звонкости (также регрессивная) происходит тогда, когда глухой согласный уподобляется соседнему звонкому.

До падения ъ, ь	После падения ъ, ь	В результате ассимиляции
къдѣ	*кдѣ*	*где*
съборъ	*сбор*	*збор*
дъвашьды	*двашды*	*дважды*
съдѣсь	*сдесь*	*здесь*
съдравъ	*сдрав*	*здрав (здоров)*
сватьба	*сват'ба*	*свад'ба*

Примеры из древнерусских памятников: *...гдѣ ти любо* (I Новг. лет.); ср. также: *кдѣ ти либо* (там же); *...многашьды* (Смол. гр.); *многажды* (Жит. Ниф.); *А Нифонтъ его не вѣнця,*

ни попомь на сватьбу, ни церенцемь дасть, глаголя: «Не достоитъ ти ея пояти» (I Новг. лет.) — ср. *Потомь же ѣха Василко Суждалю на свадбу* (Гал.-Вол. лет.); *Здѣ починаеть сѧ правда* (Смол. гр.).

Ассимиляция по твердости-мягкости заключается в том, что оказавшиеся рядом после исчезновения редуцированного мягкий и твердый согласные звуки подвергаются изменениям: либо мягкий под влиянием соседнего твердого произносится уже твердо, либо твердый согласный под влиянием соседнего мягкого приобретает мягкость произношения.

Это явление характерно для устной разговорной речи. Последовательного отражения в памятниках письменности оно не получило. Примеры графического отражения в памятниках немногочисленны.

Правьда (ср. *правьдьныи*) — соврем. *правда* (**в** отвердело под влиянием **д**); *Правда Русьска* — ср. соврем. *русская* (первое **с** отвердело под влиянием второго **с** твердого); *...и дахом имь ·г· поути горьнии* (Пск. гр.), ср. соврем. *горные* (отвердение **н** в новом окончании прилагательного **-ный** повлекло за собой отвердение предшествующего **р**); *...Володимирьци идѭхоу съ переяславьци противоу его полкъ* (I Новг. лет.), ср. соврем. *владимирцы, переяславцы* (отвердение первоначального мягкого **ц** повлекло отвердение предшествующих **р** и **в**).

4. Оглушение конечных звонких согласных. После выпадения слабых редуцированных **ъ**, **ь** в конце слова происходит оглушение звонких согласных, они произносятся уже как соответствующий им глухой парный согласный.

А бес посадника тобѣ волостии не роздавати (Гр. Новг.) (из *безъ*); *...украси же* (церковь) *иконы, еже принесе ис Кыева* (Гал.-Вол. лет); *...и смятошася люди черес все лѣто* (I Новг. лет.); *Ис тое же мшарины ручаи идеть в реку* (Дв. гр.).

5. Упрощение групп согласных. В результате исчезновения слабых редуцированных в словах возникало в ряде случаев стечение нескольких согласных звуков, представляющее труднопроизносимое сочетание. Такие сочетания согласных упрощались.

Это выражалось в опущении одного или двух согласных звуков при произношении слова. В отдельных случаях указанный процесс отразился в написании слов. В результате упрощения групп согласных некоторые слова изменили свой первоначальный облик.

До падения редуцированных	После падения	В результате упрощения
истъба	*истба*	*изба* (**стб** — **сб** — **зб**) — после выпадения **т** произошла ассимиляция по звонкости
дъщанъ	*дщан*	*чан* (**дщ** упростилось в **ч**)
Дьбряньскъ	*Дбрянеск*	*Брянск* (**дбр** — **бр**)
Пльскъвъ	*Плесков*	*Псков* (**плеск** — **пск**)
стькло	*стклo*	*скло* (в русских диалектах)
стькляньнка	*стклянка*	*склянка* (**сткл** — **скл**)

Примеры из памятников: *А лучаномъ дасть князя Володимира* ***Плесковьскаго*** (I Новг. лет.); ср. *Въ Петрово говѣние изъихаша Литва безбожная* ***Пльсковъ*** *и пожгоша* (I Новг. лет.); *Бысть громъ велии, яко слышахомъ чисто, въ* ***истъбѣ*** *седяще* (I Новг. лет.); *А кому до кого будетъ дѣло, ино знати* ***исцу*** *исца какъ в старыхъ записехъ стоитъ* (Полоцк. гр.); ср. *А кто будетъ купилъ въ Новгородьскои волости, знати имъ своѥго* ***истьца*** (Гр. Новг.).

Одним из последствий исчезновения слабого редуцированного в конце слова явилось отпадение суффикса **-л-** в формах причастий на **л** мужского р. ед. числа. Ср. *пеклъ — пек,* но *пекла, пекло, пекли; леглъ — лег,* но *легла* и т. д.; *везлъ — вез,* но *везла* и т. д.; *греблъ — греб,* но *гребла; жеглъ — жег,* но *жгла; неслъ — нес,* но *несла* и т. д. Ср. *Оже бы могл*ъ *по моемь животѣ роздавати* (Гал.-Вол. лет.); *И в то врѣмя умерлъ бяше Михалко* (I Новг. лет.).

§ 21. Восточнославянское полногласие

Как уже говорилось, в общеславянском языке раннего периода действовал закон закрытого слога. Исконные гласные **о** и **е** в сочетании с плавными в середине слога между двумя согласными образовывали закрытые слоги особого типа — **tort, tolt, tert, telt.** Об этом свидетельствуют данные близкородственных языков. Ср. лит. *gardas;* общ.-сл. *gordъ* (*s*)— формула **tort;** нем. *berg;* общ.-сл. *bergъ(s)* — формула **tert** и т. д.

В более поздний период развития общеславянского языка в нем стал действовать закон открытого слога. Как результат, в древнейших сочетаниях **tort, tolt, tert, telt** произошли значительные качественные сдвиги, приведшие к образованию новых фонетических структур. В южнославянских языках

гласный и плавный поменялись местами. Корневой звук **о** изменялся при этом в **а**, а звук **е** в **ѣ**.

Отсюда возникли формулы **trāt, tlāt, trět, tlět**.

В древнерусском языке после плавного развивался звук, близкий по качеству к общеславянскому корневому. Как результат,— возникновение так называемого восточнославянского полногласия. Ср. **torot, tolot, teret, telet.**

В западнославянских языках установилось неполногласие, при котором гласный и плавный менялись местами, а исконное **е** оставалось без именения. Ср. **trot, tlot, tret, tlet.** Приведем следующие примеры:

формула *tort

др.-русск. *городъ;* ст.-сл. *градъ;* польск. *ogród* (сад)
др.-русск. *ворона;* ст.-сл. *врана;* польск. *wrona*
др.-русск. *корова;* ст.-сл. *крава;* польск. *krowa*

формула *tolt

др.-русск. *золото;* ст.-сл. *злато;* польск. *złoto*
др.-русск. *колосъ;* ст.-сл. *класъ;* польск. *kłos*
др.-русск. *вологa;* ст.-сл. *влага;* в.-луж. *vloha*

формула *tert

др.-русск. *берегъ;* ст.-сл. *брѣгъ;* польск. *brzeg*
др.-русск. *веремѩ;* ст.- сл. *врѣмѧ;* словен. *vrême*

формула *telt

др.-русск. *середа;* ст.-сл. *срѣда;* в.-луж. *sreda*
др.-русск. *пеленати;* ст.-сл. *плѣнати (плѣнъ);* словен. *plênati*
др.-русск. *шелемъ (шеломъ);* ст.-сл. *шлѣмъ*
др.-русск. *молоко;* ст.-сл. *млѣко;* польск. *mleko*

Знание указанных формул и закономерностей их функционирования позволяют историку языка безошибочно определять происхождение отдельных слов. Ср. русск. и бел. *строг,* формула **trot.** Отсюда: *строг* — полонизм; *благодать,* формула **tlāt**. Отсюда: *благодать* — старославянизм. В современном русском языке неполногласные варианты слов старославянского (книжного) происхождения. Зачастую они знаменуют отвлеченные понятия. Ср. *городские ворота — врата учености; сухой порох — нетленный прах героя; головной убор — глазное достоинство* и т. д. В литературном языке они являются атрибутами торжественного или научно-философского стилей (ср. функцию неполногласных вариантов слов в поэме «Медный всадник» А. С. Пушкина).

§ 22. Сочетание редуцированных с плавными в древнерусском языке

Как уже упоминалось, в корнях слов между согласными в сочетании с плавными **р, л** редуцированные в древнерусском языке были в сильной позиции. Однако судьба этих редуцированных была все же не такой, как в сочетаниях с обычными согласными.

Различают при этом два типа сочетаний редуцированных с плавными: а) редуцированный перед плавным: **ъл, ьл, ър, ьр;** б) редуцированный после плавного: **лъ, ль, ръ, рь.**

В сочетаниях первого типа **ъл, ьл, ър, ьр** во всех восточнославянских языках редуцированные перешли в гласные **о, е.**

Древнерусское	Русское	Украинское	Белорусское
търговати	*торговать*	*торгувати*	*таргаваць* (а из **о** — аканье)
пълныи	*полный*	*повний*	*поўны*
вьрхъ	*верх*	*верх*	*верх*
гърдыи	*гордый*	*гордий*	*горды*
мьртвыи	*мертвый*	*мертвий*	*мертвы* (*м'ортвы*)
вълна	*волна* (на реке)	*вовна* (шерсть)	

В старославянском языке, как известно, в сочетаниях такого рода плавные всегда были слогообразующими и произносились примерно так, как в современных сербском или чешском языках. Ср. сербск. *грло, грд, трговина, врх, мртви;* чешск. *krk, hrdý, trh, vrch, mrtvý* и соответствующие написания в старославянском языке: *гръло, гръдъ, тръгъ, врьхъ, мртвъ.*

Не исключено, что в дописьменный период в древнерусском языке в указанных сочетаниях согласные **р, л** были также слоговыми.

В сочетаниях второго типа **ръ, лъ, рь, ль** редуцированные также прояснились в гласные полного образования. В русском языке в этих сочетаниях развились гласные **о, е,** в украинском — **и,** в белорусском — **ы.**

Древнерусское	Русское	Украинское	Белорусское
кръвавыи	*кровавый*	*кривавий* (но *кров*)	*крывавы* (но *кроў*)
трьвога	*тревога*	*тривога*	*трывога*

Древне-русское	Русское	Украинское	Белорусское
глътати	*глотать*	*глитати* (но *глотка*)	*глытаць* (но *глотка*)
крьстити	*крестить*	*хрестити*	*хрысціць*

§ 23. Графема и звук ѣ

Еще с эпохи общеславянского единства во все славянские языки вошел гласный звук **ě** (ѣ) (ять). Его произношение определить сейчас весьма трудно. Принято, однако, считать, что в старославянском языке он произносился как широкое **э**, близкое к **а**. Ср. польск. *las (лѣсъ), gwiazda (звѣзда)*.

В древнерусском языке его произношение было иным — как долгое дифтонгическое **е** с мягкостью предшествующего согласного, т. е. как **ие**: *лѣсъ* как *лиес; звѣзда* как *звиезда*.

Звук ѣ в древнерусском языке был двоякого происхождения: а) из долгого общеславянского **е**; б) из дифтонгов **ai** или **oi**[1].

Различное происхождение ѣ в том или ином случае оказывает неодинаковое воздействие на некоторые согласные (и в первую очередь на заднеязычные **г, к, х**): ѣ из долгого **е** смягчал **г, к, х** в шипящие, а ѣ из дифтонга **ai** или **oi** смягчало **г, к, х** в свистящие.

Дифтонгический ѣ легко обнаружить путем сопоставления слов древнерусского языка с родственными словами в других индоевропейских языках. Так, др.-русск. *цѣна* — лит. *kaina* (цена, польза, выгода), др.-перс. *kaena* (штраф, месть), греч. ποιγη (пеня за убитого, возмездие, вознаграждение); др.-русск. *цѣсарь,* лат. *caesar,* др.-греч. Χαισαρ, нем. *keizer*; др.-русск. *бѣсъ*, лит. *baisus* (страшный); др.-русск. *снѣгъ,* готск. *snaiws* и т. д.

ѣ (из **ai**, **oi**) зачастую выступает как окончание определенных падежей в системе склонения имен. Ср. *женѣ* < **gěnoi̯* < < **genāi̯;* окончание Д. и М. падежей основ на **ā**.

Возникновение древнерусского ѣ из общеславянского долгого открытого **е** устанавливается также путем сравнительно-исторического метода. Например, древнерусскому *вѣтръ* соответствует литовское *vetra*, древнерусскому *сѣяти* — литовское *seti*, древнерусскому *ѣмь* — литовское *edmi,* древнерусскому *сѣмя* — латинское *semen* и т. д. Не исключено, что

---

[1] Точка зрения акад. А. А. Шахматова, общепринятая и традиционная.

в восточнославянском языке-основе звук ѣ четко «регистрировал» оба звуковых элемента: **и** и **е**.

В письменный период произношение ѣ в диалектах древнерусского языка, по-видимому, не было одинаковым. В говорах, легших в основу украинского языка, стал преобладать первый элемент — **и**, в результате чего в украинском языке на месте древнего ѣ находится **і**. Ср.: *хліб, вітер, пісня, діти, місяць, дід, на столі, до неї* и др.

В говорах, легших в основу русского и белорусского языков, в произношении ѣ стал преобладать второй элемент — **е**. Ср. русск. и бел.: *хлеб, ветер, песня, дети, месяц, на столе, к ней; дзед, дзеці* и др. В современных диалектах русского языка сохраняется различное произношение старого ѣ (как **и**, как **ие**, как **е**).

Обратимся к документальным данным. Уже в памятниках XII—XIV вв. часто встречается смешение ѣ и **е**. Это, например, характерно для Смоленской грамоты 1229 г. (списка А). Здесь наблюдается написание ѣ вместо **е** (ср.: *приказано боудѣте давати добрымъ, людемъ; по вѣременемъ*) и **е** вместо ѣ (ср.: *на гочкомъ березе, всемъ, темъ*). Такого рода смешение объясняется тем, что в указанный период оба варианта звука ѣ уже не различались, что в этот период происходит активный процесс монофтонгизации дифтонгов. Сначала смешение ѣ и **е** наблюдается только в безударном положении, но с XIV в. в русских памятниках оно встречается и в словах с ударными старыми ѣ и **е**.

§ 24. Переход *е* в *о*

Переход **е** в **о** принято называть л а б и а л и з а ц и е й. Переход **е** в **о** был возможен, если указанный гласный переднего ряда восходил к **е** исконному или мягкому редуцированному. И все же в ранний период истории русского языка (до XIV в.) лабиализация не наблюдалась в таких формах слов, как *сестра, весна, ведро,* где **е** не находился под ударением; не было перехода и в местоименных формах слов типа *мое, твое, свое,* в косвенных падежах некоторых числительных, ср. *трьхъ, четырьхъ.*

Начиная с XIV в. лабиализация постепенно стабилизируется. Переход **е** и **ь** в **о** совершается, как правило, в ударной позиции после любого мягкого согласного перед слогом с твердым согласным. Ср. *твёрдый, вёсла, мёл, вёсны.* И даже в конце слова: *моё, твоё, своё* [1].

[1] Графема ё (**йо**) была создана Карамзиным. Даже во времена Ломоносова можно было встретить такие написания, как *Піотръ, Фіодоръ* и др.

В национальный период развития русского языка это явление приобретает значение морфологизованного закона. Ср. *весна — вёсны*; *ведро — вёдра; сестра — сёстры,* где переход связан с категориальной меной грамматической формы. Или в глагольных формах: *веду — вёл, плету — плёл, везу — вёз.*

Не наблюдается лабиализация в таких случаях:

1. Если слог с твердым согласным в прошлом был мягким. Ср. *купец, старец, молодец.* В древнерусском языке звук **ц**, несомненно, был мягким. Ср. др.-русск. написания: *коупьць, старьць, молодьць.* Наконец, в словах типа *деревенский, душевный, женский, любезный* в древнерусском языке согласные, следующие за ударным **е**, были мягкими. Ср. др.-русск. *деревьньскъ, доушевьнъ.*

2. Как правило, **е**, развившееся на основе древнерусского звука **ѣ**, лабиализации не подлежит. Ср. написания: *дѣдъ, сѣтъка, сѣно, гнѣздо* (но *гнёзда*), *сѣдло* (но *сёдла*).

3. В словах, заимствованных из старославянского или из других языков, данный переход также отсутствовал: *небо, крест, жезл, перст, падеж, совершенный* (старославянизмы), *газета, конверт, тема, буфет* (позднейшие заимствования из европейских языков). С течением времени некоторая часть старославянизмов получает русскую огласовку. Ср. *крест* но *крёстный; перст,* но *напёрсток* и т. п.

§ 25. Смягчение заднеязычных *г, к, х*

Заднеязычные **г, к, х** были исконно твердыми. Естественно, что они могли употребляться лишь перед гласными заднего ряда. Однако в процессе развития языка наступил момент, когда в отдельных словоформах они очутились и перед гласными переднего ряда. Как следствие, начал действовать закон переходного смягчения, открытый в свое время академиком Ф. Ф. Фортунатовым.

Если при изменении формы слова (склонении имен или спряжении глаголов) или при образовании нового слова от того же корня (прилагательного) **г, к, х** оказывались перед гласными переднего ряда (**и, е, ь, ѣ**) или перед мягким согласным **j**, то они изменялись в качественно другие звуки.

В зависимости от того, в какие звуки переходят заднеязычные (в шипящие или в свистящие), различают 1-е и 2-е смягчения (или 1-ю и 2-ю палатализацию).

Если **г, к, х** оказывались перед гласными **ь, ѣ, и, ѧ, е** и **j**[1], они переходили в шипящие **ж, ч, ш**. В этом заключается

[1] При этом **ѣ** и **и** не восходили к индоевропейским дифтонгам.

п е р в о е смягчение заднеязычных. Оно наблюдается преимущественно при словообразовании:

к/ч: *кого* — *чего* (**к** перед **е** перешло в **ч**);
кьто — *чьто* (**к** перед **ь** перешло в **ч**);
рука — *ручька* — *ручьныи* (**к** перед суффиксами **-ьк-**, **-ьн-** перешло в **ч**);

г/ж: *рогъ* — *рожькъ* (**г** перед суффиксом **-ьк** перешло в **ж**);
другъ — *дружити* (**г** перед **и** перешло в **ж**);

х/ш: *тихъ* — *тишина* (**х** перед **и** перешло в **ш**);
страхъ — *страшьныи* (**х** перед суффиксом **-ьн-** перешло в **ш**);
хълмъ — *шеломъ* (**х** перед **е** перешло в **ш**)

или при словоизменении:

волкъ — *волче, другъ* — *друже* (в форме звательного падежа);
крикъ — *кричю* (из *крик* + *іѫ*) — 1-е лицо настоящего времени;
кричиши (2-е лицо настоящего времени);
реку — *речеши* (2-е лицо настоящего времени).

Если **г**, **к**, **х** оказывались перед гласными **и**, **ѣ** дифтонгического происхождения (**и** из **ai**, **oi**; **ѣ** из **ai**, **oi**, **ei**), они переходили в свистящие **з**, **ц**, **с**. В этом заключается в т о р о е с м я г ч е н и е. Оно наблюдается чаще всего при словоизменении именных форм (окончания **и**, **ѣ** в древнерусском языке, как правило, соответствуют индоевропейским дифтонгам **ai**, **oi**). Например:

г/з: *другъ* (им. пад. ед. числа) — *друзи* (им. пад. мн. числа);
друзѣ (местн. пад. ед. числа) — *друзѣхъ* (местн. пад. мн. числа);

к/ц: *рука* (им. пад. ед. числа) — *въ руцѣхъ* (местн. пад. мн. числа);

х/с: *страхъ* (им. пад. ед. числа) — *страси* (им. пад. мн. числа) — *въ страсѣ* (местн. пад. ед. числа) — *страсѣхъ* (местн. пад. мн. числа).

Ср. *Отроци свѣньльжи изодѣли ся суть, оружьемь и порты, а мы нази...* (Лавр. лет.) (ср. *отрокъ, нагъ*); *не могоша доѣхати, зане снѣзи велицѣ быша* (Гал.-Вол. лет.) (ср. *снѣгъ, великъ*).

В древнерусском языке было известно и так называемое т р е т ь е с м я г ч е н и е заднеязычных. Оно заключалось в изменении **г**, **к**, **х** в свистящие **з**, **ц**, **с** в положении перед гласными переднего ряда **и**, **ѧ**, **ь**, **ѣ**, **е** и **j** и после них. Такие

изменения наблюдаются в словах: *ликъ* — *лице* (**к**—**ц**: между **и** и **е**); *кънѧгыни* — *кънѧзь* (**г**—**з**: между **ѧ** и **ь**); *льгота* — *нельзѣ* (**г** — **з**: между **ь** и **ѣ**); *ларькъ* — *ларьць* (**к**—**ц**: между **ь** и **ь**); *дѣвъка* — *дѣвиця* (**к**—**ц**: между **и** и **j**) и др.

Отличие третьего смягчения от второго заключается в том, что второе смягчение имело характер общего закона. Корневые заднеязычные **г, к, х** перед **ять** и **иже** дифтонгического происхождения всегда переходили в свистящие; третье смягчение имело место лишь тогда, когда перед **г, к, х** находились так называемые узкие гласные переднего ряда, в том числе **и, ь, ѧ, е**. Ср. *стезя* — из *стега, лицо* — из *ликъ, вѣньць* — из *вѣнъкъ*.

Третье смягчение происходило также в общеславянский дописьменный период, хотя в более позднее время [1].

Несколько слов относительно судьбы общеславянских сочетаний **гы**, **кы**, **хы**. И в старославянских, и в древнерусских памятниках раннего периода такого рода сочетания употреблялись довольно часто. Ср. *азъ же съдѣ гладъмь гыбнѫ* (Остр. ев.); *сѣдѩше въ хызинѣ своѥи* (там же); *и сапогы на нозѣ* (там же); *а мирьскы Остромиръ* (там же). Начиная с XI в. на почве древнерусского языка все чаще и чаще намечается переход **гы, кы, хы** в **ги, ки, хи**. Ранее всего мягкие **г, к, х** появляются в заимствованных словах: *хѣровимъ, китъ, схима, архистратигъ* (в Минее 1095 г.), *архистратиге* (звательный падеж), *финики* (Сб. Свят.).

С XII в. мягкие **г, к, х** встречаются в памятниках южнорусского происхождения — *велики* (Юр. ев.), *небеськии, чл҃вчьскии* (Гал. ев.), *некии, секира* (Добр. ев.). В севернорусских памятниках мягкие **г', к', х'** встречаются с XIII в.: *княгини, лихии* (Смол. гр.), *празьдьники, нѣкимь, Киѥвъ* (Новг. корм.) и др.

В этот же период (с XIII в.) начинают постепенно «выравниваться» основы существительных и глаголов в говорах, легших в основу русского литературного языка; в них на месте мягких шипящих и свистящих восстанавливаются прежние **г, к, х** (сохраняется при этом только форма старого звательного падежа — *отче, отроче, старче, боже* и др.). С этого времени при склонении существительных употребляются формы: *руке* (вместо *руцѣ*), *ноге* (вместо *нозѣ*), *волки* (вместо *волци*) и т. п.

---

[1] См.: Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1974, с. 147.

§ 26. Отвердение шипящих и *ц*

Шипящие **ж**, **ч**, **ш** и звук **ц** принято называть исконно мягкими, так как они были мягкими еще в доисторический период. После них всегда писались гласные переднего ряда **и**, **е**, **ь**, **ѣ**, а также **ю**, **я**. Ср. ...*плакася по мужи своѥмь; они же пережьгоша истопку; прошю оу васъ мало; ...ово клѣти, ово вежѣ* (Лавр. лет.) ...*три чясти; иже покрышя наготоу; скончяся онъ же; въсташя же Ипатии; онъ же опечялися много* (Ск. о кн. Вл.); ...*Данилови же сообравшю вои... иде въ дружицѣ къ Галичю* (Гал.-Вол. лет.).

Впоследствии шипящие и **ц** отвердели. Процесс этот закончился к XIV в. В древнерусских памятниках XIV—XV вв. можно встретить написание после **ж**, **ч**, **ш**, **ц** гласных **о**, **ы**. Употребление **о** после шипящих чаще всего наблюдается под ударением (что связано с процессом перехода **е** в **о**). Написание после шипящих **ы** встречается сравнительно редко. По традиции в орфографии современного русского языка сохранилось написание **жи**, **чи**, **ши**, но в конце слов под ударением после **ц** пишется **ы** (*молодцы, удальцы*). Орфография современных украинского и белорусского языков отразила ярче и более последовательно отвердение шипящих. Ср. укр. *жито, чисто, ширина;* бел. *жыта, чыста, шырыня.* Тем не менее и в этих языках имеются некоторые отклонения. В белорусском **ч**, как правило, всегда твердый: *пчолка, ноччу;* в украинском языке этот же согласный может быть и мягким: *пчілка, ніччю.* В противоположность русскому и белорусскому языкам, в украинском употребляется также мягкое **ц**. Ср. *цілість, цілувати, ціна, ціп, на тім боці.*

§ 27. Аканье как фонетическая закономерность древнерусского языка московского периода

Под великорусским диссимилятивным аканьем следует понимать фонетическое явление, связанное с переходом звука **о** в звук **а** в позиции перед ударным слогом. Во всех остальных неударяемых слогах гласный **о** подвергается редукции. Ср. *водовоз — въдавос.* Памятники письменности свидетельствуют о том, что в киевский период истории русского языка это явление не наблюдалось. Во всяком случае оно не было общеязыковым. Академик А. А. Шахматов в свое время утверждал, что аканье — очень древнее фонетическое явление. Оно было характерным для говоров вятичей и дреговичей, предков современных белорусов. Продвигаясь постепенно на юго-

восток и север, к середине XIV в. оно достигает центральных говоров языка великорусской народности.

Первые случаи аканья зарегистрированы на страницах Московского евангелия за 1393 г.: *прикаснуся, прадающимъ* и др. Северные великорусские говоры, как известно, и до сих пор остаются окающими, как и окающий украинский язык. Аканье в современном русском литературном языке — нормативная особенность. Как общенациональная фонетическая черта оно стабилизировалось уже к началу XVIII в., хотя орфоэпическим правилом стало только во времена Пушкина. Проникновение аканья в письменно-литературный язык сказалось в том, что и до сих пор в русской орфографии имеют место некоторые неэтимологические написания. Ср. вм. *стокан — стакан,* вм. *колач — калач,* вм. *косатка — касатка,* вм. *пором — паром,* вм. *кропива — крапива,* вм. *корман (кормить) — карман* и др. [1]

Заметим, что в белорусском языке господствует недиссимилятивное аканье, когда в первом предударном слоге происходит совпадение гласных фонем неверхнего подъема после твердых согласных (кроме шипящих) в одном общем варианте — звуке **а**, причем — независимо от качества гласного в ударном слоге. Ср. *вадá, вады́; ракá, ракí,* наконец, *унiз па рацэ́.* И вместе с тем: *жоўты,* но *жаўтуха, жаўтухі* и т. д.

§ 28. Важнейшие звуковые отличия древнерусского языка от старославянского

Древнерусский и старославянский языки — языки-братья. Они во многом близки между собой. Вместе с тем каждый из них имеет свои особые черты. Важнейшие фонетические отличия древнерусского языка от старославянского заключаются в следующем:

1. В старославянском языке существовали носовые гласные: **о** носовое и **е** носовое. Они произносились с носовым оттенком: **о**ⁿ и **е**ⁿ. Для их графического обозначения существовали буквы ѫ (юс большой) и ѧ (юс малый). В старославянском языке *пѫть, зѫбь, мѧсо, зѧть* читались как *понть, зомб, менсо, зенть.*

Совпадение в одних и тех же словах написания юсов в старославянских памятниках с произношением носовых в польском языке позволило установить их природу в общеславянском языке-основе. Эту работу впервые в истории славянских

[1] См.: Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка, т. 2. К., 1953, с. 94.

языков выполнил, как уже говорилось, русский языковед А. Х. Востоков в 1820 г. в своем труде «Рассуждение о славянском языке».

В древнерусском языке письменного периода ко времени распространения старославянского языка на территории Киевской Руси носовые гласные уже исчезли. Вместо них произносились чистые гласные **о**^{н} как **у**, **е**^{н} как **я**.

В памятниках восточнославянской письменности фактически вплоть до петровского времени сохранялось графическое обозначение указанных «чистых» гласных, исходя из старославянской традиции. Само собой разумеется, что *начѧти* читалось как *начати*, *ѩзыкъ* как *язык*, *несѫ* как *несу*, *лѫкавыи* как *лукавый* и т. д.

В связи с этим в древнерусском языке различают гласные **у** и **я** двоякого происхождения: а) **у** и **я**, соответствующие общеславянским звукам **у** и **я**, например, *оухо, соухъ, землıа, іазъ;* б) **у** и **я**, которые восходят к древним общеславянским носовым. Ср. старославянские написания *сѫдъ, рѫка, пѧть, мѧсо.*

Так как в X—XIII вв. в древнерусском языке носовые гласные не произносились, а буквы ѫ и ѧ, обозначающие их, еще сохранялись, в памятниках древнерусской письменности наблюдаются часто случаи смешения ѫ и ѧ с буквами, обозначающими чистые гласные **оу** (**у**), **я** (**а**). Так, в Остромировом евангелии встречается: *столъ порѫчи правити* и *съдрьжаще пороучениѥ* (один и тот же звук в словах одного корня обозначается различными буквами). Вообще же в этом памятнике обнаружено до 500 случаев неправильного употребления юсов и так называемых чистых гласных.

2. Для старославянского языка были характерны начальные йотированные гласные **ѥ**, **ю**. В древнерусском языке начальному старославянскому **ѥ** соответствует **о** в словах, имеющих во втором слоге **е** или **и**: ст.-сл.: *ѥсень, ѥлень, ѥзеро, ѥсетръ, ѥдинъ, ѥже;* др.-русск.: *осень, олень, озеро, осетръ, одинъ, оже.*

Соответствия старославянского начального **ѥ** древнерусскому начальному **о** не наблюдаются в словах перед слогом с гласными **а**, **о**, **оу**, **ы**. Поэтому в древнерусском языке мы встречаем начальное **ѥ** в словах: *ѥмоу, ѥго* и др. Исключением являются слова *ежевика* и *одного*. В формах этих слов ожидаемых изменений нет вследствие того, что здесь действует аналогия. В слове *ежевика* начальное **ѥ** сохраняется по аналогии с формами *ёж, ежа, ежу* и т. д., так как название этой ягоды этимологически связано с названием данного животного. В формах косвенных падежей *одного, одному* и т. д. начальное

о обусловлено аналогией с формой слова *один*. Приведем примеры из памятников.

Старославянские формы:

...I призвавъ единого когождо длъжьникъ... (Зогр. ев.); *Златооустааго еще отъ Иоанна* (Сб. Свят.); *Новгородци же съсѣдавше съ конѣи, и порты сметаша съ собѣ, еще же и сапозѣ съ ногъ сметавъ, и поскочиша босѣ, пѣшь, якоже елене* (I Новг. лет.); *И бысть сѣча зъла и троусъ отъ копия ломления и звоукъ отъ сѣчения мечнаго, якоже и езеру померзъшю двигнутися, а не бѣ видѣти леду, покры бо ся кровию* (Пск. лет.).

Древнерусские формы:

...ни по одиномоу (I Новг. лет.); *оже ли не будеть кто єго мьстя* (Пр. Рус.); *а се далъ осеньнеє полюдье* (Гр. Мст.); *а въ роусоу ти княже єздити въ осень* (Гр. Новг.); *а въ ладогоу ти княже слати осетрьникъ и медовара* (там же); *А Татаровѣ воеваша до Володары и по озерамъ* (Гал.-Вол. лет.); *нагнаша я въ озеро, нагрязе озеро труповъ* (там же); *Тура мя дъва метала на розѣхъ и съ конемъ, олень мя болъ, а дъва лоси, один ногама топталъ, а другыи рогома билъ* (Поуч. Вл. М.).

Старославянскому начальному **ю** зачастую соответствует древнерусское начальное **у** (**оу**): старославянские: *ютро, юноша, юность, юродивый, юдоль, югъ, юха (суп), южинъ;* древнерусские: *оутро, оуноша, оуность, оуродливыи, оутлыи* (неудобный, ненадежный, тесный), *оугъ, оуха, оужинъ.*

Такое же соответствие форм наблюдается и в ряде имен: *Юлиан — Ульян (а)*, *Юстин — Устин (ья)* и др. Приведем примеры из памятников.

Старославянские формы:

Во юдоль плачевную новорожденному чаду моему (Авв. Житие); *Ютроу же бывъшю съвѣтъ сътворишѧ* (Остр. ев.).

Древнерусские формы:

воста оугъ вѣтръ (I Новг. лет.); *хожаше с оуношами блудными и нечистыми* (Жит. Ниф.); *сія же услыша оуноша* (там же); *въ оуности своеи вередихъ* (Поуч. Вл. М.).

Многие старославянские слова прочно вошли в русский язык еще с древней поры: *юноша, юность, единица, юдоль земная* и др.

3. Для ряда старославянских слов характерно было начальное **а**, а в древнерусском языке те же слова употреблялись с начальным **я**.

Старославянские: *агньць, азъ, аблоко, аки* и др.

Древнерусские: *ягня, язъ (я), яблоко, яко (як)* и др.

Приведем примеры из памятников.

Старославянские формы:

Се азъ Мьстиславъ Володимирь сынъ (Гр. Мст.); *глагола се агньцъ божии... аки левъ рыкающе* (Гал.-Вол. лет.); *Григорьи же бяшеть человѣкъ святъ, акого же не бысть предъ нимъ ни по немъ не будеть* (Гал.-Вол. лет.).

Древнерусские формы:

юазъ далъ своею рукою (Гр. Мст.); *И повелѣ беречи яко сына* (Гал.-Вол. лет.); *И взяша яблоки и въ приполы* (Пр. о Сол.).

4. Для старославянского языка были характерны неполногласные сочетания **ра, ла, рѣ, лѣ** в середине слова между согласными. В древнерусском языке им соответствовали полногласные сочетания **оро, оло, ере, еле (ело)** также в середине слова между согласными. И первые и вторые, как уже говорилось, развились на почве общеславянских формул типа **tort, tolt, tert, telt**.

Ср. старославянские формы:

срамословье в нихъ прѣдъ отьци (Лавр. лет.); *бысть гладъ крѣпъкъ на странѣ тои* (Остр. ев.); *жела насытити чрѣво своѥ* (там же); *поби мразъ обилье по волости* (I Новг. лет.); *Въ оно врѣмѧ приде іисъ въ градъ самареискъ и гласъ его слышиши* (Остр. ев.); *иже зарѣза храброго Редедю прѣдъ пълкы Касожьскыми* (Слово);

древнерусские формы:

а будеть преже на неи не былъ сорома (Смол. гр.); *все нощи клику не пересsucc* (Гал.-Вол. лет.); *Выизгнанымъ же имъ изъ города и посадиша ѣ Татаровѣ на болоньи возлѣ Вислы* (Гал.-Вол. лет.); *Озеро морози въ нощь* (I Новг. лет.); *а любо испити шеломомь Дону великого* (Слово); *Дремлеть въ поли Ольгово хороброе гнѣздо* (там же); *не остася ни хорома* (I Новг. лет.).

5. Для старославянского языка характерны начальные сочетания **ра, ла,** развившиеся из общеславянских сочетаний **ort, olt** с восходящей интонацией. В древнерусском языке им соответствуют начальные **ро, ло** [1].

Старославянские формы: *работа, рабъ, рабыни, лакъть, ладья, расти, възрастъ* и др.; приставка **раз-** *(разбои, раздѣлити)*.

Древнерусские формы: *робота, лодья, ростъ, локъть, ростъкъ*; приставка **роз-** *(розбои, роздѣлити)*.

Примеры из памятников.

---

[1] См. об этом более подробно: Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1974, с. 133.

Старославянские формы:

І пристѫпи къ нему едина рабини (Зогр. ев.); *И тако плакашеся по неи три дьни, и повелѣ раздавати именıє нищимъ* (Гал.-Вол. лет); *Самъ же бо плѣняше землю Моравську и многы городы раззори и пожьже* (там же); *Обѣщая работѣ быти ѥму* (там же).

Древнерусские формы:

Аще уведеть чюжь холопъ или робу, платити емоу за обидоу 2 гривьнъ (Пр. Рус.); *Аще ли лодью украдеть, то за лодью платити 30 рѣзанъ* (там же); *Аж бы миръ не ръздроушенъ былъ* (Смол. гр.); *Василько! Прислалъ мя Боурандаи, велѣлъ городъ роскопати* (Гал.-Вол. лет.); *Мьнѣ же живоу соущоу, а онъ роздаваетъ городы мое... а моглъ по моемь животѣ роздавати* (там же); *Левъ розмета Даниловъ, оттолѣ же посла Львовъ розмета* (там же).

6. Для старославянского языка характерны два типа сочетаний редуцированных с плавными в середине слова между двумя согласными: а) **tr̥ъt, tl̥ъt, tr̥ьt, tl̥ьt**; б) **trъt, tlъt, trьt, tlьt**. Эти различия составляли и фонетическую и графическую особенности языка как системы. Сочетания первого типа содержали слогообразующие плавные **r̥, l̥**. В общеславянском и древнерусском языках им соответствовала одна и та же система формул: **tъrt, tъlt, tьrt, tьlt**.

Редуцированные **ъ** и **ь**, стоящие после плавных **r̥, l̥** в старославянских написаниях, по существу, были не звуками, а знаками, которые указывали на «слогообразовательную природу» корневых плавных. В древнерусском языке редуцированные были в сильной позиции и произносились как гласные полного образования. Ср. ст.-сл. *гръбъ, хлъмъ, зрьно;* др.-русск. *гърбъ, хълмъ, зьрно.* Приведем примеры из памятников письменности: *длъжьнъ ѥси господиноу своѥму* (Зогр. ев.); *и създа въ немь стлъпъ* (Мар. ев.); *да наплъниться домъ мои* (там же); *и оудрьжимъ достоѣніѥ ѥго* (там же); *и дадите прьстень на рѫкѫ ѥго* (Остр. ев.); *Володимирь сынъ дрьжа роусьскоу землю* (Гр. Мст.).

Вторая система формул была общей для старославянского и древнерусского языков. Редуцированные после плавных в древнерусском языке были в сильной позиции и произносились как гласные полного образования. Ср. старославянские и древнерусские написания: *кръвь, дръва, глътъка, блъха, трьвога, крьстъ, бльскъ, сльза.*

7. Для старославянского языка характерны сочетания **жд, шт** (щ), развившиеся в корне слова из общеславянских

сочетаний. Ср. ***d** + **j** = **жд**; ***t** + **j** = **щ**[1]. В древнерусском языке, как известно, результативность такого рода сочетаний была иной. Ср. **d** + **j** = **ж**; **t** + **j** = **ч**.

Старославянские формы: *межда, вождь, прѣжде, рождати, прихождѫ, свѣшта, ноштъ (нощь), хощетъ, отвѣщати, аще* и др.

Древнерусские формы: *межа, пърѣже, рожать, прихожю, свѣча, ночь, хочеть, отвѣчати, аче* и др.

Примеры из памятников.

Старославянские формы:

копати не могѫ, хлѫпати стыждѫсѧ (Зогр. ев.); *і сътворишѧ имъ тожде* (Мар. ев.); *обрѣте сь прѣжде брата моѥго Симона* (Остр. ев.); *отвѣщавъ і͠съ рече ѥмоу* (там же).

Древнерусские формы:

Несть спасѣния всякомоу роженомоу (Ипат. лет.); *а боудеть пьрѣже на неи не былъ сорома* (Смол. гр.); *аче будеть княжь моужь, аче ли боудеть роусинъ любо гридь* (Пр. Рус.); *Начать же оттолѣ въ позорищи ходити и осоужати ихъ и оклеветовати* (Жит. Ниф.); *изнемогахоу жажею водною, и не бѣ бо воды въ нихъ* (Гал.-Вол. лет.); *Олександръ все враждоу имѣяше... поноужаше Мьстислава на рать* (там же).

8. Общеславянское сочетание редуцированного **ь** с **j** дало в старославянском языке сочетание **-ие** (или **-ия**), находящееся всегда в конце слова. В древнерусском языке старославянскому **-ие** соответствует в ряде случаев конечное **-ья** (**-ье**), которое является древней народно-разговорной чертой. Сравним старославянское: *житие, бытие, братие, трьпѣние, камение*. В древнерусском языке: *житье, бытье, братье, тьрпѣнье, каменья.*

В старославянских памятниках встречаем: *зане не имѣхъ корѣние і исъхъшѧ* (Зогр. ев.); *ового же камениемъ побишѧ* (Мар. ев.); *Отиде на странѫ далече и тоу расточи имѣние своѥ* (Остр. ев.).

В древнерусских памятниках, отражающих черты древневосточнославянского народно-разговорного языка, находим: *Даю рукописанье с͠тмоу Георгью и игоуменоу Варламоу и всеи братьѣ* (Дух. Кл. Н.); *Даю дъва села съ обильемъ* (там же); *останеться лошакъ или оружье* (там же); *Иде Вълхово опять на възводье по ·е͠· днии* (I Новг. лет.); *После батюшкова преставленья* (Рус. песни); *За что наше царьство загиб-*

---

[1] Звездочка указывает на праславянскую форму сочетания корневого согласного с йотом.

ло, за батюшково ли согрѣшенье, за матушкино ли немоленье (там же).

Таковы, в основном, важнейшие фонетические отличия древнерусского языка от старославянского.

Следует помнить, что фактически все памятники древнерусской письменности, сохранившиеся со времен Киевской Руси и более позднего периода, содержат в себе как старославянские, так и древнерусские языковые элементы. Так, в старославянском Остромировом евангелии, культовом памятнике Древней Руси, восточнославянское влияние проявляется на всех уровнях языка. Это объясняется тем, что переписчиками старославянских книг были русские люди, разумеется, достаточно грамотные. И все же под влиянием разговорной стихии они вносили в старославянские тексты фонетические, лексические и грамматические особенности родного языка.

С другой стороны, в древнерусских памятниках встречается большое количество старославянизмов, хотя до второго южнославянского влияния они не были преобладающими.

Так, в древнерусских грамотах (договорных, вкладных, духовных и др.) старославянские элементы встречаются лишь в устойчивых сочетаниях, стереотипных фразах, книжных оборотах (*Се азъ Мьстиславъ Володимирь сн҃ъ...*; *Азъ дьяконъ Григореи...*). Чаще, чем в грамотах, старославянизмы встречаются в древнерусских летописях, повестях, сказаниях. В этих памятниках древнерусские и старославянские черты зачастую переплетаются, смешиваются. Так, в Новгородской летописи находим: *озеро* (древнерусское); *морози* (древнерусское); *в нощь* (старославянское); *поби мразъ* (старославянское); *обилье* (древнерусское); *во власти* (старославянское) и т. д.

Будучи языком первых переводов с греческого, который к IX в. уже имел свою тысячелетнюю литературную традицию, старославянский язык значительно обогатил восточнославянский (древнерусский) язык. «Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова» (М. В. Ломоносов) со временем станут достоянием «великого и могучего» русского национального и литературного языка.

§ 29. Древнерусские диалекты

Древнерусский язык в начальную пору своего развития не был однородным на всей территории расселения восточных славян. Он состоял из ряда диалектов. Диалекты древнерусского языка, возникшие на базе восточнославянских племен-

ных языков, в эпоху раннего феодализма превратились в территориальные, которые не имели существенных грамматических отличий от общенародного древнерусского языка. И все же следует помнить о некоторых фонетических и лексических особенностях, которые обнаруживаются в отдельных письменных памятниках. Так, вполне определенные языковые черты характеризуют новгородские, двинские, псковские, смоленские, галицко-волынские памятники. На основании лингвистических материалов этих памятников можно, пожалуй, говорить о новгородском древнем говоре (который отразился в новгородских и двинских памятниках), псковском и смоленском говорах, наконец, о галицко-волынском древнем диалекте.

Новгородский говор. Характерными фонетическими особенностями древнего новгородского говора являлись следующие: а) цоканье и чоканье; б) второе полногласие.

Явление цоканья и чоканья заключается в том, что вместо **ц** произносят **ч**, а вместо **ч** — **ц**: *коупцины* (вм. *коупчины*); *жеребечь* (вм. *жеребець*); *коупечь* (вм. *коупьць*); *гочкого берега* (вм. *гоцкого*). В двинских грамотах XV в.: *старечь; церньци, в опцемь поли* (из *обчем* — *общем*); *цимъ володелъ; сочького* (*соцкого* из *сотьского*); *княжостровьчи, княжостровчовъ* и др.

Второе полногласие — черта, развившаяся в новгородском говоре в результате падения редуцированных. Сущность этого явления состоит в том, что в сочетаниях **ъ** и **ь** с плавными **р, л** между согласными в середине слова в результате выпадения слабого редуцированного в последующем слоге после **р** и **л** развился добавочный редуцированный звук (примерно того же качества). Схематически это можно представить в чередовании следующих формул: ***тъrt**, ***тъlt**, ***тьrt**, ***тьlt** → → **тъrъt, тъlъt, тьrьt, тьlьt** → **torot, tolot, teret, telet**.

Эти вторичные полногласные формы, в отличие от исконных восточнославянских, и называют вторым полногласием.

Ср. *вьрхъ* — *вьрьхъ* — *верех;*
дължьно — *дълъжьно* — *доложно;*
мълнья — *мълънья* — *молонья;*
хълмъ — *хълъмъ* — *холом;*
вьрвъка — *вьрьвъка* — *веревка* (*вер'овка*);
стълпъ — *стълъпъ* — *столоп* и др.

В двинских и новгородских памятниках встречаем: *черенцамъ* (но *чернец*), на *торожьку* (но *Торжок*), *безмоловья* (вм. *безмолвия*), *веребчину* (вм. *вербчину*, от слова *верба*),

молонья (вм. *молния*) и др. Ср.: *С 1 часу ночи до 5 часу ночи было на небеси знамя: огнь ходилъ аки молонья и зажгло небо* (I Новг. лет.)

В современном русском литературном языке сохранились немногие слова в форме второго полногласия: *веревка, полон* (*полный*), *долог* (*долгий*), *сумеречный* (*сумерки*), *бестолочь* (*толк*).

Смоленский говор. Для древнего смоленского говора были характерны следующие черты: а) цоканье и чоканье; б) произношение начального **в** перед согласными как **у**; в) особое произношение **ѣ**.

Примеры смоленского цоканья и чоканья: *гочкий* (вм. *гоцкий*), *бирица* (вм. *бирича*), *немчицю* (вм. *немцичю*), *купечь* (вм. *купец*) и др. (Смоленские грамоты).

Изменение начального **в** перед согласным в **у** наблюдается в двух случаях: в начале слова и в предлоге. В начале слова: *уздумалъ* (вм. *вздумал*); *на Устоко моря ходить* (вм. *на Восток...*); *Узяти дъва платежа* (вм. *взяти*); *оу жельза усадить* (вм. *всадить*); *не взяти товаръ на успять* (вм. *вспять*); *умѣсто* (вм. *вместо*); *усхочеть* (вм. *всхочеть*).

Мена предлога **в** в **у** наблюдается перед словом, начинающимся с согласного, например: *оу Ризѣ* (*в Риге*), *оу Русѣ, оу Смольнескѣ, оу дыбу, дасть оу долго* (*в долг*), *оу холопьство, оу вълъсти* (*в волости*).

Об особенностях произношения **ѣ** в древнем смоленском говоре можно судить по тому, что в Смоленской грамоте за 1229 г. буква **ѣ** употребляется часто неправильно (на месте **ь** в сильной позиции, который потом совпал в произношении с **е**). Следовательно, графема **ѣ** произносилась в смоленском говоре как **е**, т. е. не имела уже дифтонгического характера и была звуком средней длительности. Примеры употребления **ѣ** на месте сильного **ь** = **е**: *боудѣте* (ср. *будем, будьте*); *останѣть* (ср. *останься*); *людѣма* (ср. *людьми*); *оутвѣрдять* (ср. *твьрдь, твердить, тв'ордо*); *вьсѣмоу* (ср. *вьсь, всем*); *Смольнѣскъ* (ср. *Смольньска, Смоленск*); *свободѣныи* (ср. *свободьныи, свободен*) и др. В этой же грамоте встречается написание **е** вместо **ѣ** — *зде починаеть ся правьда*.

Псковский говор. Особенностями псковского говора являлись: а) цоканье и чоканье; б) замена шипящих свистящими и наоборот (**ш—с, ж—з, с—ш, з—ж**). Примеры цоканья и чоканья: *чепи золотои* (вм. *цепи*); *ноць* (вм. *ночь*); *боцекъ* (вм. *бочек*); *цего* (вм. *чего*) и др. (Пск. суд. гр. 1463 г.).

Примеры замены свистящих шипящими и шипящих свистящими: *о сапозницѣ* (вм. *сапожнике*) *отъ, княжя* (вм. *князя*); *залуются* (вм. *жалуются*); *жбегле* (вм. *сбежали*). Замена ши-

пящих свистящими и наоборот сохранилась и в современном псковском говоре. Ср. *сапка* (вм. *шапка*), *жима* (вм. *зима*), *шам* (вм. *сам*) и т. п.

Из других особенностей древнего псковского говора следует отметить также употребление сочетания **жг** вм. **жд** в словах типа *дожгъ — дождь;* пропуск звука **в** перед мягким **л**. Ср. *На Ярослали дворѣ— На Ярославли дворѣ.*

Галицко-волынский диалект. Языковые черты галицко-волынского диалекта отразились, главным образом, в памятниках южнорусского происхождения. Главные из этих черт:

а) распространение форм дательного падежа единственного числа на **-ови**, **-еви** в существительных мужского рода с основой на -ŏ, -jŏ (преимущественно в именах собственных: *Даниилъ, Василько, Романъ, Андрѣи* и др.). Ср: *Дмитрови ранену бывшу взидоша Татарѣ на стѣны* (Гал.-Вол. лет.); *Данилови же... собравшю вои иде въ малѣ дружинѣ къ Галичю* (там же); *Васильκови же... крѣпко дыржащи брань, Андрѣи же дворьскому сердце крѣпко имуще...* (там же); *Король же Андрѣи не забыл любви своея первыя, иже имѣяше ко брату ко великому князю Романови* (там же).

Эта языковая особенность впоследствии стала нормативной для украинского национального языка;

б) изменение старых (исконных) **о**, **е** в новом закрытом слоге (после падения слабых конечных редуцированных) в звук **і**. Принято считать, что рефлексация **о** в **і** совершалась постепенно, проходя через определенные этапы, в том числе: удлинение гласного **о**; переход долгого **о** в **у**; дифтонгическое произношение долгого **у** с оттенком **і**; окончательный переход в **і**. Ср. *возъ — вооз — вуоз — вуез — вуіз — віз; волъ — воол — — вуол — вуел — вуіл — віл.*

Поскольку этот переход происходил постепенно и длительное время, то древнейшие памятники отразили его начальные ступени, а именно — долготу **о** в новом закрытом слоге — *воовьця* (Гал. ев.). Ср. современное диалектное украинское *вувця* и литературное *вівця*. В письменных памятниках XII—XVII вв. это дифтонгическое **у** передавалось одной буквой **у** или **ю**, например, *субутныи* из *субътныі*, русск. *субботний* (Типогр. ев.); *добровульно* — совр. укр. *добровільно*, русск. *добровольно* (грамота 1336 г.); *прузвищемъ* — из *пръзвищемъ*, русск. *прозвище*, укр. *прізвище* (там же); *Коундрата* — из *Кънрдата*, укр. *Кіндрат*, русск. *Кондрат* (грамота 1401 г.) и др.

Последняя ступень перехода **о** в **і** засвидетельствована памятниками лишь с XVI в.— *покиль* (Луцк. кн.); *гакивьниця, макогинъ* (Опис. Черк. з.).

Переход **е** в новом закрытом слоге в **і** происходил через удлинение **е** в дифтонг **іе**, который передавался в памятниках через букву **ѣ**. Это **ѣ** в свое время объяснял академик А. И. Соболевский. Вслед за ним данное явление стали называть «новым **ѣ**».

«Новое **ѣ**» широко засвидетельствовано в южнорусских памятниках начиная с XII в. Ср. *камѣнь, сѣдмь, шѣсть, пѣчь, рѣчь, зѣлье* (Добр. ев.), *ремѣнь, знамѣнье* (Луцк. ев.) и др.

Поскольку традиционная графема **ѣ** обозначала дифтонгическое **іе**, впоследствии при помощи **ѣ** передавали и соответствующее укр. **і**. Не исключено, что такая «замена» мотивировалась стремлением подчеркнуть выразительность первого элемента (компонента) дифтонга. Написание **і** засвидетельствовано в памятниках до XVII в. немногочисленными примерами — очевидно, это явление более позднего периода. Ср. *шістнадцятого* (грамота 1366 г.), *шість* (грамота 1393 г.).

Указанные особенности древнего галицко-волынского диалекта впоследствии развились в нормативные черты украинского языка как системы;

в) третья особенность рассматриваемого диалекта заключается в переходе **л** в **в** в сочетании **ъл** между согласными. Ср. *вълкъ — вовк; вълна — вовна; пълныи — повныи* и др. Графемой **в** передавалось неслоговое **ў**. Эта черта также украинская. Заметим, однако, что явление это не следует смешивать с переходом **л** в **в**, которое наблюдается в причастных образованиях. Ср. *написалъ — написавъ, закрылъ — закрывъ, взяла — взявъши.*

Вопросы для самопроверки

1. Классификация гласных звуков древнерусского языка и ее принципы.
2. Как характеризуются согласные древнерусского языка?
3. История звука **ф** в восточнославянских языках.
4. Шипящие **ж, ч, ш, щ** и **ц** в древнерусском языке. Их история и фонетическое своеобразие.
5. Закон открытого слога и его роль в истории развития русского и других славянских языков.
6. История редуцированных гласных **ъ** и **ь**. Особенности их произношения в сильной и слабой позициях.
7. Падение редуцированных гласных. Причины и следствия этого фонетического процесса.

8. История беглых гласных звуков **о**, **е** в русском и украинском языках.

9. В чем сущность процесса выравнивания основы слова по аналогии?

10. Ассимиляция как фонетическое явление.

11. Диссимилятивные явления как результат падения редуцированных.

12. В чем сущность процесса упрощения групп согласных?

13. История древнерусских полногласных форм.

14. Охарактеризовать типы сочетаний редуцированных с плавными **р**, **л** в древнерусском языке и осветить дальнейшую историю этих сочетаний.

15. Звук **ѣ** в истории русского языка.

16. В чем сущность перехода **е** в **о**?

17. Три типа смягчения заднеязычных согласных **г**, **к**, **х**.

18. История «нового **ѣ**».

19. Какие звуки обозначались буквами **Ѫ**, **Ѧ**, для каких языков характерны эти звуки, что им соответствует в древнерусском языке?

20. Аканье как фонетическое явление.

21. Каковы основные фонетические отличия древнерусского языка от старославянского?

22. На основании каких данных можно говорить о неоднородности древнерусского языка на всей территории его распространения и о наличии в нем диалектов и говоров?

23. Какие основные диалекты и говоры выделяются в древнерусском языке?

24. Для каких говоров характерно цоканье и чоканье, в чем сущность этого явления?

25. Что представляет собой второе полногласие, для какого говора оно характерно?

26. Какие фонетические черты украинского языка намечаются в древнем галицко-волынском диалекте?

Упражнения

1. Охарактеризовать в звуковом отношении гласные и согласные в словах следующего предложения: *Глѣбъ кнѧзь мѣрилъ море по леду от Тьмутороканѧ до Кърчева ·҂і҃· и ·҂д҃· саже(нъ)* (Тмутороканская надпись, 1068 г.).

2. Определить, в каких позициях находились редуцированные **ъ** и **ь** в следующих словах: *коупьць, чьто, къто, дръва, сльза, посълати, мъного, тънъкъ, ръпътъ — ръпъта,*

гривьна — гривьнъ, поуть — поутьмь, съдьржати, дължьнъ, пришьствие, роусьска.

3. Объяснить, какие фонетические изменения произошли в следующих формах слов: др.-русск.: *Пиньскъ тришьды, дъстоканъ, умерлъ, моглъ;* совр. русск.: *Пинск, трижды, стакан, умер, мог.*

4. Объяснить чередование заднеязычных в таких словах: *реку* (говорю) — *рече* (сказал) — *рьци* (скажи) — *рьцѣте* (скажите); *Ольга — Ользѣ — Ольжинъ* (град); *дроугъ — дроужина — дроузи; послоухъ — послоушьнъ — послоуси; леглъ — лязите; велика — велицѣ; могу — можаше; възлагати — възложити.*

5. Чем объясняется следующее написание гласных после шипящих и **ц** в древнерусском языке: *хочю, ищю, чяра, отьць, мужь, тяжькии, чюдо, шьвьцъ?*

6. Объяснить, какие звуки были в древнерусском языке на месте орфографических **е** и **о** в следующих словах современного русского языка: *зерно, дева, ось, хлеб, лен, лес, печь, лед, белый, сено, рот, пень, мох, бедный, смерть, земля, речь, ров, лето, бежать, кровь, верность, заслона, дерзость, молва, волна, печать, сера, топот, солнце.*

7. В указанных предложениях из Лаврентьевской летописи на основании фонетических признаков определить древнерусские и старославянские слова:

1. *А я возвращаюся и похожю еще.* 2. *И присташа подъ Боричевымъ въ лодьи.* 3. *Деревьска земля.* 4. *Голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда, своя, ови в голубьники, врабьеве же подъ стрѣхи.* 5. *И побѣгоша людье изъ града.* 6. *Идуще же ему вспять.* 7. *А словене своѥ въ Новѣгородѣ.*

8. В приведенных ниже отрывках из псковской грамоты XIV в. определить диалектные черты:

1. *...здесе зялуются намъ молодии люди купцини Иване да Кузма;* 2. *...а искал на нихъ чепи золотой да полътретьядьчяти боцекъ пива;* 3. *...какъ брата его убивъ слуга тую жь ноць жбегле;* 4. *...осталошь у него полътретьядьчять боцек пива да 4 бочки меду сыценого.*

МОРФОЛОГИЯ

§ 30. Общая характеристика морфологической системы древнерусского языка

Язык как средство человеческого общения не мог бы выполнять свою основную функцию, если бы представлял собой беспорядочное нагромождение разнородных явлений и фактов. Ни фонетика, ни словарный фонд сами по себе не составляют ни внутреннего, ни внешнего облика языка. И звуковое оформление, и лексическое значение в слове как бы оживают, становятся более отчетливыми и выразительными, поступая в распоряжение грамматики языка (морфологии и синтаксиса).

Морфология и синтаксис являются равноправными, друг друга дополняющими частями грамматической системы языка.

Как первоэлемент языка, слово обладает лексическим и грамматическим значениями. Лексическое значение, как правило, мотивируется отнесенностью слова или словосочетания к определенному предмету или явлению действительности. Например: *дерево* — вид растения, *дождь* — явление природы. Дополнительные значения, выражающие логические и грамматические отношения между словами-понятиями в составе предложения, составляют формальную или грамматическую сторону слова.

Конкретное системно-звуковое оформление грамматического значения определяет грамматическую форму слова. Например, в предложении *Пришла весна* формальными признаками выражения единственного числа будут окончания **-а** глагола *пришла* и существительного *весна*. Эти окончания будут признаками согласования главных членов предложения, сказуемого и подлежащего, в женском роде. Более общее грамматическое значение, выраженное разнообразными формальными показателями, называется грамматической категорией.

Наиболее общими грамматическими категориями языка являются части речи. Их, в свою очередь, определяют категории рода, числа, падежа, лица, вида, времени, залога, наклонения и т. д.

Возникновение и развитие грамматических категорий всецело зависит от степени и характера совершенствования человеческого мышления, его способности разграничивать и обобщать явления действительности, устанавливать причинные отношения, различать проявления признаков в пространственной и временной связях. В период создания письменности и старославянский, и древнерусский языки представляли собой высокоразвитые языковые системы, которые по совершенству грамматических форм почти не уступали греческому и латинскому языкам.

Древнерусская морфологическая система характеризовалась сложностью и многообразием грамматических форм и категорий. Достаточно отметить, что в древнерусском языке, как и в общеславянском, было пять типов склонений имен существительных, три формы числа: единственное, множественное и двойственное, четыре глагольных формы прошедшего времени: аорист, перфект, имперфект и плюсквамперфект. Падежная система была представлена семью формами, в состав которых входили местный и звательный падежи. Последние, как известно, в русском языке национального периода подверглись значительному изменению: местный преобразовался в предложный, а звательный фактически исчез. Наконец, в современных восточнославянских языках получили совершенно новое качество грамматические категории рода, лица, вида и залога. Значительные сдвиги произошли также в области служебных слов: предлогов, союзов, частиц и предикативных связок.

Процесс дальнейшего развития и совершенствования морфологической системы восточнославянских языков продолжается и в наше время.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 31. Категория рода. Форма основы

Основными морфологическими признаками, характеризующими имя существительное в древнерусском языке, были категории рода, числа и падежа. Как и в современных восточнославянских языках, в древнерусском языке категория рода выражалась в том, что все слова со значением предметности подразделялись на три лексико-грамматических класса (рода): мужской, женский и средний. К каждому из них можно было поставить соответствующие родовые указательные местоимения типа *тъ, та, то* или *сь, си, се*. Признак грамматического рода был одним из основных при атрибутивном или

предикативном согласовании с именем существительным того или иного самостоятельного члена предложения.

Если в современных русском, украинском и белорусском языках категория рода является главным лексико-морфологическим критерием классификации имен существительных по типам склонения, то в древнерусском языке все зависело от так называемой ф о р м ы о с н о в ы (детерминатива). Качество этой основы определялось значением древнейшего индоевропейского словообразовательного суффикса. В наше время первоначальное значение этого суффикса можно установить лишь путем сравнительно-исторического метода. Например, когда речь идет об основе -ā, -jā, то при этом имеют в виду имена существительные женского и мужского родов, которые в славянских и других близкородственных индоевропейских языках сохраняют соответствующий словообразовательный суффикс. Ср. ст.-сл. *землꙗ,* русск. *земля,* польск. *ziemia,* лит. *zemas;* ст.-сл. *жена,* русск. *жена,* польск. *żona,* прусск. *gena*. То же самое и в отношении основы на -ŭ существительных мужского рода: ср. ст.-сл. *сынъ,* русск. *сын,* польск. *syn,* лит. *sunus,* санскр. *sunu;* ст.-сл. *медъ,* русск. *мёд,* польск. *miód,* лит. *medus,* санскр. *madhu;* основ на -ĭ существительных мужского рода: ст.-сл. *огнь*, русск. *огонь*, польск. *ogień,* лат. *ignis,* лит. *ugnis;* ст.-сл. *гость,* русск. *гость,* польск. *gość,* лат. *hostis* (враг) и т. д.

Таким образом, в распределении имен существительных по типам склонений в древнерусском языке продолжает сохраняться общеславянская и даже индоевропейская традиция, связанная с «детерминативной символикой». В период действия закона открытого слога, разумеется, большинство имен утрачивает исконные «формы основы», но унаследованная от общеславянского праязыка система склонений еще долго сохраняется.

Исходя из «значения» формы основы, имена существительные в старославянском и древнерусском языках подразделялись на пять типов склонений.

К п е р в о м у типу склонения основ на -ā, -jā относились:

а) имена существительные женского рода типа *жена, звѣзда, доуша, господыни, поустыни;*

б) имена существительные мужского рода типа *слоуга, оуноша, соудья.*

Ко в т о р о м у типу склонения основ на -ŏ, -jŏ относились имена существительные мужского рода, которые в именительном падеже единственного числе оканчивались на **-ъ**, **-ь**, **-и**: *человѣкъ, орьлъ, моужь, краи,* а также среднего рода на **-о**, **-ѥ**: *окно, село, полѥ, морѥ.*

К т р е т ь е м у типу склонения основ на -ŭ (у краткое) относилось всего семь существительных мужского рода, которые оканчивались на **-ъ**: *сынъ, домъ, чинъ, полъ, медъ, вьрхъ, волъ.*

К ч е т в е р т о м у типу склонения основ на **-ĭ** (**i** краткое) относились:

а) имена существительные женского рода на **-ь** типа *кость, дань, речь;*

б) имена существительные мужского рода на мягкие согласные **д, т, с, б, п, в** типа *гость, зять, поуть, гридь* (княжеский воин).

К п я т о м у типу склонения основ на согласный относились имена существительные мужского, женского и среднего родов, которые в косвенных падежах принимали соответствующий суффикс — «наращение». В границах этого склонения наметились следующие разновидности:

а) существительные мужского рода с суффиксом **-ен**: *камъı — камене, олень, дьнь;*

б) существительные среднего рода с суффиксом **-ат, -ят**: *гоуся — гоусяте, отроча — отрочате;*

в) существительные среднего рода с суффиксом **-ен**: *имя — имене, врѣмя — врѣмене, племя — племене;*

г) существительные среднего рода с суффиксом **-ес**: *коло — колесе, чюдо — чюдесе, тѣло — тѣглесе;*

д) существительные женского рода с суффиксом **-ер**: *мати — матере, дъчи — дъчере;*

е) существительные женского рода с суффиксом **-ъв**: *любы — любъве, свекры — свекръве.*

Категория рода в славянском праязыке долгое время морфологически «не вписывалась» в систему именного склонения. Да и критерий рода был не совсем ясным. Ср. русск. *степь* (ж. р.), укр. *степ* (м. р.); русск. *собака* (ж. р.), укр. *собака* (м. р.); русск. *печь* (ж. р.), польск. *piec* (м. р.) и т. д. Это и приводило к тому, что уже в древнерусском языке отмечаются частые случаи «перебежек» имен существительных из одного типа склонения в другой.

Причиной этому была также постепенная, но «упорная» морфологизация категории рода. Известно, например, что существительные *печать* и *гъртань* в древнерусском языке были существительными мужского рода, в современном русском они относятся к женскому роду. Существительные *брат* и *сестра* (ср. нем. *Bruder, Schwester*) в общеславянском языке относились к основам на согласный, в древнерусском — первое примкнуло к основам на **-ŏ**, второе — к основам на **-ā**.

4 6-1484

§ 32. Категория числа

Категория числа составляет основной лексико-грамматический признак имени существительного во всех индоевропейских языках. В древнерусском языке, помимо единственного и множественного чисел, имеет место и так называемое двойственное число. Последнее употреблялось при числительных *два* и *оба,* а также было обязательной формой для имен существительных, обозначающих парные предметы (вначале — симметрически равные). Например, *очи, оуши, рога, две руки, обе ноги.* Замена двойственного числа соответствующей формой множественного числа намечается очень рано. Так, например, в «Житии» Нифонта за 1219 г. вместо *рабома своима* (дательн. двойств. числа) находим *рабомъ своимъ.* Случаи замены двойственного числа формами множественного весьма часто встречаются в грамотах на бересте XIII—XIV вв.

Принято считать, что на почве трех восточнославянских языков народности двойственное число окончательно выходит из употребления к началу XVI в.

В литературно-книжном языке двойственное число искусственно сохраняется вплоть до XVII в. В старославянском и древнерусском языках двойственное число было представлено тремя формами:

И., В., З.— *человѣка, селѣ, рыбѣ;*
Р., М. — *человѣкоу, селоу, рыбоу;*
Д., Т. — *человѣкома, селома, рыбама.*

Пережиточные формы двойственного числа мы можем обнаружить и в современном русском языке в таких словосочетаниях как *два бойца, оба товарища,* а также в именах существительных, обозначающих парные предметы: *плечи, глаза, бока* и др. В народных говорах украинского и белорусского языков архаические формы двойственного числа встречаются весьма часто. Ср. укр.— карпат. *дві руці, дві нозі;* бел. *две руцэ, две назе* и т. п.

Формы двойственного числа частично сохраняются также и в западнославянских языках (лужицком и кашубском, из близкородственных индоевропейских — в литовском).

§ 33. Категория одушевленности

Главным морфологическим признаком существительных, обладающих «одушевленностью», в современных восточнославянских языках является то, что винительный падеж существительных мужского рода у них не соответствует именитель-

ному и принимает форму родительного падежа. Например: *встретил отца, брата, льва, орла.* Во множественном числе это в равной мере относится и к женскому роду: *посетил сестер, девушек, студенток.*

В древнерусском языке, как и в других славянских языках, категория одушевленности долгое время морфологически не фиксировалась. Винительный и именительный падежи имен существительных с основой на -ŏ, -й, -ĭ фактически ничем не отличались между собой. Например: *Аже крадеть либо конь, либо волы* (Пр. Рус.); *выпусти ты свои мужь, а я свои* (Лавр. лет.); *И оузърѣ отьцъ сынъ свои* (Лавр. лет.); *налѣзоша быкъ великъ* (там же).

Необходимость дифференциации двух членов предложения, имеющих форму именительного падежа, — подлежащего-субъекта и прямого дополнения-объекта — привела к разделению, которое осуществилось с помощью формы родительного падежа. Есть основания полагать, что первоначальную форму родительно-винительного падежа единственного числа получали имена существительные мужского рода, которые называли лиц, наделенных социальной властью, затем свободных людей и только позднее — всех лиц мужского рода. Так, например, в «Русской Правде» можно обнаружить синтаксические конструкции двух типов: *платити ему за холопъ; пояти ему отрокъ* и *холопъ ударить свободна мужа, выведеть ... мытника* [1].

Принято считать, что категория одушевленности и неодушевленности имени существительного в современном значении этого слова начала складываться в русском языке примерно с XIV в. Закончился этот процесс только к периоду образования русского национального языка (к середине XVII в.).

Употребление форм родительно-винительного падежа при передаче признака одушевленности характерно для всех славянских языков. В современном украинском языке, в отличие от русского, родительный-винительный падеж распространяется фактически на все имена существительные мужского рода. Ср. *зустріти батька* и *вручити листа.* В современном русском языке категория одушевленности в системно-морфологическом плане распространяется в единственном числе на все одушевленные существительные мужского рода второго склонения, во множественном числе — на одушевленные существительные всех трех родов.

---

[1] См.: Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1952, с. 150—151.

§ 34. Категория падежа

Категория падежа является одной из наиболее древних морфологических категорий, составляющих грамматическую специфику имени, в отличие от других знаменательных слов. В древнерусском языке грамматическое значение категории падежа выражается с помощью специальных суффиксов, которые принято называть падежными окончаниями. Падежные окончания указывают на различные оттенки отношений имени к другим словам в предложении: пространственные, временные, причинные, притяжательные и т. п.

Синтаксические связи между словами при этом могут осуществляться непосредственно или с помощью предлогов. Например: *приде Кыѥву* и *приде въ Кыѥвъ*. Предложные конструкции значительно расширяют и обогащают значение падежа. В некоторых языках, в частности в английском, французском, болгарском, значение падежа выражается с помощью служебного слова-артикля или предлога. В других языках, например, в финно-угорских, основной формой грамматической связи имени с другими словами в предложении является категория падежа при очень слабо развитой системе предлогов или послелогов. Этим, в частности, объясняется наличие в этих языках очень сложной именной парадигмы. Достаточно отметить, что, например, в современном венгерском языке — 21 падеж, в эстонском — 14 и т. п.

В древнерусском языке, по существу, были те же падежи, что и в современных восточнославянских языках: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и местный. Местный падеж по значению был близок к современному предложному, хотя и мог употребляться без предлога. Ср. *бысть пожаръ великъ Кыевѣ городѣ* (Лавр. лет.). Звательный падеж в древнерусском языке употреблялся для выражения обращения и, таким образом, отличался от других форм падежа своей функцией. В звательном падеже могли стоять существительные всех форм основ в единственном числе, кроме основ на согласный. Ср.: *О вѣтре, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши?* (Слово).

Форма звательного падежа выходит из употребления очень рано. Так, уже в Остромировом евангелии XI в. наблюдаются отдельные случаи замены звательного падежа формой именительного. Однако есть основания полагать, что потеря форм звательного падежа на всей территории восточного славянства проходила непоследовательно. Дольше всего сохранялись формы звательного падежа на юге и юго-западе. В совре-

менных украинском и белорусском языках звательно-падежная форма получила права «литературного гражданства». Ср. укр. *чоловіче! брате! друже!*; бел. *чалавеку! бацьку! воўче!*

Категория падежа в древнерусском языке распространялась на два типа склонений — **именной** и **местоименный**. По именному типу склонялись имена существительные, краткие прилагательные, краткие причастия и некоторые числительные. Местоименный тип склонения обслуживал местоимение, полные прилагательные, полные причастия и некоторые числительные. В задачу настоящего раздела входит описание именного склонения.

Итак, остановимся на отдельных образцах древнерусского склонения и укажем их особенности.

§ 35. Склонение основы на *-ā, -jā*

Единственное число

И.	*стѣна*	*роука*	*земля*	*доуша*	*господыни*
В.	*стѣны*	*роукы*	*землѣ*	*доушѣ*	*господынѣ*
Д.	*стѣнѣ*	*роуцѣ*	*земли*	*доуши*	*господыни*
В.	*стѣноу*	*роукоу*	*землю*	*доушоу*	*господыню*
Т.	*стѣною*	*роукою*	*землею*	*доушею*	*господынею*
М.	*стѣнѣ*	*роуцѣ*	*земли*	*доуши*	*господыни*
Зв.	*стѣно*	*роуко*	*земле*	*доуше*	*господыне*

Множественное число

И.	*стѣны*	*роукы*	*землѣ*	*доушѣ*	*господынѣ*
Р.	*стѣнъ*	*роукъ*	*земль*	*доушь*	*господынь*
Д.	*стѣнам*	*роукамъ*	*землямъ*	*доушамъ*	*господынямъ*
В.	*стѣны*	*роукы*	*землѣ*	*доушѣ*	*господынѣ*
Т.	*стѣнами*	*роуками*	*землями*	*доушами*	*господынями*
М.	*стѣнахъ*	*роукахъ*	*земляхъ*	*доушахъ*	*господыняхъ*

Двойственное число

И., В., Зв.	*стѣнѣ*	*роуцѣ*	*земли*	*доуши*	*господыни*
Р., М.	*стѣноу*	*роукоу*	*землю*	*доушоу*	*господыню*
Д., Т.	*стѣнама*	*роукама*	*землями*	*доушама*	*господы-няма*

Склонение существительных женского и мужского родов с основой на -ā, -jā в истории русского и других восточнославянских языков оказалось наиболее устойчивым. Более того, оно активно влияло на формирование других типов склонений

независимо от формы рода. Отметим некоторые особенности этого склонения:

а) в именительном падеже единственного числа под влиянием господствующих форм окончаний женского рода на **-а**, **-ꙗ** существительные типа *господыни, поустыни, княгыни* начиная с XI в. часто употребляются с окончанием на **-я**. Например: *поустыня, мълния, соудия;*

б) склонение существительных с основой на **-ā**, **-jā** в зависимости от качества согласных основы — твердости или мягкости — имеет два варианта окончаний. Окончанию **-ы** родительного падежа ед. и именительного падежа мн. числа твердого различия соответствует окончание **-ѣ** мягкого различия. Ср. *стѣны — землѣ.* Окончанию **-ѣ** твердого различия в дательном и местном падежах ед. числа и в именительном, винительном и звательном двойственного соответствует окончание **-и** мягкого различия. Ср. *стѣнѣ — земли;*

в) начиная с XII в. в памятниках древнерусской письменности наблюдается смешение твердого и мягкого вариантов склонений в сторону преобладания твердого различия. Так, например, в русском языке в родительном падеже ед. числа образовались современные формы типа *стѣны — земли.* То же самое и в именительно-винительном падежах множественного числа: из *стѣны — землѣ* образовались формы *стѣны — земли*;

г) для существительных с основой на **-ā**, **-jā**, как и для существительных мужского и среднего рода, характерно развитие категории одушевленности. Начиная с XVII в. почти во всех древнерусских памятниках наблюдается строгая закономерность в употреблении форм родительного падежа для выражения винительного одушевленного. Ср.: *Подобаеть поучати мужемъ женъ своихъ* (Домострой);

д) согласные основы заднеязычные **г**, **к**, **х** перед гласной переднего ряда **ѣ** в дательном и местном падежах единственного числа и в именительном, винительном, звательном двойственного числа подвергаются второму смягчению, изменяясь в соответствующие свистящие — **з**, **ц**, **с**: *нога — нозѣ, роука — роуцѣ, моуха — моусѣ;*

е) склонение существительных с основой на **-ā**, **-jā** как наиболее устойчивое и многочисленное оказало огромное влияние на формирование современной системы именного склонения. Примерно с XIII в. дательный, творительный и местный падежи множественного числа существительных на **-ŭ**, **-ŏ**, **-ĭ**-основы начинают приравниваться к соответствующим падежам изучаемого нами склонения. Таким образом, намечается тенденция к унификации форм падежных оконча-

ний для всех родов существительных во множественном числе. Этот процесс подтверждают данные трех типов склонений в современном русском языке.

Первое склонение (бывшая основа на -ā, -jā)		Второе склонение (бывшая основа на -ŏ, -jŏ, -ŭ)	
Д. *женам*	*землям*	*дедам*	*сынам*
Т. *женами*	*землями*	*дедами*	*сынами*
П. *женах*	*землях*	*дедах*	*сынах*

Третье склонение (бывшая основа на -ĭ)

костям	*повестям*
костями	*повестями*
костях	*повестях*

Данные современных восточнославянских языков говорят о том, что процесс становления новой системы склонения продолжается и в наше время и является бесспорным доказательством постоянного поступательного движения в языке.

§ 36. Склонение основы на -ŏ, -jŏ

Единственное число

И.	*смердъ*	*человѣкъ*	*конь*	*вѣдро*	*море*
Р.	*смерда*	*человѣка*	*коня*	*вѣдра*	*моря*
Д.	*смердоу*	*человѣкоу*	*коню*	*вѣдроу*	*морю*
В.	*смердъ*	*человѣкъ*	*конь*	*вѣдро*	*море*
Т.	*смердъмъ*	*человѣкъмъ*	*коньмъ*	*вѣдръмъ*	*морьмь*
М.	*смердѣ*	*человѣцѣ*	*кони*	*вѣдрѣ*	*мори*
Зв.	*смерде*	*человѣче*	*коню*	*вѣдро*	*море*

Множественное число

И.	*смерди*	*человѣци*	*кони*	*вѣдра*	*моря*
Р.	*смердъ*	*человѣкъ*	*конь*	*вѣдръ*	*моръ*
Д.	*смердомъ*	*человѣкомъ*	*конемъ*	*вѣдромъ*	*моремъ*
В.	*смерды*	*человѣкы*	*конѣ*	*вѣдра*	*мори*
Т.	*смерды*	*человѣкы*	*кони*	*вѣдры*	*мори*
М.	*смердѣхъ*	*человѣцѣхъ*	*конихъ*	*вѣдрѣхъ*	*морихъ*

Двойственное число

И., В., Зв.	*смерда*	*человѣка*	*коня*	*вѣдрѣ*	*мори*
Р., М.	*смердоу*	*человѣкоу*	*коню*	*вѣдроу*	*морю*
Д., Т.	*смердома*	*человѣкома*	*конема*	*вѣдрома*	*морема*

Склонение с основой на -ŏ, -jŏ с полным правом можно назвать мужским склонением, так как уже к XV в. в древнерусском языке оно фактически объединяло все имена существительные мужского рода на твердый и мягкий согласный, кроме слова *путь*.

В парадигме этого склонения отметим следующие особенности:

а) очень рано в древнерусском языке винительный падеж начинает совпадать с родительным, главным образом в названиях социально активных лиц мужского пола типа *князь, моужъ, отьць, старьць*.

Несколько позднее, начиная с XIV в., категория одушевленности значительно расширяется за счет других имен существительных мужского рода, которые обозначают живые существа вообще [1];

б) в склонении существительных с основой на -ŏ, -jŏ в зависимости от твердости или мягкости согласного основы явственно намечается два варианта окончаний. Так, окончанию **-ѣ** местного падежа единственного числа твердой разновидности соответствует окончание **-и** мягкой разновидности. Ср. *смердѣ — кони*. Окончанию **-ѣхъ** этого же падежа множественного числа соответствует окончание **-ихъ** мягкой разновидности. Ср. *смердѣхъ — конихъ*. Окончанию **-ы** винительного падежа множественного числа твердой разновидности соответствует окончание **-ѣ** мягкой разновидности. Ср. *смерды — конѣ*.

Тенденция к унификации форм окончаний существительных -ŏ, -jŏ основ привела к тому, что окончания твердой разновидности стали выражать специфику всей мужской парадигмы. Ср. *на холме — на коне; холмы — кони* и т. д.;

в) начиная с XIII в. имена существительные твердой разновидности в именительном падеже множественного числа под влиянием форм винительного падежа приобретают окончание **-ы** вместо **-и**. Ср. вм. *столи, хълми* появляется *столы, холмы*. И все же в современном русском языке сохранились «рудименты» типа *соседи, черти*. Подвергается влиянию женского склонения основ на -ā, -jā и форма творительного падежа множественного числа. Ср.: вм. *столы, хълмы* появляется *столами, холмами;*

---

[1] Остатком старой формы винительного падежа, тождественной именительному падежу, является наречие *замуж*. Ср.: *Ей замужем живется несладко; За мужем истосковалась, а за детьми и того более.* Примером сохранения старой формы во множественном числе могут быть выражения типа *выйти в люди, пойти в гости, призвать в солдаты.*,

г) начиная с XV в. в условиях образования языка великорусской народности происходят значительные изменения в окончаниях именительного падежа множественного числа существительных мужского рода. Под влиянием форм двойственного числа типа *рога, бока, глаза* в русском языке появляются такие формы, как *леса, жернова, города* и др. Этот процесс не потерял своей интенсивности и в наше время. Ср. *профессора, учителя, трактора, директора* и т. п. Не исключена возможность, что в образовании подобных форм большую роль сыграла аналогия к существительным среднего рода именительного падежа множественного числа типа *поля, моря, села,* у которых окончания **-а**, **-я** исторически оправданы;

д) под влиянием склонений основ на **-ŭ**, **-ĭ** еще в древнерусский период в родительном падеже множественного числа существительные мужского и среднего рода приобретают окончание **-ов**, **-еи**. Аналогию здесь обнаружить очень легко: *холмов — лесов* как *сынов; полей — морей* как *гостей.*

Как известно, в современном русском языке сохранилась незначительная группа существительных мужского и среднего рода, которые не подверглись этому влиянию. Ср. *сапог, чулок, солдат, окон, озер, жилищ* и др.;

е) как и в первом склонении, существительные мужского рода с основой на заднеязычные **г**, **к**, **х** перед гласными переднего ряда **и** и **ѣ** в местном падеже единственного и множественного числа, а также в именительном падеже множественного в древнерусском языке подверглись второму типу смягчения. Ср. *варягъ — варязѣ — варязѣхъ — варязи; вълкъ — вълцѣ — вълцѣхъ — вълци; скоморохъ — скоморосѣ — скоморосѣхъ — скомороси.*

Заметим, однако, что уже в памятниках XIV—XV вв. засвидетельствовано и обратное явление, когда под влиянием других падежных форм согласные **г**, **к**, **х** восстанавливаются. Это объясняется тем, что в русском языке, начиная с XIV в., усиливается тенденция к выравниванию основ. Ср. *печенѣзи — печенѣги; волци — волки; скомороси — скоморохи.*

§ 37. Склонение существительных -ŭ-основы

	Единственное число	Множественное число
И.	*сынъ*	*сынове*
Р.	*сыноу*	*сыновъ*
Д.	*сынови*	*сынъмъ*

Единственное число		Множественное число
В.	*сынъ*	*сыны*
Т.	*сынъмь*	*сынъми*
М.	*сыноу*	*сынъхъ*
Зв.	*сыноу*	

Двойственное число

И., В., Зв.	*сыны*
Р., М.	*сыновоу*
Д., Т.	*сынъма*

1. Как уже говорилось, к основам на **-ŭ** в древнерусском языке принадлежало всего семь существительных мужского рода. Очень рано в парадигме этого склонения происходят значительные изменения, связанные с влиянием лексически многочисленной основы на -ŏ. Уже к XI в., как об этом свидетельствуют памятники письменности, склонение основы на -ŭ теряет свою системность и подвергается постепенному разрушению. Под влиянием склонения существительных основы на **-ŏ** появляются такие формы, как *сынъ — сына — сыну — сына — сынъмь — сынѣ — сыне*. В них легко обнаружить аналогию к склонению существительных типа *вълкъ — столъ*. И все же склонение основы на -ŭ не исчезает из языка бесследно. Некоторые падежные формы этого типа склонения (Р. и М. ед. ч.) в свою очередь оказали влияние на систему склонения основ на **-ŏ**, -jŏ. Об этом, в частности, говорят окончания **-у**, **-ю** в родительном падеже единственного числа в современном русском языке. Так, например, они обнаруживаются в следующих именах существительных мужского рода:

а) с вещественным и собирательным значением, не подлежащим счету: *воску, табаку, чаю, сахару, меду, луку, соку* и др.;

б) с отвлеченным значением: *страху, весу, запаху, жару, блеску, ходу* и др.;

в) в предложных конструкциях со значением пространственности или причинности: *из лесу, из дому, с холоду, со смеху, с испугу* и др.

2. Окончание дательного падежа ед. числа на **-ови**, **-еви** в древнерусском языке были характерными для существительных мужского рода, обозначающих названия лиц. Ср. *отьцеви, моужеви, ꙗрославови*. В современном русском языке последние не получили распространения, в то время как в украинском они фактически обслуживают все имена существительные мужского рода. Ср. укр. *батькові, лікареві, коневі,*

солов'єві, дубові, будинкові и др. Широко представлены они в польском и чешском языках.

3. Окончание родительного падежа множественного числа **-ов** стало нормативным почти для всех существительных мужского рода твердой разновидности. Ср. русск. *столов, плодов, студентов;* укр. *столів, плодів, студентів;* бел. *сталоў, пладоў, студэнтаў*. Этому способствовала его морфологическая конкретизация в сравнении с так называемым нулевым окончанием основы на **-ŏ, -jŏ**. Прежнее нулевое окончание родительного падежа множественного числа в именах существительных мужского рода сохранилось, главным образом, в словосочетаниях типа *десять человек, полк солдат* и др.

§ 38. Склонение существительных-ĭ-основы

	Единственное число		Множественное число	
И.	*кость*	*гость*	*кости*	*гостиѥ*
Р.	*кости*	*гости*	*костии*	*гостии*
Д.	*кости*	*гости*	*костьмъ*	*гостьмъ*
В.	*кость*	*гость*	*кости*	*гости*
Т.	*костию (костью)*	*гостьмь*	*костьми*	*гостьми*
М.	*кости*	*гости*	*костьхъ*	*гостьхъ*
Зв.	*кости*	*гости*		

Двойственное число

И., В., Зв.	*кости*	*гости*
Р., М.	*костию*	*гостию*
Д., Т.	*костьма*	*гостьма*

К основам на **-ĭ** относились существительные женского и мужского рода мягкого различия. Как и в склонении с основой на **-ŭ**, родовой признак здесь оказался определяющим. Он и способствовал лексической дифференциации склонения. Существительные женского рода в основном сохранились в прежней исторической парадигме, существительные же мужского рода в подавляющем большинстве перешли в основу на **-jŏ**. Этот процесс регистрируется еще памятниками XI в., когда такие существительные, как *кость, гость, зять, тьсть, голубь* и др., начинают склоняться как существительные типа *конь*. Некоторая часть имен, в том числе *гортань, печень, боль, корь* и др., наоборот, сохранив исконные падежные формы, приобрели грамматическое значение женского рода.

Таким образом, из существительных мужского рода в современном русском литературном языке только слово *путь* сохранило и свой родовой признак, и свою прежнюю парадигму склонения. Ср. *путь — пути — путем* и т. д.

В свою очередь основа на -ĭ активно способствовала деформации родительного падежа множественного числа существительных с основой на -jŏ. Под влиянием форм *костьи* — *костей*, *гостьи* — *гостей* образовались современные формы — *друзей*, *коней*, *полей*, *морей* и даже форма женского рода — *лыжней* (*лыжня*).

§ 39. Склонение существительных с основой на согласный

Склонение имен существительных с основой на согласный в древнерусском языке было представлено незначительной группой слов всех трех родов: мужского — *дьнь, камы;* женского — *мати, свекры;* среднего — *теля, слово, имя.*

Особенности склонения

1. Как и склонение основ на -ĭ, склонение основ на согласный еще в дописьменный период подвергается распаду в связи с развитием грамматической категории рода. Притягивающими полюсами в процессе деформации пятого склонения явились лексически многочисленные основы на -ā, -jā, основы на -ŏ, -jŏ и основы на -ĭ. По типу основы на -ŏ, -jŏ стали склоняться имена существительные мужского рода на -**н** (*олень, перстень, корень*), которые по формальным признакам были очень близки к словам типа *конь, моужь*. Так возникает морфологическая аналогия *конь* — *коня*, *корень* — *корня*. Существительное мужского рода *пламы*, приняв номинативную форму *пламя*, перешло в категорию слов среднего рода типа *имя* — *племя*. Под влиянием форм винительного падежа оно все же иногда употребляется и как существительное мужского рода. Ср. у А. Блока: *О если б* ***пламень*** *этой встречи был* ***пламень*** *вечный и святой.*

2. Существительные женского рода с суффиксами **-ер-** и **-ъв-** очень рано подверглись влиянию основы на -ĭ. Этому благоприятствовало два фактора: структурно-грамматический и лексико-морфологический. Первый был обусловлен возникновением новых форм именительного падежа. Ср. *мать* из *мати; свекровь* из *свекръвь* (последняя из бывшей формы винительного падежа единственного числа). Второй — общностью родового признака всех трех основ: *кость, мать, свекръвь.* На почве украинского языка некоторые существительные основы на **-ъв** в именительном падеже единственного числа получили окончание -**а** и, как существительные женского рода, стали склоняться по образцу основы на -ā твердого различия. Ср. *стѣна* — *стіна; буква, морква; стѣны* — *стіни; букви, моркви.*

Парадигма склонения основ на согласный

Единственное число

	I основа на -н		II основа на -р	III основа на -т	IV основа на -с	V основа на -ъв
И.	*дьнь*	*имя*	*мати*	*теля*	*слово*	*свекры*
Р.	*дьне*	*имене* *имени*	*матере*	*теляте*	*словесе*	*свекръве*
Д.	*дьни*	*имени*	*матери*	*теляти*	*словеси*	*свекръви*
В.	*дьнь*	*имя*	*матерь*	*теля*	*слово*	*свекръв*
Т.	*дьньмь*	*именьмь*	*матерью*	*телятьмь*	*словесьмь*	*свекръвью* *свекръвию*
М.	*дьне*	*имене*	*матере*	*теляте*	*словесе*	*свекръве*

Множественное число

	I		II	III	IV	V
И.	*дьне* *дьние*	*имена*	*матери*	*телята*	*словеса*	*свекръви*
Р.	*дьнъ*	*именъ*	*матеръ*	*телятъ*	*словесъ*	*свекръвъ*
Д.	*дьньмъ*	*именьмъ*	*матерьмъ*	*телятьмъ*	*словесьмъ*	*свекръвамъ*
В.	*дьни*	*имена*	*матери*	*телята*	*словеса*	*свекръви*
Т.	*дьньми*	*имены*	*матерьми*	*теляты*	*словесы*	*свекръвами*
М.	*дьньхъ*	*именьхъ*	*матерьхъ*	*телятьхъ*	*словесьхъ*	*свекръвахъ*

Двойственное число

	I		II	III	IV	V
И., В.	*дьни*	*имени (-ѣ)*	*матери*	*теляти (-ѣ)*	*словеси (-ѣ)*	*свекръви*
Р., М.	*дьноу*	*именоу*	*матероу* *матерью*	*телятоу*	*словесоу*	*свекръвоу*
Д., Т.	*дьньма*	*именьма*	*матерьма*	*телятьма*	*словесьма*	*свекръвама*

3. Имена существительные среднего рода с основами на **-н, -т, -с** на почве восточнославянских языков также подверглись значительной структурной деформации:

а) существительные с основой на **-н** типа *имя, врѣмя, племя* во всех трех языках в основном сохранили свою прежнюю систему склонения. В русском языке они представляют особую группу так называемых разносклоняемых слов, в украинском и белорусском входят в состав IV склонения существительных среднего рода с суффиксами **-ат-, -ят-, -ен-**;

б) существительные с основой на **-т** типа *теля, порося, медвежа* в современном русском литературном языке в единственном числе не употребляются, хотя и существуют в диалектной речи, в частности в севернорусских говорах. Ср.: *Кабы нашему теляти да волка поймати.*

Современные русские формы с суффиксами **-онок, -ёнок** *(волчонок, теленок)* в единственном числе склоняются как существительные мужского рода второго склонения и почти полностью сохраняют древнерусскую парадигму во множественном числе. Ср. *волчонок — волчата, теленок — телята;*

в) существительные среднего рода с основой на **-с** типа *чудо, слово, коло* во всех восточнославянских языках в единственном числе склоняются как обычные существительные бывшей основы на **-ŏ** *(село, окно)*. Во множественном — некоторые сохранили старую форму *(небеса, чудеса — небес, чудес)*, другие также приняли окончания основы на **-ŏ** *(тело, слово — тел, слов)*. Распад системы склонения с основой на **-с** был вызван, с одной стороны, наличием морфологической аналогии в именительном падеже единственного числа, с другой,— тенденцией к опущению суффикса **-ес-** в косвенных падежах таких слов, как *тѣло, слово,* о чем свидетельствуют памятники письменности XIII—XIV вв., такие, как «Русская Правда» Ипатьевский список летописи и др.

Подводя итог всему сказанному об имени существительном в древнерусском языке, отметим следующее:

1. Как и в современных восточнославянских языках, категорию имени существительного представляли знаменательные слова со значением предметности, которые в морфологической системе языка обладали признаками рода, числа и падежа.

2. Как и в общеславянском языке, основным критерием классификации имен существительных по типам склонения была форма основы — древнейший словообразовательный суффикс (детерминатив). Дальнейшее развитие категории рода привело к постепенному разрушению прежней системы склонения и образованию новой. Основой классификации стал лек-

сико-морфологический принцип с определяющим родовым признаком.

3. В современном русском литературном языке к I склонению относятся, главным образом, имена существительные женского и мужского рода, которые в древнерусском языке составляли основу на **-ā**, **-jā**. II склонение охватывает существительные мужского и среднего рода, составлявшие в древнерусском языке основу на **-ŏ**, **-jŏ**.

Сюда также относится часть существительных мужского рода бывшей основы на **-ŭ** и, наконец, имена мужского и среднего рода основы на согласный. К III склонению в современном русском языке относятся существительные женского рода, которые в древнерусском языке принадлежали к склонению на **-ĭ**, а также некоторая часть существительных с основой на согласный.

Особое место среди именных форм в русском языке занимают разносклоняемые слова, представляющие архаический тип склонения имен существительных среднего рода основы на **-н**: *знамя, время, имя, семя, стремя, племя, пламя, бремя, вымя, темя*. Некоторым своеобразием отличается также склонение существительных *путь, дитя, мать, дочь*. Все это свидетельствует о том, что процесс унификации форм склонения в современных восточнославянских языках еще далек от завершения.

Вопросы для самопроверки

1. Система склонения имен существительных в древнерусском языке:
   а) категория числа;
   б) категория рода;
   в) категория одушевленности;
   г) категория падежа.
2. Особенности склонения существительных с основой на **-ā**, **-jā**.
3. Особенности склонения существительных с основой на **-ŏ**, **-jŏ**.
4. Особенности склонения существительных с основой на **-ŭ**.
5. Особенности склонения существительных с основой на **-ĭ**.
6. Особенности склонения существительных с основой на согласный.
7. Распад склонения существительных с основой на согласный. Причина и следствие этого процесса.
8. Система склонения имен существительных в современном русском языке и ее исторические корни.

Упражнения

1. Определить древнерусскую форму основы в именах существительных (*варягъ, моужь, поуть, правьда, конь, вѣче, голоубь, гъртань, владыка, князь, домъ, кръвь, ночь, пьнь, слово, смердъ, огонь, Игорь, соудъ, волъ, мълния, свекръвь, доубъ, человѣкъ, мьсть, олень, юноша, княгыни, вьрхъ, гость*).

2. Просклонять существительные во всех падежах и числах в соответствии с древнерусским склонением (*медвѣдь, жьньць, племя, вьрхъ, берегъ, сноха, пълкъ, воля, вѣкша, полюдие, рѣка, гридь, гвоздь, скоморохъ, чюдо*).

3. Приведенные слова написать по-древнерусски в дательном и местном падежах во всех трех числах; сравнить с соответствующими современными формами (*враг, прах, земля, пустыня, посох, свидетель, песок, конь, Ольга, село*).

4. Существительные поставить в именительном падеже множественного и двойственного числа (*кожоухъ, рогъ, смокъ (змей), послоухъ, вира, вѣно, шьвьць, моркъвь, тѣло, сапогъ, оученикъ, рига, волъ, стадо*).

5. Образовать звательный падеж от существительных (*отьць, варягъ, вълкъ, скоморохъ, старьць, сынъ, земля, сторожь, дѣва, гость, комонь, орьлъ*).

6. Просклонять имена существительные по-русски и по-древнерусски (*гоуся, дѣтя, теля, жеребя, лися, вълча, порося, слово, тѣло, оухо, дрѣво, небо, чюдо, око*).

7. Определить, в каком роде, числе и падеже употреблены выделенные имена существительные. Указать на ошибки писца и объяснить их с точки зрения истории языка:

а) *И исполчишася* ***Русь,*** *и бысть* ***сѣча*** *велика, и одолѣ Святославъ и бѣжаша* ***Грьци*** (Пов. вр. лет);

б) ***Вятичи*** *побѣди Святославъ и* ***дань*** *на нихъ възложи* (там же);

в) ***Деревляне*** *же побѣгоша и затворишася въ* ***градѣхъ*** *своихъ* (там же);

г) *Створивъ же миръ* ***Святославъ*** *съ* ***греки,*** *поиде въ* ***лодьяхъ*** *къ* ***порогомъ*** (там же);

д) ***Попове*** *же стояще* ***молитвы*** *творяху* (там же);

е) *И размѣривъше межи обѣма* ***полкома,*** *поустиша я къ собѣ* (там же);

ж) *И* ***кожоухи*** *начаша мосты мостити по* ***болотомъ*** *и грязивымъ* ***мѣстомъ*** (Слово);

з) *Чрьна земля подъ* ***копыты, костьми*** *была посѣяна, а* ***кровію*** *польяна* (там же);

и) *Тоу ся* ***брата*** *розлучиста на* ***брѣзѣ*** *быстрои Каялы* (там же);

к) *За мѣхъ дъвѣ* ***ногатѣ*** (Пр. Рус.);

л) *Двѣ* ***чары,*** *двѣ* ***чашки;*** *двѣ кроуглы* ***гривенки*** (Дух. Ив. Кал.).

8. В приведенном ниже отрывке из «Слова о полку Игореве» подчеркнуть имена существительные, выписать их отдельно и произвести фонетико-этимологический и морфологический анализ каждого слова.

...А Игорь князь поскачи горностаемь къ тростию и бѣлымь гоголемь на водоу; въврьжеся на бръзъ комонь и скочи съ него сѣрымь влъкомь, и потече къ лугоу Донца, и полетѣ соколомь подъ мъглами, избивая гоуси и лебеди завтрокоу и обѣдоу и оужинѣ... Тогда врани не граахоуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, по лозію ползоша толко; дятлове тектомъ поуть къ рѣцѣ кажоуть, соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдають.

МЕСТОИМЕНИЕ

Местоимение и по своей структуре, и по своему значению во многом отличалось от других частей речи. Главная функция местоимения — выражение отношения предметов или их свойств к говорящему или их отношения к речи.

В древнерусском языке местоимения распадались на две группы: л и ч н ы е и н е л и ч н ы е. Л и ч н ы е были представлены местоимениями первого и второго лица: *азъ (я)* и *ты*. К личным примыкало также возвратное местоимение *себя* [1].

Личные (и возвратное) местоимения имели много общих черт с существительными — три числа (ед., множ., двойственное), шесть падежей (звательного падежа у местоимений не было), синтаксические функции подлежащего и дополнения. В отличие от существительных, они не имели категории рода. Возвратное местоимение употреблялось лишь в форме косвенных падежей единственного числа, именительного падежа не имело, подлежащим быть не могло, в речи функционировало только в роли дополнения.

Н е л и ч н ы е местоимения подразделялись на следующие разряды:

а) указательные: *и, ꙗ, ѥ*; *онъ, óна, óно; тъ, та, то; сь, си, се; óвъ, óва, óво;*

б) притяжательные: *мои, твои, свои; нашь, вашь;*

в) вопросительные: *къто, чьто; кыи, каꙗ, коѥ;*

---

[1] Местоимения 3-го лица *онъ, она, оно* по происхождению — указательные.

г) относительные: *къто, чьто; кыи, каꙗ, коѥ;*

д) определительные: *вьсь, вьсякъ, самъ, многъ;*

е) отрицательные: *никъто, ничьто;*

ж) неопределенные: *нѣкъто, ѥтеръ* (некий), *инъ*.

Для неличных местоимений характерны: шесть падежей, три числа, три рода, главная синтаксическая функция — определение.

Указательные местоимения могли быть также и подлежащим, и дополнением.

§ 40. Склонение личных и возвратного местоимений

Единственное число

И.	*ꙗзъ*	*ты*	
Р.	*мене*	*тебе*	*себе*
Д.	*мънѣ, ми*	*тобѣ, ти*	*собѣ, си*
В.	*мене, мя*	*тебе, тя*	*себе, ся*
Т.	*мъною*	*тобою*	*собою*
М.	*мънѣ*	*тобѣ*	*собѣ*

Множественное число

И.	*мы*	*вы*
Р.	*насъ*	*васъ*
Д.	*намъ, ны*	*вамъ, вы*
В.	*насъ, ны*	*васъ, вы*
Т.	*нами*	*вами*
М.	*насъ*	*васъ*

Двойственное число

И.	*вѣ*	*ва*
В.	*на*	*ва*
Р., М.	*наю*	*ваю*
Д., Т.	*нама*	*вама*

Как мы убедились, при склонении личных местоимений номинативная форма *ꙗзъ* и косвенные падежи *мене — мънѣ* представляют собой разные корни. Такое явление принято называть с у п п л е т и в и з м о м (словосплетением). Ср. в латинском: *ego, mei, mihi, me, me*.

Для некоторых падежных форм личных и возвратного местоимений характерны полные и краткие (энклитические) формы. Различие полных и энклитических форм резко выступало в дательном и винительном падежах единственного и множественного числа (*ми, мя, ти, тя, ны, вы, си, ся*). Энклитики, как правило, не обладали логическим ударением. Иногда имели уничижительное значение. Вспомним боевой клич Святослава: «*Иду на* ***вы***!»

Примеры из памятников.

Рече же имъ Ольга, люба ми есть рѣчь ваша (Лавр. лет.); *оуже мнѣ моужа своего не крьсити* (там же); *но хочю вы почтити* (там же); *азъ оутро послю по вы* (там же); *посла ны дерьвьска*

земля (там же); *но понесѣте ны въ лодье* (там же); *зоветь вы Ольга на честь велику* (там же); *то вы тѣмъ дължны ѥсте молити за ны бога и при животѣ и въ съмьрти* (Гр. Мст.); *присла кнзь Бориса на вѣче: выдаите ми Онанью посадника* (I Новг. лет.); *Даи Володимеръ ...не даси ли, иду на тя* (Гал.-Вол. лет.); *Приникъши Ольга и рече имъ: добра ли вы честь* (Лавр. лет.); *Они же реша: пущи ны Игореви смрти* (там же); *Пославъши Ольга къ деревляномъ, рече имъ: да аще мя просити право, то пришлите мужи нарочиты* (там же); *Кдѣ суть дружина ваша, ихъ же послахомъ по тя* (там же).

Энклитики, несомненно, возникли в результате быстрой речи. Именно такими они выступают в разговорных конструкциях типа русского *Я те дам.*

В западных и южных славянских языках, а также в карпатско-украинских говорах энклитики — обычное явление. Ср. польск. *Ja ci coś powiem (Я тебе что-то скажу).*

Для именительного падежа единственного числа 1-го лица в древнерусском языке было две формы: *ѩзъ, ѩ*. Форма *ѩ,* употребляемая с древнейших времен, постепенно вытесняет форму *ѩзъ*. Иногда они стояли рядом, вместе со старославянской формой *азъ*. Например, в грамоте Мстислава (1130 г.): *Се азъ Мьстиславъ...*; *азъ далъ своею рукою; а се ѩ Вьсеволодъ.*

Формы дательного и местного падежей единственного числа *тобѣ, собѣ* являются исконно русскими; они сохранились до настоящего времени в диалектах. Формы *тебѣ, себѣ,* встречающиеся в некоторых памятниках, являются старославянскими, книжными. Существующие русские формы *тебе, себе* представляют явление более позднее, возникшее в результате дальнейшего развития форм *тобѣ, собѣ*. Ср. закономерное укр. *тобі, собі;* бел. *табе, сабе.*

Современные формы родительного и винительного падежей *тебя, меня* развились из контаминации (объединения) полных и кратких форм в винительном падеже единственного числа:

тебе, *тя* } *тебя* *мене*, *мя* } *меня* *себе*, *ся* } *себя*

Затем эти же формы стали употребляться и в родительном падеже.

§ 41. Склонение неличных местоимений

Это склонение включало два основных типа, различавшихся в зависимости от согласного (твердого или мягкого) в конце основы.

Образец твердого склонения — склонение местоимения *тъ, та, то*.

Образец мягкого склонения — склонение местоимения *сь, си, се*.

Склонение местоимений **тъ, та, то**

Единственное число			Множественное число			Двойственное число	
И. *тъ*	*та*	*то*	*ти*	*ты*	*та*	И., В.	*та* (м. р.)
Р. *того*	*тоѣ*	*того*		*тѣхъ*			*тѣ* (ж. р.)
Д. *томоу*	*тои*	*томоу*		*тѣмъ*			*тѣ* (ср. р.)
В. *тъ*	*тоу*	*то*	*ты*	*ты*	*та*	Р., М.	*тою*
Т. *тѣмь*	*тою*	*тѣмь*	*тѣми,*			Д., Т.	*тѣма*
М. *томь*	*тои*	*томь*		*тѣхъ*			

По образцу указательного местоимения *тъ, та, то* склонялись все неличные местоимения в основе на твердый согласный: *óнъ, óна, óно; самъ, сама, само; которъ, котора, которо; óвъ, óва, óво; вьсıакъ, вьсıака, вьсıако; многъ, многа, много; къто, никъто, нѣкто; ѥтеръ.*

Склонение мягкой разновидности — **сь, си, се**

Единственное число			Множественное число			Двойственное число	
И. *сь*	*си*	*се*	*си*	*сѣ*	*ся*	И., В.	*ся* (м. р.)
Р. *сего*	*сеѣ*	*сего*		*сихъ*			*си* (ж. р.)
Д. *семоу*	*сеи*	*семоу*		*симъ*			*си* (ср. р.)
В. *сь*	*сю*	*се*	*сѣ*	*сѣ*	*ся*	Р., М.	*сею*
Т. *симь*	*сею*	*симь*		*сими*		Д., Т.	*сима*
М. *семь*	*сеи*	*семь*		*сихъ*			

По образцу указательного местоимения *сь, си, се* склонялись неличные местоимения с мягкой основой: *и, ıа, ѥ; мои, моıа, моѥ; твои, твоıа, твоѥ; свои, своıа, своѥ; нашь; вашь; чии; вьсь; чьто.*

Примечания к склонению неличных местоимений

1. Местоимения *къто, чьто* по родам и числам не изменялись. В них склонялась в единственном числе мужского рода лишь первая часть **къ** — **чь**. **То** как агглютинативный аффикс-частица фигурировал лишь в составе формы именительного падежа. В склонении местоимений *къто, чьто* происходит процесс выравнивания основы по аналогии; *къто* — в творительном падеже *цѣмь; чьто* — в творительном падеже *чимь*. Под

влиянием форм косвенных падежей, в которых сохраняется этимологическое **к**, выравнивается форма в творительном падеже — *кѣмь* и сюда же подстраивается от *чьто* — *чемь*. В склонении местоимения *чьто* в родительном падеже было окончание **-со** — *чесо* (*чьсо*). В древнеписьменный период форма *чесо* встречается исключительно в старославянских памятниках (Остромировом, Архангельском евангелиях и др.). В живом древнерусском языке, по-видимому, преобладала форма с **-го** — *чего*. Она закрепилась впоследствии в языке как системе и затем стала достоянием всех восточнославянских языков.

2. В результате удвоения формы **тъ, сь** в русском языке возникли указательные местоимения *тътъ* — *тот, сьсь* — *сесь*. Последняя форма не закрепилась как норматив, вместо нее стала употребляться старославянская форма *сей* (*сия, сие*).

3. В древнерусском языке (как и в старославянском) указательные местоимения представляли собой очень пеструю по значению группу слов. Это были своеобразные «речевые жесты», которые фиксировали как минимум три степени удаления:

а) ближайшая — *сь, ся (си), се;*

б) средняя — *тъ, та, то;*

в) наиболее отдаленная, находящаяся вне видимости — *óнъ, óна, óно.*

Как известно, в современном русском языке указательные местоимения выражают лишь две степени удаления: близкую — *этот, эта, это;* далекую — *тот, та, то*. Местоимение *óнъ, óна, óно* постепенно выходило из употребления и в настоящее время является архаизмом *(во времена óны, в óно время)*.

Именительный падеж указательного местоимения **и** перестает употребляться еще в древнейших памятниках. Вместо него выступает *онъ, онá, онó* — с измененным ударением в женском и среднем роде.

Замена формы именительного падежа единственного числа *и, ꙗ, ѥ* на *óнъ, онá, онó* мотивировалась тем, что первое (лично-указательное местоимение) еще в дописьменный период отличалось значительной омонимией (звуковым совпадением языковых единиц). Так, например, форма **и** могла обозначать: а) именительный и винительный падежи мужского рода единственного числа; б) именительный падеж мужского рода множественного числа; в) союз с сочинительной связью и др. Форма *ꙗ* омонимична личному местоимению первого лица единственного числа. Ср. *ꙗзъ* и *ꙗ* (я).

Таким образом, и здесь мы стоим перед фактом супплетивизма, хотя, разумеется, не столь отдаленного, как это мы констатировали в формах типа *ꙗзъ* — *мене*.

Поскольку местоимение *он — его* постепенно приобретает предметно-личное значение, оно выходит из разряда указательных. Там остаются местоимения, выражающие две степени удаленности *(тъ — сь)*. Вместо *сей* начинает употребляться *этот*. Как результат, в современном русском языке указательные местоимения *тот — этот* выражают только две степени удаленности.

В системе косвенных падежей местоимений **и, ꙗ, ѥ** в сочетании с предлогами еще с древнейшей поры развивается начальное **н** (в грамоте Мстислава 1130 г.— ***оу него*** *то отъимаеть*). Это **н** в эпоху общеславянского единства было конечным звуком предлогов *вън, сън, кън*. В период падения конечных слабых редуцированных **н**, оказавшись в новом закрытом слоге, в отдельных случаях исчезает.

Утрата **н** происходила тогда, когда полнозначное слово, следующее за предлогом, начиналось с согласной: *кън дому* → → *къ дому; вън домъ — въ домъ* и т. д. (ср. в русском языке: **вън** + *утроба* → *внутрь*, отсюда разговорная форма *нутро*, где **н** перешло к корню от предлога).

Если следующее слово начиналось с гласного звука, то **н** переходило к нему, образуя начальный слог (*вън идоу въ Кыевъ — въ нидоу въ Кыевъ — внидоу*).

Таким же образом изменяются предлоги **вън, сън, кън** и в сочетании с местоимениями. В частности, местоимение **и, ꙗ, ѥ** начинается с согласного **j**; **н** в сочетании с **j** смягчается. Поэтому в сочетаниях с местоименными формами **ему, имь** звук **н** не исчезает, а сливается с **j**, образуя начальное **н** (мягкое).

Ср. Д. *кън ѥму* → *къ нему;*
Т. *сън имь* → *съ нимь;*
М. *вън ѥмь* → *въ немь* и т. д.

Местоимения **и, ꙗ, ѥ** в сочетании с частицей **же** с древнейших времен стали употребляться в языке как союзные слова: **иже** (который), **ꙗже** (которая), **ѥже** (которое). Ср. *Человѣкъ ѥдинъ,* ***иже*** *насади виноградъ* (Сав. кн.).

Наравне с формой родительного падежа единственного числа женского рода **ѥѣ** в древнерусских памятниках встречается употребление формы **ея** (под влиянием старославянского языка — **ѥꙗ**). Впоследствии форма **ея** вышла из разговорного употребления, сохранившись как книжная и архаическая.

Древнерусское **ѥѣ** перешло в **ее** *(iejó)* в связи с развитием перехода **е** в **о** под ударением после мягкого согласного (**j**).

Во множественном числе формы винительного падежа мужского рода **ѣ** (**е**) употребляются наряду со старославянской

формой **я** (из **ꙗ**): *и понесоша ꙗ в лодье; и принесоша ꙗ на дворъ...; вринуша є въ яму* (Лавр. лет.).

4. В древнерусском языке наряду с вопросительно-относительным местоимением *къто* регистрировалось слово *кыи, каꙗ, коѥ*. Склонялось оно по типу местоимений с мягкой основой *(и, ꙗ, ѥ)*. Ср. в единственном числе:

И.	*кыи*	*каꙗ*	*коѥ*
Р.	*коѥго*	*коѥѣ*	*коѥго*
Д.	*коѥмоу*	*коѥи*	*коѥмоу*
В.	*кыи*	*коую*	*коѥ*
Т.	*коимь*	*коѥю*	*коимь*
М.	*коѥмь*	*коѥи*	*коѥмь*

В процессе развития языка формы косвенных падежей этого местоимения сближаются с формами косвенных падежей местоимения **къто** (так как эти местоимения близки по своим значениям). В настоящее время слово **кое** сохранилось в виде частицы, придающей значение неопределенности местоимениям *(кое-кто, кое-какой)* или наречиям *(кое-где, кое-куда)* [1].

5. Неличные местоимения, имевшие в древнерусском языке во множественном числе разные формы для всех трех родов (именительный падеж), в процессе развития языка теряют эту родовую дифференциацию и приобретают одну общую форму.

Ср. множественное число:

И. *ти, ты, та* → *тѣ;*
И. *они, оны, она* → *они.*

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 42. Особенности кратких прилагательных

В письменный период истории русского языка имена прилагательные с точки зрения семантики и структуры подразделяются на *краткие* и *полные*. Первые в некоторых грамматиках называются именными, или нечленными, вторые — местоименными, или членными.

Краткие прилагательные склонялись по типу имен существительных (мужской и средний род как основа на **-ŏ**, **-jŏ**; жен-

[1] В некоторых современных школьных грамматиках появилась тенденция классифицировать *кое* в подобных случаях как префикс. С этим едва ли можно согласиться, так как *кое* в указанных конструкциях продолжает сохранять свое оттеночное (партикулярное) значение и не обладает грамматическим.

ский род как основа на -ā, -jā). Полные прилагательные имели местоименную парадигму. Твердая разновидность принимала за образец склонение *тъ, та, то*, мягкая — *и, ꙗ, ѥ*.

Краткие прилагательные могли быть в древнерусском языке определением или сказуемым; полные прилагательные чаще всего выступали в функции определения. Ср.: *се князя оубихомъ* ***роусьскаго*** — определение (Лавр. лет.); *бѣ бо тоу теремъ* ***каменъ*** — определение (там же); *а наши князи* ***добри*** *соуть* — сказуемое (там же).

Склонение кратких прилагательных с твердой основой

	Единственное число			Множественное число		
И.	*малъ*	*мала*	*мало*	*мали*	*малы*	*мала*
Р.	*мала*	*малы*	*мала*	*малъ*	*малъ*	*малъ*
Д.	*малоу*	*малѣ*	*малоу*	*маломъ*	*маламъ*	*маломъ*
В.	*малъ*	*малоу*	*мало*	*малы*	*малы*	*мала*
Т.	*малъмь*	*малою*	*малъмь*	*малы*	*малами*	*малы*
М.	*малѣ*	*малѣ*	*малѣ*	*малѣхъ*	*малахъ*	*малѣхъ*

Двойственное число

И.-В.	*мала*	*малѣ*	*малѣ*
Р.-М.	*малоу*	*малоу*	*малоу*
Д.-Т.	*малома*	*малама*	*малома*

Склонение кратких прилагательных с мягкой основой

	Единственное число			Множественное число		
И.	*синь*	*синя*	*синє*	*сини*	*синѣ*	*синя*
Р.	*синя*	*синѣ*	*синя*	*синь*	*синь*	*синь*
Д.	*синю*	*сини*	*синю*	*синемъ*	*синямъ*	*синемъ*
В.	*синь*	*синю*	*синє*	*синѣ*	*синѣ*	*синя*
Т.	*синьмь(-ѥмь)*	*синею*	*синьмь*	*сини*	*синями*	*сини*
М.	*сини*	*сини*	*сини*	*синихъ*	*синяхъ*	*синихъ*

Двойственное число

И.-В.	*синя*	*сини*	*сини*
Р.-М.	*синю*	*синю*	*синю*
Д.-Т.	*синема*	*синяма*	*синема*

В атрибутивном сочетании с существительными краткие прилагательные (качественные, относительные и притяжательные) могли находиться перед именем или после него. Ср.: ***добра*** *честь,* ***тяжька*** *дань* — качественные прилагательные;

теремъ ***каменъ,*** *земля* ***деревьска*** — относительные прилагательные; ***Игорева*** *смерть,* ***Гордятинъ*** *дворъ* — притяжательные прилагательные.

§ 43. Образование и склонение полных прилагательных

В памятниках древнерусской письменности начиная с XIV в. наблюдается тенденция к постепенной замене атрибутивных кратких форм прилагательных полными (местоименными). В современном русском языке краткие прилагательные, как известно, могут употребляться только в роли именной части составного сказуемого. Пережиточные формы кратких прилагательных с определительной функцией сохранились в русском языке лишь в отдельных устойчивых словосочетаниях (*сыр-бор, на босу ногу, красна девица, средь бела дня*). Сокращение синтаксических функций кратких прилагательных привело к полной утрате ими именного склонения. Во множественном числе краткие прилагательные всецело заменяются полными, а из форм единственного числа сохранились только родительный и дательный падежи мужского и винительный падеж женского рода (при этом только притяжательных прилагательных — *отцова, отцову*).

В русском языке преобладающей и основной стала полная форма прилагательного. В украинском языке, напротив, наиболее ходкой является так называемая у с е ч е н н а я ф о р м а, развившаяся из древнерусской полной формы в результате стяжения окончания. Усеченная форма прилагательного в украинском языке равнозначна полной форме прилагательного в русском. Ср.: русск. ***холодная*** *зима,* ***жаркое*** *лето;* укр. ***холодна*** *зима,* ***гаряче*** *літо*[1]. И все же в украинском языке в качестве предиката могут употребляться и некоторые краткие прилагательные: *варт, винен, повен, ладен, годен, готов*. Ср.: *Пливе човен, води* ***повен***... (Укр. нар. песня). Как возникли полные прилагательные? Местоименные или полные прилагательные образовались от кратких прилагательных путем присоединения к ним форм лично-указательного местоимения *и, ꙗ, ѥ*. Образование полных, или членных, прилагательных относится к праславянской эпохе, а может, к еще более ранней, так как этот процесс в свое время был характерен и для балтийских языков. Возникновение местоименных

---

[1] С подобным явлением мы встречаемся в польском и белорусском языках. Ср. польск. ***ładna*** *kobieta,* ***miłe*** *dziecko;* бел. ***прыгожа*** *жонка,* ***добрэ*** *дзіця.*

прилагательных было вызвано необходимостью отличить предмет уже известный от предмета, называемого впервые [1]. Заметим также, что именные (краткие) прилагательные были тесно связаны с временными отношениями признака. Полные, как правило, указывали на постоянный (вневременной) признак. Ср. ***Больнъ*** *отьць* (признак, присущий настоящему состоянию лица); ***Больныи*** *отьць* (вневременной, постоянный признак).

Разумеется, нам трудно установить отдельные этапы эволюции полных прилагательных, так как явление это — очень древнее. Но исходя из общих закономерностей его протекания в славянских языках, пожалуй, можно представить его схематически в таком виде:

Ср.: мужской род — *добръ* + *и* = *добры* (полная, усеченная) + **и** = *добрый* (полная);
женский род — *добра* + *ıa* = *добрая* (полная форма);
средний род — добро + *ıє* = *доброıє* (полная форма) [2].

А вот система косвенных падежей:

Р. *добра* + *ıєго* → *добраıєго* → *добрааго*: *добраго* — *доброго*
Д. *доброу* + *ıємоу* → *доброуıємоу* → *доброуоумоу*: *доброумоу* — *доброму*
Т. *добромь* + *имь* → *добромьимь* → *добрыимь*: *добрымь* — *добрым*
М. *добрѣ* + *ıємь* → *добрѣıємь* → *добрѣмь*: *добромь* — *добром*.

Как видим, на стыке окончания именного прилагательного и соответствующей местоименной формы происходили значительные фонетические изменения. Отметим главные этапы этих преобразований: а) слияние именного прилагательного и местоименной формы; б) ассимиляция звуков именного окончания и местоименного начала; в) стяжение звуков; г) окончательное изменение флексии под воздействием падежных окончаний местоимения *тъ, та, то*. Ср.: *добраго* (*того*) — *доброго*; *доброумоу* (*томоу*) — *добромоу*; *добрѣмь* (*томь*) — *добромь* и т. д.

Аналогичного характера изменения происходили в полных формах женского и среднего рода. В результате склонение полных прилагательных приобрело следующий вид.

---

[1] В индоевропейских языках, в том числе немецком, английском и французском, это явление находит свою параллель в развитии системы определенных и неопределенных артиклей.

[2] Лично-указательные местоимения *и, ıa, ıє*, вне всякого сомнения, вначале относились к именной форме (существительному), определяя его с точки зрения «достоверности» сообщаемого факта. Словосочетание типа *добраıa жена* обозначало «добрá вот эта женщина». Впоследствии прономинальное слово *ıa* примкнуло к краткой форме прилагательного и слилось с ней.

Твердая разновидность

Единственное число

	Мужской род	Женский род
И.	*великыи пиръ*	*великая смоута*
Р.	*великого пира*	*великоѣ смоуты*
Д.	*великомоу пироу*	*великои смоутѣ*
В.	*великыи пиръ*	*великоую смоутоу*
Т.	*великымь пиръмь (великыимь)*	*великою смоутою*
М.	*велицѣмь пирѣ (великомь)*	*велицѣи смоутѣ (великои)*

Средний род

И.	*великоѥ село*
Р.	*великого села*
Д.	*великомоу селоу*
В.	*великоѥ село*
Т.	*великымь селъмь (великыимь)*
М.	*велицѣмь селѣ (великомь)*

Множественное число

И.	*велиции пири*	*великыѣ смоуты*
Р.	*великыхъ пиръ (великыихъ)*	*великыхъ смоутъ (великыихъ)*
Д.	*великымъ пиромъ (великыимъ)*	*великымъ смоутамъ (великыимъ)*
В.	*великыѣ пиры*	*великыѣ смоуты*
Т.	*великыми пиры (великыими)*	*великыми смоутами (великыими)*
М.	*великыхъ пирѣхъ (великыихъ)*	*великыхъ смоутахъ (великыихъ)*

И.	*великая села*
Р.	*великыхъ селъ (великыихъ)*
Д.	*великымъ селомъ (великыимъ)*
В.	*великая села*
Т.	*великыми селы (великыими)*
М.	*великыхъ селѣхъ (великыихъ)*

Двойственное число

И.-В.	*великая пира*	*велицѣи смоутѣ*
Р.-М.	*великоую пироу*	*великоую смоутоу*
Д.-Т.	*великыми пирома*	*великыма смоутама*

И.-В.	*велицѣи селѣ*
Р.-М.	*великоую селоу*
Д.-Т.	*великыма селома*

Мягкая разновидность

Единственное число

	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	*синии*	*синяя*	*синее*
Р.	*синего*	*синѣѣ* (-еѣ)	*синего*
Д.	*синемоу*	*синеи*	*синемоу*
В.	*синии*	*синюю*	*синее*
Т.	*синимь*	*синею*	*синимь*
М.	*синемь*	*синеи*	*синемь*

Множественное число

И.	*синии*	*синѣѣ*	*синяя*
Р.	*синихъ*	*синихъ*	*синихъ*
Д.	*синимъ*	*синимъ*	*синимъ*
В.	*синѣѣ*	*синѣѣ*	*синяя*
Т.	*синими*	*синими*	*синими*
М.	*синихъ*	*синихъ*	*синихъ*

Двойственное число

И.-В.	*синяя*	*синии*	*синии*
Р.-М.	*синюю*	*синюю*	*синюю*
Д.-Т.	*синима*	*синима*	*синима*

Как мы в этом могли убедиться, параллельно со стянутыми (стяженными) формами в древнерусском языке могли употребляться и формы типа *великыимь, великыихъ, великыимъ, великыими, великыихъ; синиимь, синиихъ, синиимъ, синиими, синиихъ* и т. п.

Нестянутые формы прилагательных довольно часто встречаются в русском былинном эпосе, где их роль теснейшим образом связана с ритмомелодикой стиха. Ср.: *У ласкова князя у Владимира было пированьице — почестен пир на многих князей, на бояр, на русских —* ***могучиих*** *богатырей.* Сюда следует отнести и примеры из лермонтовской «Песни про купца Калашникова». Ср.: *У ворот стоят у* ***тесовыих;*** *С большим топором* ***навостренныим.*** Народно-поэтический колорит сохраняют нестяженные формы прилагательных и в украинском языке. Ср.: ***Столітнії*** *очі, як злото, сіяли* (Т. Г. Шевченко).

Притяжательные прилагательные

Как уже говорилось, с точки зрения семантики и речевых функций в процессе общения древнерусские прилагательные подразделялись на качественные, относительные и притяжательные. В древности последние были более продуктивной

группой, чем в настоящее время. Образовались притяжательные прилагательные от существительных с помощью суффиксов **-инъ**, **-овъ** (**-евъ**), **-јь**. Ср.: **-инъ** — *дворъ* ***гордятинъ***, *градъ* ***вользинъ***, *оць* ***мистишинъ***; **-овъ** (**-евъ**) — *дворъ* ***Никифоровъ***, *дворъ* ***Демстиковъ*** [1].

При образовании притяжательных прилагательных с помощью суффикса **-јь-** в отдельных формах слов происходили значительные фонетические сдвиги. Отметим их в таком порядке:

1. Губные согласные **б**, **п**, **м**, **в** в сочетании с **јь** приобретали наращение **ль** (**l** — эпентетикум). Ср.:
Ярославъ + **јь** → *Ярославль*; *Мирославъ* + **јь** → *Мирославль*; *епископъ* + **јь** → *епископль*; *приставъ* + **јь** → *приставль*; *Всеславъ* + **јь** → *Всеславль* и др.

А вот несколько примеров из Новгородской летописи:

Митрофана въведоша въ ***архиепископлии*** *дворъ; на* ***Ярославли*** *дворѣ; ...внуки* ***Ростиславлѣ*** *изъ Руси; Выведе дщерь* ***Мстиславлю;*** *И съступися полкъ Новгородчкыи съ* ***Ярославлимь*** *полкомь.*

2. Заднеязычные **г**, **к**, **х** в сочетании с **јь** переходили в шипящие **ж**, **ч**, **ш** (первое смягчение). *Стрибогъ* + **јь** → → *Стрибожь*; *патриархъ* + **јь** → *патриаршь*; *наместникъ* + + **јь** → *наместничь*; *Ярополкъ* + **јь** → *Ярополчь*; *Олегъ* + + **јь** → *Олежь* и т. д. Ср.: *вѣтри* ***Стрибожи*** *внуци* (Слово); *на* ***патриарше*** *дворѣ* (Ярослав. гр.); ***наместничь*** *судъ* (там же).

3. Переднеязычные согласные **д**, **т**, **з**, **с** в сочетании с **јь** переходили в шипящие: **д** — **ж**, **з** — **ж**, **т** — **ч**, **с** — **ш**. *Князь* + + **јь** — → *княжь*; *Перемыслъ* + **јь** → *Перемышль*; *Свѣньльдъ* + + **јь** — → *Свѣньльжь*; *медвѣдь* + **јь** → *медвѣжь* и др. Ср.: *И поидоша къ* ***Медвѣжи*** *головѣ* (I Новг. лет.); *Приде князь Михаилъ въ Новъгородъ; а за нимъ сынъ* ***Всеволожь,*** *внукъ Ольговъ* (там же); *Отроци* ***свѣньльжи*** *изоделися соуть ороужьемь и порты* (Лавр. лет.).

4. Остальные согласные в сочетании с **јь** смягчались: *Володимиръ* + **јь** → *Володимирь*; *Боянъ* + **јь** → *Боянь* и др. Ср.: *по замышлению* ***Бояню*** (Слово); *Се азъ Мьстиславъ* ***Володимирь*** *сынъ* (Гр. Мст.)

Древними реликтами притяжательных прилагательных, таким образом, являются не только фамилии типа *Иванов*, *Игорев*, *Савельев* и т. п., но и названия отдельных городов — *Ярославль*, *Перемышль*, *Переяславль* и др.

---

[1] Заметим, что современные восточнославянские фамилии типа *Иванов, Иволгин, Сысоев* по происхождению — притяжательные прилагательные. Ср.: *Петръ Алексѣевъ сынъ — Петръ Алексѣевъ*.

§ 44. Степени сравнения прилагательных

Качественные прилагательные в древнерусском языке могли проявлять свой признак в большей или меньшей мере. Отсюда и степени сравнения — сравнительная и превосходная. И первая и вторая изменялись по родам, числам и падежам, могли быть краткими и полными.

Образование сравнительной степени происходило путем прибавления к основе прилагательного в положительной степени (нейтральной) суффиксов **-ѣиш-** (после шипящих — **-аиш-**) и **-jьш-**. Первый суффикс по происхождению является составным: **ѣ** + **jь** (общеславянское **jь** дает в восточнославянских языках **и**; в итоге имеем на восточнославянской основе **ѣиш**). В формах именительного падежа единственного числа мужского и среднего рода звук **ш** отсутствовал.

М у ж с к о й р о д

хоуд(ъ) + **jь(ш)** → *хоужии; добр(ъ)* + **ѣи(ш)** → *добрѣи;*
нов(ъ) + **ѣи(ш)** → *новѣи; крѣпък(ъ)* + **ѣи(ш)** → *крѣпъчаи.*

Ж е н с к и й р о д

хоуд(а) + **jьш** → *хоужьши* (**и** — окончание формы женского рода);
добр(а) + **ѣиш** → *добрѣиши; нов(а)* + **ѣиш** → *новѣиши*; *крѣпък(а)* + **ѣиш** → *крѣпъчаиши.*

С р е д н и й р о д

хоуд(о) + **jь(ш)** → хоуже (**е** — окончание формы среднего рода);
добр(о) + **ѣи(ш)** → *добрѣе*; *нов(о)* + **ѣи(ш)** → *новѣе; крѣпък(о)* + + **ѣи(ш)** → *крѣпъчае.*

Формы сравнительной степени с **-ѣиш-** (**-аиш-**) употреблялись чаще форм с **-ьш-**.

С суффиксом **-jьш-** сравнительная степень образовывалась: а) от бессуффиксных прилагательных *(худъ)*; б) от бессуффиксных прилагательных, образующих сравнительную степень от другой основы (*великъ, -а, -о — болии, больши, боле; малъ, -а, -о — мьнии, мьньши, мьне; добръ, -а, -о — лучии, лучьши, луче);* в) от некоторых прилагательных с суффиксами **-ок, -ък** *(низъкъ, -а, -о; высокъ, -а, -о; глубокъ, -а, -о — нижии, нижьши, ниже; вышии, вышьши, выше; глублии, глубльши, глубле).*

Краткие формы сравнительной степени склонялись по именному типу мягкой разновидности (мужской и средний род — как существительные с основой на **-jŏ**; женский род — как основа на **-jā**). В частности: *добрѣи, болии* склонялись как

край, конь; добрѣиши, больши — как *рабыни, земля; добрѣе, боле* — как *поле, море.*

Единственное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
И.	*новѣи*	*новѣе*	*новѣиши*
Р.	*новѣиша*		*новѣишѣ*
Д.	*новѣишю (оу)*		*новѣиши*
В.	*новѣи*	*новѣе*	*новѣишю(оу)*
Т.	*новѣишемь*		*новѣишею*
М.	*новѣиши*		*новѣиши*

Множественное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
И.	*новѣише*	*новѣиша*	*новѣишѣ*
Р.		*новѣишь*	
Д.	*новѣишемъ*	*новѣишемъ*	*новѣишамъ*
В.	*новѣишѣ*	*новѣиша*	*новѣишѣ*
Т.	*новѣиши*		*новѣишами*
М.	*новѣишихъ*		*новѣишахъ*

Двойственное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
И.-В.	*новѣиша*	*новѣиши*	*новѣиши*
Р.-М.		*новѣишю (оу)*	
Д.-Т.	*новѣишема*	*новѣишема*	*новѣишама*

Полные формы прилагательных сравнительной степени образовывались путем присоединения к кратким формам сравнительной степени упомянутых выше лично-указательных местоимений **и, ю, ѥ**. Местоименные формы такого типа склонялись подобно полным прилагательным положительной степени.

Единственное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
И.	*новѣи*	*новѣе*	*новѣишия*
Р.	*новѣишего*	*новѣишего*	*новѣишѣѣ*
Д.	*новѣишемоу*	*новѣишемоу*	*новѣишии*
В.	*новѣи*	*новѣе*	*новѣишюю*
Т.	*новѣишимь*	*новѣишимь*	*новѣишею*
М.	*новѣишемь*	*новѣишемь*	*новѣишии*

Множественное число

И.	*новѣишии*	*новѣишяя*	*новѣишѣѣ*
Р.	*новѣишихъ*	*новѣишихъ*	*новѣишихъ*
Д.	*новѣишимъ*	*новѣишимъ*	*новѣишимъ*

Множественное число

В.	*новѣишии*	*новѣишяя*	*новѣишѣѣ*
Т.	*новѣишими*	*новѣишими*	*новѣишими*
М.	*новѣиших*ъ	*новѣиших*ъ	*новѣиших*ъ

Двойственное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
И.-В.	*новѣишяя*	*новѣишии*	*новѣишии*
Р.-М.	*новѣишюю*	*новѣишюю*	*новѣишюю*
Д.-Т.	*новѣишима*	*новѣишима*	*новѣишима*

Превосходная степень прилагательного в древнерусском языке выражалась при помощи приставок **пре-** (**прѣ-**), **наи-**, присоединяемых к соответствующим формам сравнительной степени (*прѣдобрѣи, наиновѣи*) или при помощи усилительных слов (*вельми, зѣло* — ***вельми** добръ, **вельми** храбръ, **зѣло** молодъ*).

Образования первого типа следует называть синтетическими (простыми), второго — аналитическими (сложными).

В истории русского языка краткие формы сравнительной степени постепенно теряли склонение, формы же мужского и среднего рода стали выступать в общем компаративном значении без разграничения рода и числа (*добрее, добрей*). Полная форма сравнительной степени в отдельных случаях стала употребляться в значении превосходной (ср.: *величайший, строжайший, новейший, старейший*) [1].

Легко заметить, что такие формы, сохраняя высокую степень качества, не выражают сравнения как такового. В системе языка такие прилагательные называются элативными.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

§ 45. Образование и склонение имен числительных

Все языки мира имеют в своем составе слова — названия определенных чисел, но не все имеют в своем грамматическом строе числительное как особую часть речи. Наиболее ранние памятники старославянского и древнерусского языков свиде-

---

[1] В канун национального периода в памятниках письменности сравнительная степень уже имеет современный вид. Адвербиализуясь (онаречиваясь), она сохраняет сильное управление. Ср. современные русские формы: ***отец старше матери; брат моложе сестры.*** В украинском и белорусском языках сравнительная степень сохраняет согласование и образует особую предложно-падежную конструкцию. Ср. в укр. языке: ***Батько старший від матері; сестра молодша від брата.***

тельствуют о том, что в общеславянском праязыке уже существовали названия определенных чисел, но числительных как самостоятельной грамматической категории еще не было.

Данные письменности позволяют различать среди слов с «числительным значением» следующие лексемы: *одинъ, дъва, трию, четыре, пять, шесть, семь, восьмь, девять, десять, съто, тысяча, тьма* (10 000), *легионъ* (100 000), *леодръ* (1 000 000), *воронъ* (10 000 000), наконец, *колода* (неопределенное множество). Ср.:*сю колода, сего числа нѣсть больши* (Прост. Евд.).

Существовало 17 названий чисел, из них активно использовались в языке первые 13 слов. Путем различных комбинаций при помощи этих названий выражались различные числовые комплексы. Из 17 названий чисел в древнерусском языке *один* имело местоименную парадигму, остальные — именную.

Одинъ имело формы рода *(одьна, одьно)*, изменялось в единственном числе по типу неличных местоимений с твердой основой (как *тъ*, *та*, *то*). Склонение во множественном числе возникло значительно позже.

	Единственное число			Множественное число		
И.	*одинъ*	*одьна*	*одьно*	*одьни*	*одьны*	*одьна*
Р.	*одьного*	*одьноѣ*	*одьного*		*одьнѣхъ*	
Д.	*одьномоу*	*одьнои*	*одьномоу*		*одьнѣмъ*	
В.	*одинъ*	*одьноу*	*одьно*	*одьны*	*одьны*	*одьна*
Т.	*одьнѣмь*	*одьною*	*одьнѣмь*		*одьнѣми*	
М.	*одьномь*	*одьнои*	*одьномь*		*одьнѣхъ*	

В речевой практике параллельно с формами основы **одьн** употреблялись формы всех падежей с основой **один** (Р. — *одиного, одиноѣ;* Д. — *одиномоу, одинои* и т. д.).

Дъва изменялось по родам, склонялось по тому же местоименному типу, что и *одинъ (тъ, та, то)*, но только в двойственном числе. Аналогично склонялись и слова *оба, обѣ*.

Двойственное число

	Мужской род	Женский род		Средний род
И.-В.	*дъва оба*	*дъвѣ,*	*обѣ*	*дъвѣ обѣ*
Р.-М.		*дъвою*	*обою*	
Д.-Т.		*дъвѣма*	*обѣма*	

Числительные *трию* (для мужского рода) и *три* (для женского и среднего рода) склонялись по типу IV склонения существительных ĭ-основы, разумеется, лишь во множественном числе. *Четыре (четыри)* склонялось по типу существительных

с основой на согласный (V склонение), как слово *мати*. Приведем пример «сводной» парадигмы:

Множественное число

Мужской род	Средний род		Женский род
И. *триѥ четыре*	*три*	*четыри*	*три четыри*
Р.	*трии*	*четыръ*	
Д.	*трьмъ*	*четырьмъ*	
В.	*три*	*четыри*	
Т.	*трьми*	*четырьми*	
М.	*трьхъ*	*четырьхъ*	

Названия первых четырех чисел в древнерусском языке были близки по своим грамматическим свойствам к прилагательным (изменялись по родам, согласовывались с существительными в падеже). Единственное их отличие от обычных прилагательных заключалось в том, что эти слова не изменялись по числам. Понятие числа, по существу, было их лексическим значением.

Слова *пять, шесть, семь, осьмь (восьмь), девять, десять* были в древнерусском языке существительными женского рода. Как таковые они подчинялись парадигме IV типа склонения (основа на -ĭ краткое), но только в единственном числе, исключая *десять,* которое имело три числа (единственное, множественное и двойственное). Во множественном и двойственном числах оно склонялось по типу существительных с основой на согласный, как слово *дѣтя.*

Единственное число (основа на -ĭ)			Множественное число (основа на согласный -т)
И. *пять*	*шесть*	*десять*	*десяте*
Р. *пяти*	*шести*	*десяти*	*десятъ*
Д. *пяти*	*шести*	*десяти*	*десятьмъ*
В. *пять*	*шесть*	*десять*	*десяти(е)*
Т. *пятью*	*шестью*	*десятью*	*десятьми*
М. *пяти*	*шести*	*десяти(е)*	*десятьхъ*

Двойственное число

И.-В. *десяти*
Р.-М. *десятоу (десятию)*
Д.-Т. *десятьма*

Перед словами *пять, шесть ... десять* определение, как правило, ставилось в единственном числе женского рода. Ср.: *ту пять, другоую пять талантъ* (Остр. ев.); *и изоиде та пять лѣтъ, ино дати Уласью 10 рублевъ* (Гр. Новг.). Назва-

ния чисел от 5 до 10 в древнерусском языке были счетными существительными (типа современных русских *двойка, тройка*, украинских *двiйка, трiйка)*.

Слово *сорокъ* было существительным мужского рода, которое склонялось по твердой разновидности основ на **-ŏ**.

	Единственное число	Множественное число
И.	*сорокъ*	*сороци*
Р.	*сорока*	*сорокъ*
Д.	*сорокоу*	*сорокомъ*
В.	*сорокъ*	*сорокы*
Т.	*сорокъмь*	*сорокы*
М.	*сороцѣ*	*сороцѣхъ*

Двойственное число

И.-В.	*сорока*
Р.-М.	*сорокоу*
Д.-Т.	*сорокома*

Название числа *съто* изменялось по типу существительных среднего рода с основой на **-ŏ** *(село, мѣсто, окно)*.

	Единственное число	Множественное число
И.	*съто (село)*	*съта (села)*
Р.	*съта (села)*	*сътъ (селъ)*
Д.	*сътоу (селоу)*	*сътомъ (селомъ)*
В.	*съто (село)*	*съта (села)*
Т.	*сътъмь (селъмь)*	*съты (селы)*
М.	*стѣ (селѣ)*	*сътѣхъ (селѣхъ)*

Двойственное число

И.-В.	*сътѣ (селѣ)*
Р.-М.	*сътоу (селоу)*
Д.-Т.	*сътома (селома)*

Числительное *тысяча* принадлежало к склонению существительных с основой на **-jā**. Как нумеративное имя, оно обладало морфологическими признаками женского рода, о чем свидетельствуют примеры из московских грамот. Ср.: *Подъ закладомь* ***тысячи*** *копъ* — родительный падеж единственного числа; *въ тои* ***тысячи*** *копахъ грошеи* — местный падеж единственного числа; *подъ* ***тысячью*** *копами грошеи, з тринадцетью* ***тысячею*** — творительный падеж единственного числа. Названия остальных чисел по общеславянской традиции образовывались путем сложения слов, выражающих названия составных элементов нумерала. Так, например, числа от 11 до 19 составля-

лись из названий чисел от 1 до 9 и слова *десять* в форме местного падежа единственного числа с предлогом *на*: *одинъ на десяте* (11), *дъва на десяте* (12) и т. д. Это сочетание обозначало: «*один сверх десяти*», «*два сверх десяти*» и т. д. При склонении составных чисел изменялось только первое слово: И. *одинъ на десяте;* Р. *одьного на десяте* и т. д.

Названия десятков от 20 до 90 также составлялись из названий единиц (2—9) и слова *десять* в форме, соответствующей типу синтаксического сочетания с данным числом — единицей. *Дъва* сочеталось со словом *десять* в форме двойственного числа, *триѥ, четыре* — в форме множественного числа. В качестве иллюстраций приведем сочетания, в которых числительные представлены мужским родом.

Множественное число

И.	*триѥ десяте*	*четыре десяте*
Р.	*трии десятъ*	*четыръ десятъ*
Д.	*трьмъ десятьмъ*	*четырьмъ десятьмъ*
В.	*три десяти*	*четыре десяти*
Т.	*трьми десятьми*	*четырьми десятьми*
М.	*трьхъ десятьхъ*	*четырьхъ десятьхъ*

Двойственное число

И.-В.	*дъва десяти*
Р.-М.	*дъвоу десятоу*
Д.-Т.	*дъвѣма десятьма*

В названиях десятков от 50 до 80 слово *десять* находилось всегда в форме родительного падежа множественного числа — *десятъ*. В такого рода сочетаниях склонялось только название единиц: И. *пять десятъ*, Р. *пяти десятъ*, Д. *пяти десятъ,* Т. *пятью десятъ* и т. д.: *по шести десятъ колодъ* (грамота 1386 г.); *по семи десятъ женъ* (Ипат. лет.) — дательный падеж; *Съ семью десятъ старьцъ* (Григ. Бог.) — творительный падеж; *въ пяти десятъ копахъ грошеи* (грамота 1472 г.) — местный падеж.

Числительное 90, по-видимому, складывалось из сочетания *девять до съта*. Параллельно с ним употреблялось и название, составленное по общепринятому образцу — *девять десятъ,* сохранившееся до сих пор в украинско-карпатских говорах, в польском и чешском языках.

Названия сотен от 200 до 900 образовывались подобно названиям десятков от 20 до 90. С названием единиц соответственно сочеталось слово *съто* по типу традиционной синтаксической связи, а именно: 200 — *дъва* и *съто* в форме двойственного числа *(сътѣ)*, 300 — *триѥ* и *съто* в форме множественного

числа (*съта*) и т. д. От 500 до 900: *пять, шесть* и т. д. и *съто* в форме родительного падежа множественного числа (*сътъ*).

Склонение числительных 200, 300, 400

Двойственное число			Множественное число				
И.-В.	*дъвѣ*	*сътѣ*	И.	*трие*	*съта*	*четыре*	*съта*
Р.-М.	*дъвоу*	*сътоу*	Р.	*трии*	*сътъ*	*четыръ*	*сътъ*
Д.-Т.	*дъвѣма*	*сътома*	Д.	*трьмъ*	*сътомъ*	*четырьмъ*	*сътомъ*
			В.	*три*	*съта*	*четыри*	*съта*
			Т.	*трьми*	*съты*	*четырьми*	*съты*
			М.	*трьхъ*	*сътѣхъ*	*четырьхъ*	*сътѣхъ*

При склонении числительных от 500 до 900 изменялось только первое слово: И. *пять сътъ*, Р. *пяти сътъ*, Д. *пяти сътъ*, Т. *пятью сътъ* и т. д. Об этом свидетельствуют данные памятников: *другихъ пришлыхъ шести сотъ* (грамота 1421 г.) — родительный падеж; *съ тыхъ семи сотъ золотыхъ* (грамота 1529 г.) — родительный падеж; *за шесть сотъ копъ* (грамота 1507 г.) — винительный падеж; *пятью сотъ динаръ* (Типогр. ев.) — творительный падеж.

Двузначные и трехзначные числа (названия сочетаний десятков с единицами, сотен с десятками и единицами) выражались простой последовательностью названий; порядок их составления таков: сначала названия единиц высшего разряда, затем названия единиц низшего разряда: 25 — *дъва десяти пять;* 138 — *сто трие десяте восьмь* и т. д.

Названия дробных чисел в древнерусском языке были также существительными: $^1/_2$ — *полъ* (обозначало «край», «берег», как именная форма относилось к основам на -ŭ; $^1/_3$ — *треть*, $^1/_4$ — *четвьрть* или *четь* (относились к основам на -ĭ). В дальнейшем дроби обозначались существительными с суффиксом **-ин-а**: $^1/_5$ — *пятина*, $^1/_8$ — *осьмина*, $^1/_{10}$ — *десятина* (а также *третина, четвертина*) и др. Дроби могли обозначаться и так: $^1/_8$ — *полъ четвьрти*, $^1/_6$ — *полъ трети*, $^1/_{12}$ — *полъ полътрети*.

Счет половинами (с употреблением слова *полъ*) был широко распространен в древнерусском языке. Ср.: *А былъ во Псковѣ* ***полътретья*** *дни* (т. е. 2,5 дня). Существовал также принцип обозначения чисел путем вычисления из последующего знака: 250 — *полъ третья съта*, 150 — *полъ въторa съта* и т. д. Заметим, что такое обозначение чисел встречается и в других индоевропейских языках, например в германских и балтийских.

Для обозначения 10 000 в древнерусском языке употреблялось слово *тьма*. Ср.: *долъжьникъ единъ долженъ* ***тьмою*** *та-*

лантъ (Типогр. ев.). Существует мнение, что слово *тьма* татаро-монгольского происхождения (ср.: *тёмник* — территориально-административная единица); форму *тьма* возводят также к тюркскому *туман,* которое имело несколько значений и среди них число *10 000.* Заметим, однако, что слово *тьма* встречается и в более ранних славянских памятниках, по времени написания предшествующих татаро-монгольскому нашествию. Ср.: *поими тысяща а не тьмы* (Григ. Бог.). Параллельно со словом *тьма* в деловых документах употребляется *десять тысячь.* Слова, обозначающие числа более 10 000 *(легионъ, леодръ, воронъ, колода),* имели узкую сферу употребления, так как на практике счет такими величинами вели очень редко. Эти названия встречаются преимущественно у старых книжников.

Несколько замечаний о порядковых числительных.

Порядковые числительные в структурно-семантическом плане в древнерусском языке, по существу, были счетными прилагательными. Подобно прилагательным, они изменялись по родам, числам и падежам. Порядковые числительные, кроме слов *пьрвъ, въторъ*, этимологически связаны с количественными числительными и образуются от них или от слов того же корня: *треть — третии, четвьрть — четвьртыи, пять — пятыи* и т. д.

Подобно прилагательным, порядковые числительные имели краткую и полную формы: Ср.: краткие формы — *пьрвъ, -а, -о; въторъ, -а, -о; треть, -я, -е* и т. д.; полные формы — *пьрвыи, -ая, -ое; въторыи, -ая, -ое; третии, -яя, -ее* и т. д. Краткие формы впоследствии вышли из употребления. В современных восточнославянских языках фактически сохранились только полные (или местоименные) формы порядковых числительных.

§ 46. Изменения, происшедшие в системе числительных

1. Числительное *дъва* в древнерусском языке изменялось только в двойственном числе по местоименному типу *(тъ, та, то).* Уже в древнейших памятниках наряду со старой формой *дъвою* под влиянием склонения имен существительных появляется в Р.-М. форма *дъву* (Ср.: Р.-М. *жену, землю, путью, костью, сынову, вълку, коню).* Например: *По дъвою дьню* (Феод. Печ.), но *безъ дъвоу дни* (Пск. лет.). С исчезновением двойственного числа как грамматической категории преобразуется склонение слова *дъва.* Его формы сближаются с формами множественного числа неличных местоимений. Новая форма родительного и

местного падежей *дъвоу* становится основой всех косвенных падежей. Под влиянием форм множественного числа неличных местоимений *(тѣхъ)* в родительном и местном падежах возникает окончание **-хъ** *(дъвухъ)*. Дательный падеж под влиянием множественного числа приобретает флексию **-мъ** *(дъвумъ);* в творительном падеже появляется новое окончание **-мя** (из смешения окончания **-ма** — творительного падежа двойственного числа и окончания **-ми** — творительного падежа множественного числа). Таким образом, в русском языке возникает новое склонение слова *дъва* по множественному числу: И. *дъва,* Р. *дъвухъ*, Д. *дъвумъ*, В. *дъва*, Т. *дъвумя*, М. *дъвухъ*.

В украинском языке числительное *дъва* претерпевает те же изменения, но с той разницей, что новые падежные окончания множественного числа наслаиваются на основу *дъво*, представляющую собой сокращенную форму былой древнерусской полной формы Р.-М. *дъвою.* В украинском языке имеем: И. *два,* Р. *двох,* Д. *двом,* В. *два,* Т. *двома,* М. *двох.*

2. Числительные *три, четыре* склонялись по IV и V типам именного склонения. Влияние изменений, происшедших в склонении слова *дъва,* приводит к тому, что и числительные *три, четыре* приобретают в родительном падеже множественного числа флексию **-хъ** *(трехъ, четырехъ)*. Дательный и местный падежи претерпевают закономерные фонетические изменения *(трьмъ — трём; четырьмъ — четырём)*. В творительном падеже появляется окончание **-мя** *(тремя, четырьмя)*.

3. Числительное 12 имело в древнерусском языке две формы: *дъва на десяте* (для мужского рода) и *дъвѣ на десяте* (для женского и среднего рода). В русском языке закрепилась форма «*дъвѣ на десяте*» *(двенадцать);* в украинском, белорусском и некоторых других языках, например в польском, закрепилась форма «*дъва на десяте*». Ср.: укр. *дванадцять,* польск. *dwanaście.*

4. Фонетические сдвиги, происшедшие среди названий числительных от 11 до 19, а также в словах 20 и 30, мотивировались тем, что в процессе речи составные компоненты сливались в одно слово. Фиксация ударения на определенном слоге привела к тому, что остальные слоги подверглись фонетической деформации. Элемент *десять* редуцируется, сокращается в **-дцать** (укр. **-дцять**). Ср.: *одинъ на десяте — одиннадцать; дъва десяти — двадцать; триѥ десяте — тридцать.*

Названия десятков от 50 до 80 также преобразуются в одно слово *(пять десятъ — пятьдесят)*. Кардинально изменяется и склонение этих числительных: вторая часть *-десят* стала согласовываться с названием единицы в падеже. Как резуль-

тат, постепенно утрачивается способность изменяться по числам (множественному и двойственному). Ср.: Р. *пятидесяти,* Т. *пятьюдесятью* и т. д. Старая форма, таким образом, сохранилась только в И.-В. падеже.

Как свидетельствуют памятники письменности, древнерусское склонение указанных числительных подвергается разрушению начиная с XIV в.

Особый разговор пойдет о числительных *сорок* и *девяносто.* Числительное *сорок* — существительное мужского рода (женский род — *сорочка*) обозначало в древности одновременно и «мешок» и «рубашку». В мешок клали 4 десятка беличьих или других (собольих) мехов (количество, достаточное для полной шубы). Эта торговая мера впоследствии стала употребляться в значении «четырех десятков». Слово *сорок* впервые встречается в «Русской Правде» (в составе Новгородской кормчей 1282 г.). Ср.: ***Сорокъ*** *соболей, цѣна сто пятьдесятъ рублевъ, а послалъ тотъ* ***сорокъ*** *въ Литву* (Расх. кн.) [1].

Слово *девяносто* как восточнославянская форма функционирует в памятниках письменности не ранее XIV в.

5. Числительное *съто* очень рано утратило изменение по числам (множественному и двойственному), упростило формы косвенных падежей. В современном русском языке оно имеет лишь две формы единственного числа: И.-В.— *сто,* Р., Д., Т., М.— *ста.* В названиях сотен от 200 до 900 вторая часть *сто* стала полностью согласовываться с первой частью (как и в названиях десятков). Разумеется, склонялись при этом уже обе части слова. Слово *дъвѣсътѣ* утратило парадигму двойственного числа и стало изменяться только во множественном числе, как *три съта, четыре съта* (Р.— *двухсот, трехсот,* Д.— *двумстам, тремстам* и т. д.).

В склонении чисел от 500 до 900 неизменяемость второго элемента *(сътъ)* сохранялась до XVI в. В более поздних памятниках встречаются формы этих числительных с обеими изменяемыми частями.

Эволюция числительных в языковых системах восточных славян происходит в исторический (письменный) период и поэтому не таит особых загадок. Утрачивая свойственные вначале черты прилагательного (у числительных от 1 до 4) и существительного (у числительных от 5 до 10 и 100) и приобретая новые грамматические свойства, имена с нумеративным значением постепенно выделяются в самостоятельную часть речи — к а т е г о р и ю ч и с л и т е л ь н о г о.

---

[1] Заметим, что слово *сорок* употребляется только в восточнославянских языках. В других славянских языках и в украинско-карпатских говорах фигурирует традиционное *четыре десяте.*

Заметим, что старые названия больших чисел вышли из обихода еще в канун национального периода. Из западноевропейских языков заимствованы слова *миллион, миллиард* и другие. Последние по своим формально-грамматическим свойствам также являются существительными. В Западной Европе слово *миллион* появилось в XVI в., на Русь оно проникло в XVII в., слово *миллиард* появилось в начале XIX в.

Вопросы для самопроверки

1. Чем отличаются по значению и функциям полные прилагательные от кратких в древнерусском и современном русском языках?

2. Как склонялись краткие прилагательные с твердой и мягкой основами?

3. Существовала ли необходимость в замене кратких прилагательных полными?

4. Как образовывались полные прилагательные?

5. Как склонялись полные прилагательные в древнерусском языке?

6. Какие изменения произошли в функциях и значении полных прилагательных в истории русского языка?

7. Как образовывались древнерусские притяжательные прилагательные? Какие из суффиксов притяжательности сохранились в современном русском языке с древнейших времен?

8. Какие фонетические изменения происходили в формах притяжательных прилагательных, образуемых с помощью суффикса **-jь**?

9. Как образовывались степени сравнения прилагательных в древнерусском языке?

10. Какова дальнейшая судьба форм степеней сравнения в языках восточных славян?

11. Как склонялись отдельные формы степеней сравнения прилагательных в древнерусском языке?

12. На какие разряды делились местоимения в древнерусском языке? Критерий этого деления.

13. Как склонялись личные и возвратное местоимения?

14. В каких падежах и числах употреблялись энклитические формы личных и возвратного местоимений? Их значения и функции.

15. Какие изменения произошли в склонении личных и возвратного местоимений в истории русского языка?

16. Как склонялись неличные местоимения твердой и мягкой разновидностей?

17. Какие изменения произошли в склонении указательных и вопросительных местоимений?

18. Как склонялись в древнерусском языке числительные *одинъ, дъва, триѥ, четыре, пять, шесть, семь, осьмь, девять, десять?* Как происходило сочетание указанных выше числительных с именами существительными?

19. Как склонялись слова *сорокъ, съто, тысяча?*

20. Как образовывались сложные числительные?

21. Как образовывались составные числительные?

22. Какие обозначения существовали для дробных числительных?

23. Что обозначали слова: *тьма, колода, воронъ, леодръ, легионъ?* Как они склонялись?

24. Как образовывались порядковые числительные, как они склонялись?

25. Какие изменения произошли в системе числительных в истории русского языка?

Упражнения

1. Просклонять письменно следующие сочетания прилагательных с именами существительными: *къняжь мужь, новъ мечь, гость новгородьськыи, роусьска земля, пьрвая коуна, блюдо серебрьно.*

2. Просклонять письменно следующие сочетания местоимений с именами существительными: *тътъ домъ, та земля, то дѣло, сь звѣрь, ся (си) рука, се поле.*

3. Просклонять: *одинъ столъ, одьна гора, одьно село, дъва сыны, дъвѣ роуцѣ, дъвѣ нозѣ; оба печенѣга, обѣ пътици, обѣ дѣтяти.*

4. В следующих предложениях определить форму сравнительной степени прилагательного и указать способ ее образования: *Не ѥси богатѣѥ Давида* (Златоструй, XII в.); *ажь капь легче будѣтъ* (Смол. гр. 1229 г.); *поисметь седмь духъ инѣхъ лютѣиши себе* (еванг., 1357 г.); *ты ѥи старѣѥ* (Лавр. лет.); *будеть боле или меньши* (Дух. Дм. Дон.); *будуть последняя горше первыихъ* (еванг., 1337 г.).

5. Определить форму прилагательных (разряд по значению, полная или краткая, род, число, падеж) в приведенных ниже словосочетаниях (из Ипатьевской летописи): *внукъ* ***Ольговъ;*** *кони* ***тучни; во обѣднее*** *веремя; полкъ* ***всеволожь;*** *сынъ* ***володимерь;*** *даръ* ***ярославль;*** *сынъ* ***божь;*** *съ* ***благи*** *моужи; исъ* ***половьцькихъ*** *полковъ; бысть печаль* ***велика;*** *на* ***единомь*** *мѣстѣ;* ***черные*** *люди оставимъ.*

6. Определить все формы местоимений в следующих сочетаниях (из Новгородской летописи): ***тѣхъ*** *прия; выведе княгиню* ***свою*** *къ* ***собѣ,*** *повѣжь* ***ны;*** *гость новъгородьськыи* ***всѣ*** *прия; измавъ* ***я вся;*** *по* ***своимъ*** *городомъ; товары* ***ихъ;*** *бяше* ***всѣхъ*** *новгородьць; учювъ Мьстиславъ... зло* ***то.***

7. В приведенных ниже примерах определить притяжательные прилагательные и способ их образования: *Минула лѣта* ***Ярославля;*** *были вѣчи* ***Трояни;*** *по замышлению* ***Бояню; Велесовъ*** *внуче* (Слово); *Въ* ***митрополичь*** *манастырь* (Ник. лет.); *Соудъ* ***Ярославль*** (Пр. Рус.); ***патриарши*** *грамоты привезоша* (I Новг. лет.); *отъдаи же пьрвѣѥ* ***гостины*** *коуны* (Лавр. лет.); *в манастырѣ* ***сестринѣ*** (там же); *съ* ***цѣсаревымь*** *мужемь* (там же).

8. Определить падежную форму числительного *одинъ* в следующих примерах: *одиною силою; не болѣѥ одиного златьника; мне одиному оумрѣти нежели толику душь; одному на березѣ во Гдовѣ, а другому...; одиныхъ смолянинъ... не выводите; не одинемъ храборьствомь показанъ быть; въ одиномъ городѣ.*

ГЛАГОЛ

§ 47. Общие сведения о глаголе. Морфологическая и генетическая классификация глаголов. Глаголы тематического и нетематического спряжений

В структурно-типологическом и в лексико-семантическом плане глагол представляет собой основу языка. Не случайно в древности слово *глаголати* знаменовало понятие «владеть речью», «говорить».

Грамматическими категориями, характеризующими глагол, были категории времени, вида, наклонения, залога и лица. В отличие от современных восточнославянских языков, видо-временные отношения в древности были лишены категориальной четкости. Отсутствие морфологических признаков вида глагола восполнялось за счет расширения значений и функций временных форм. Так, например, в древнерусском языке при одной форме настоящего времени, которая, кстати, употреблялась также и в значении будущего простого, существовало четыре формы прошедшего времени.

Как и в современном русском языке, глагол обладал системой спряжения, которой были подчинены глагольные формы изъявительного, повелительного и сослагательного наклоне-

ний. К неспрягаемым формам глагола относились инфинитив, супин и причастие. И первые, и вторые формы могли образовываться от основ инфинитива или основ настоящего времени. Ср.: *хвалити: хвали* — основа, **ти** — суффикс; *хвалю: хвал* — основа, **ю** — личное окончание. В некоторых глаголах эти две основы совпадают, например: *нес-**ти*** и *нес-у*. От глагольных основ настоящего времени образовывались формы настоящего времени, повелительного наклонения, а также причастия настоящего времени. От основ инфинитива — причастия и все простые формы прошедшего времени.

В зависимости от характера и способов глагольного словообразования основы настоящего времени в старославянском и древнерусском языках подразделялись на пять морфологических классов:

I класс. Глаголы с суффиксальным элементом **е** без йотации типа *несеши, ведеши, зовеши.*

II класс. Глаголы с суффиксальным элементом **не** типа *двигнеши, сохнеши, вянеши.*

III класс. Глаголы с суффиксальным элементом **ѥ** типа *думаѥши, слушаѥши, читаѥши.*

IV класс. Глаголы с суффиксальным элементом **и** типа *ходиши, просиши, любиши.*

V класс. Основа глаголов настоящего времени этого класса равна односложному корню без суффиксального элемента: *дамь — даси — дасть; ѣмь — ѣси — ѣсть.*

При образовании личных форм глагола первых четырех классов между основой и личным окончанием обнаруживается промежуточная гласная **е** или **и**, которую принято называть темой. И в старославянском и в древнерусском языках была группа глаголов, в которых при спряжении личные окончания присоединялись непосредственно к основе. Такие глаголы получили название нетематических. Их было пять: *ѥсмь, дамь, ѣмь, вѣмь, имамь.*

Единственное число

1.	*ѥсмь*	*дамь*	*ѣмь*	*вѣмь*
2.	*ѥси*	*даси*	*ѣси*	*вѣси*
3.	*ѥсть*	*дасть*	*ѣсть*	*вѣсть*

Множественное число

1.	*ѥсмъ -ы, -о, -е*	*дамъ -ы, -о*	*ѣмъ -ы, -о*	*вѣмъ -ы, -о*
2.	*ѥсте*	*дасте*	*ѣсте*	*вѣсте*
3.	*соуть*	*дадять*	*ѣдять*	*вѣдять*

Двойственное число

1.	*ѥсвѣ (-ꙗ)*	*давѣ (-ꙗ)*	*ѣвѣ (-ꙗ),*	*вѣзѣ (-ꙗ)*
2.	*ѥста*	*даста*	*ѣста*	*вѣста*
3.	*ѥста*	*даста*	*ѣста*	*вѣста*

Спряжение нетематических глаголов пятого класса в современном русском языке фактически не сохранилось [1]. Часть глаголов, в том числе *вѣмь* и *имамь*, вышла из речевого обихода; глагол *ѥсмь* сохранил лишь некоторые формы; глаголы *ѣмь* и *дамь* под влиянием тематического спряжения подверглись значительному изменению. Из сохранившихся форм спряжения глагола *ѥсмь* особый интерес представляют варианты *ѥси — ѥсте*, которые можно обнаружить иногда в народном языке. Ср.: в былинном эпосе: *Ой ты гой* ***еси****, родимый, милый батюшка; А и гой* ***есте*** *вы, братцы станишники* (Былина о Вольге Святославиче и Микуле Селяниновиче). Архаические формы такого типа иногда используются с определенной стилистической нагрузкой в украинской литературе. Ср.: *I що ти за сила* ***єси*** (П. Тычина). Глаголы *есть — суть* довольно часто фигурируют в значении глагола-связки в научно-философском стиле. Например: *Язык* ***есть*** *важнейшее средство человеческого общения* (В. И. Ленин); *Дифференцирование и интегрирование* ***суть*** *действия взаимно-обратные.*

Основы инфинитивов, как и глагольные основы настоящего времени, в старославянском и древнерусском языках подразделялись на шесть морфологических классов:

I класс. Бессуффиксальные глаголы *(зна-ти, плес-ти* из **plet-ti);*
II класс. Глаголы с суффиксом **-нѫ-** *(доунѧти);*
III класс. Глаголы с суффиксом **-ѣ-** *(видѣти);*
IV класс. Глаголы с суффиксом **-и-** *(возити, носити);*
V класс. Глаголы с суффиксом **-а-** *(писати, дѣлати);*
VI класс. Глаголы с суффиксом **-ова-, -ева-** *(коуповати, врачевати).*

Отсутствие прямой зависимости между обеими основами вынуждает языковеда-историка при изучении системы глагола любого славянского языка пользоваться данными этих классификаций применительно к ситуации.

---

[1] Пережиточные формы глаголов этого типа легко обнаружить в таких фразеологических словосочетаниях, как *«бог весть»; «и глух и нем — греха не вем»; «не весть что скажет»*.

§ 48. Настоящее время тематических глаголов

Категория времени выражает отношение действия или состояния к моменту речи. Настоящее время обозначает, что действие или состояние имеет место в тот момент, когда о нем говорится.

Спряжение тематических глаголов настоящего времени в древнерусском языке мало чем отличалось от современного, хотя и здесь, несомненно, имела место морфологическая и фонетическая специфика. В качестве иллюстрации приведем следующий образец:

Единственное число

	I класс	II класс	III класс	IV класс
1.	*несоу*	*съхноу*	*знаю*	*хвалю*
2.	*несеши*	*съхнеши*	*знаѥши*	*хвалиши*
3.	*несеть*	*съхнеть*	*знаѥть*	*хвалить*

Множественное число

1.	*несемъ*	*съхнемъ*	*знаѥмъ*	*хвалимъ*
2.	*несете*	*съхнете*	*знаѥте*	*хвалите*
3.	*несоуть*	*съхноуть*	*знають*	*хвалять*

Двойственное число

1.	*несевѣ*	*съхневѣ*	*знаѥвѣ*	*хваливѣ*
2.	*несета*	*съхнета*	*знаѥта*	*хвалита*
3.	*несета*	*съхнета*	*знаѥта*	*хвалита*

Легко заметить, что во всех четырех классах глаголов тематического спряжения в единственном, множественном и двойственном числе при глагольном словоизменении закономерно повторяются тематические гласные **е** (I кл.), (**н**)**е** (II кл.), **ѥ** (III кл.) и **и** (IV кл.), которые, по существу, являются суффиксами настоящего времени.

Суффиксы первых трех классов формально определяют принадлежность глаголов к первому спряжению, суффикс IV класса -**и**- является морфологическим атрибутом глаголов второго спряжения.

Из особенностей личных окончаний глаголов настоящего времени отметим:

а) мягкий знак в окончаниях современных русских глаголов 2-го лица единственного числа возник в результате редукции конечного -**и** в окончании -**ши**. Некоторое время при мягком шипящем он логически оправдывался, однако в наше время

в связи с повсеместным отвердением шипящего он сохраняется в написаниях лишь по традиции;

б) твердое произношение **т** в окончаниях глаголов 3-го лица единственного и множественного числа в русском языке намечается еще в конце XIII в. Немаловажную роль в этом сыграло севернорусское произношение, где такие формы, как *берёт — берут, хвалит — хвалят*, являются искони закономерными. Закреплению их в литературном обиходе, по-видимому, способствовало также влияние старославянской орфографии. Ср.: ст.-сл. *беретъ — берѫтъ, хвалитъ — хвалѧтъ*. Некоторые исследователи языка твердое произношение **т** объясняют общей тенденцией отвердения конечных согласных после падения редуцированного **ь**;

в) переход **е** в **о** (лабиализация) в глаголах типа *несёшь — несём, берёшь — берём* в древнерусском языке киевского периода не наблюдался. Это явление чисто фонетического порядка и характерно для более позднего периода развития русского языка;

г) глаголы I, II, III классов в древнерусском языке в 3-м лице единственного числа могли иметь параллельные окончания типа *несеть — несе, береть — бере*. Например, в Сборнике Святослава 1073 г. *нарицаѥ, боуваѥ, не трьбоуѥ*. Современные данные южнорусских говоров, и в частности украинского языка, дают основание думать, что второй тип окончаний был, по-видимому, диалектной чертой южных говоров древнерусского языка. Ср.: укр. *веде, несе, кладе, вимагає;*

д) характерной особенностью глагольных форм настоящего времени является также чередование согласных основы **с, з, т** с соответствующими шипящими, главным образом в единственном числе. Ср.: *просити — прошю; возити — вожю; хотѣти — хочю*. Заметим, что глагол *хотеть* в современном русском языке в единственном числе спрягается, как глаголы третьего класса: *хочу, хочешь, хочет*, а во множественном — как глаголы четвертого класса: *хотим, хотите, хотят*. Такое смешение, по-видимому, регистрировалось еще в дописьменный период.

Согласные глагольной основы **г** и **к** в древнерусском языке в первом классе спряжения последовательно чередовались с **ж** и **ч**. Ср.: укр. формы: *пекти — печу, сікти — січу, могти — можу, берегти — бережу*. Современный русский и белорусский языки не сохранили этой фонетической особенности. Ср.: русск. *пеку, секу. берегу, бегу;* бел. *пяку, сяку, берагу, бягу*.

ПРОСТЫЕ И СЛОЖНЫЕ (АНАЛИТИЧЕСКИЕ) ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Прошедшее время указывает на действие, которое происходит или произошло до начала речи о нем. Как уже говорилось, в отличие от современного русского языка, временная форма древнерусского глагола была показателем и его видового значения [1]. Именно этим и объясняется некоторая сложность образования прошедших времен в древнерусском и старославянском языках. В народно-разговорном и литературном обиходе функционировали две простые формы прошедшего времени — а о р и с т и и м п е р ф е к т и две сложные, образовавшиеся с участием вспомогательного глагола, — п е р ф е к т и п л ю с к в а м п е р ф е к т.

Такое многообразие форм «позволяло выражать грамматическими средствами весьма сложные и тонкие отношения действия ко времени как с точки зрения отношения действия к моменту речи, так и с точки зрения самого характера протекания действия во времени» [2].

Рассмотрим систему прошедших времен древнерусского языка в определенной последовательности.

§ 49. Аорист

А о р и с т — слово греческого происхождения со значением «неопределенный», «неограниченный». Формы аориста в древнерусском языке начиная с XIII в. указывали на действие в прошлом без обозначения длительности или краткости его совершения. В старославянском и древнерусском языках раннего периода аорист обозначал прошедшее совершенное.

Древнерусский аорист образовывался двояким способом:

а) если основа инфинитива оканчивалась на гласный, то в первом лице единственного числа к ней прибавлялся суффикс **-хъ**: *брати — брахъ, писати — писахъ;*

б) при основе инфинитива на согласный между ней и суффиксом **-хъ** вставлялась соединительная гласная **о**: *нести — несохъ, идти — идохъ.*

---

[1] Хотя противопоставление совершенного и несовершенного видов, вероятно, существовало с древнейших времен, в памятниках древнерусской письменности оно регистрируется еще недостаточно четко. Важную роль в передаче видовых значений играли: а) чередование звуков глагольной основы; б) смещение ударения; в) супплетивизация.

[2] К у з н е ц о в П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953, с. 299.

Приведем следующий образец спряжения:

Единственное число

1.	*писахъ*	*ведохъ*	*несохъ*	*быхъ*
2.	*писа*	*веде*	*несе*	*бы*
3.	*писа*	*веде*	*несе*	*бы*

Множественное число

1.	*писахомъ*	*ведохомъ*	*несохомъ*	*быхомъ*
2.	*писасте*	*ведосте*	*несосте*	*быстe*
3.	*писаша*	*ведоша*	*несоша*	*быша*

Двойственное число

1.	*писаховѣ*	*ведоховѣ*	*несоховѣ*	*быховѣ*
2.	*писаста*	*ведоста*	*несоста*	*быста*
3.	*писаста*	*ведоста*	*несоста*	*быста*

Формы аориста в древнерусском разговорном языке начинают исчезать очень рано. Так, например, уже в Мстиславовой грамоте за 1130 г. аорист повсеместно заменяется соответствующей формой перфекта, т. е. прошедшего совершенного. Этот процесс отчетливо регистрируют новгородские грамоты на бересте эпистолярного содержания. В памятниках древнерусской исторической и художественной литературы аористные формы, как правило, стилизованные. Приведем наиболее характерные примеры из «Слова»: *Тогда* ***въступи*** *Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистоу полю; Роусьскыя плъки* ***отстоупиша; Бишася*** *дьнь,* ***бишася*** *дроугыи, третьяго дня къ полоудню* ***падоша*** *стязи Игоревы.* Во всех этих случаях аорист употребляется в целях создания определенного художественно-исторического колорита. В книжном языке, главным образом при переводах с греческого и латинского, а также в житийной и летописной литературе, аорист сохраняется вплоть до XVI в. и даже позднее. А. И. Соболевский считает, что на почве оригинальных древнерусских произведений, если не принимать во внимание некоторых деловых новгородских грамот XV в., аорист теряет свое значение фактически к XIV в.

Грамматические формы древнерусского аориста в современных восточнославянских языках не сохранились. Реликты его более явственно выступают в карпатских говорах украинского языка в парадигме условного наклонения. Ср.: *просив* ***бих,*** *просив* ***бись,*** *просили* ***бисьте.***

§ 50. Имперфект

Форма имперфекта в старославянском и древнерусском языках обозначала прошедшее несовершенное (длительное или повторяющееся). Имперфект образовывался от основы инфи-

нитива с помощью суффикса **-ахъ**. Как правило, это были беспрефиксальные глаголы. Ср.: *зъвати — зъваахъ; писати — писаахъ*. Если основа инфинитива оканчивалась на **-и** или согласный, то суффиксу **-ахъ**, как правило, предшествовал мягкий согласный: *пити — пияхъ — пяхъ; идти — идяхъ*. Обратимся к следующей таблице:

Единственное число

1.	*зъвахъ*	*ведяхъ*	*бяхъ*
2.	*зъваше*	*ведяше*	*бяше*
3.	*зъваше* (**-ть**)	*ведяше* (**-ть**)	*бяше* (**-ть**)

Множественное число

1.	*зъвахомъ*	*ведяхомъ*	*бяхомъ*
2.	*зъвашете*	*ведяшете*	*бяшете*
3.	*зъвахоу* (**-ть**)	*ведяхоу* (**-ть**)	*бяхоу* (**-ть**)

Двойственное число

1.	*зъваховѣ*	*ведяховѣ*	*бяховѣ*
2.	*зъвашета*	*ведяшета*	*бяшета*
3.	*зъвашета*	*ведяшета*	*бяшета*

Формы имперфекта чаще всего употреблялись в памятниках церковнослужебной литературы и реже в светских, древнерусских. Например: *И никъто же **не даıааше** ıемоу* (Остр. ев.); ***Идıаше** и **хожаше** тако* (Арх. ев.). В языке Начальной летописи прошедшее несовершенное (имперфект) обнаруживается в таких формах глагола, как *посылаше, творяше, хваляхоу, вѣдѣхоу* и др. Ср.: *Тои осени... земля и лѣсы **горяхоу**... и съ того дыма **мряхоу** рыбы и птицѣ* (Новг. лет.).

Есть основания полагать, что в древнерусском разговорном языке формы имперфекта вышли из употребления уже к XII в. Правда, в летописной литературе они сохраняются дольше — вплоть до XIV в. В грамотах на бересте и в деловом стиле древнерусского языка в целом формы имперфекта отсутствуют, их повсеместно вытесняют формы перфекта (суффиксального). Ср.: *ходяхъ — хаживалъ, сѣдяхъ — сиживал* и т. д.

§ 51. Перфект

Как и в старославянском языке, древнерусский перфект был сложной (аналитической) формой прошедшего времени и обозначал действие, результат которого продолжен до момента речи о нем. Перфект мог образовываться как от глаголов совершенного, так и от глаголов несовершенного вида. Последнее способствовало тому, что он очень рано начинает вытеснять

аорист и имперфект, становясь постепенно универсальной формой прошедшего времени. Грамматическое значение перфекта определялось его составными лексическими компонентами — причастием на **-лъ**, **-ла**, **-ло** спрягаемого глагола и формами настоящего времени вспомогательного глагола *быти*. Приведем следующий образец спряжения:

Единственное число

1.	*писалъ (-ла, -ло) ѥсмь*	*повелѣлъ (-ла, -ло) ѥсмь*	*былъ (-ла, -ло) ѥсмь*
2.	*писалъ (-ла, -ло) ѥси*	*повелѣлъ (-ла, -ло) ѥси*	*былъ (-ла, -ло) ѥси*
3.	*писалъ (-ла, -ло) ѥсть*	*повелѣлъ (-ла, -ло) ѥсть*	*былъ (-ла, -ло) ѥсть*

Множественное число

1.	*писали (-лы, -ла) ѥсмы*	*повелѣли (-лы, -ла) ѥсмы*	*были (-лы, -ла) ѥсмы*
2.	*писали (-лы, -ла) ѥсте*	*повелѣли (-лы, -ла) ѥсте*	*были (-лы, -ла) ѥсте*
3.	*писали (-лы, -ла) соуть*	*псвелѣли (-лы, -ла) соуть*	*были (-лы, -ла) соуть*

Двойственное число

1.	*писала (-ѣ, -ѣ) ѥсвѣ*	*повелѣла (-ѣ, -ѣ) ѥсвѣ*	*была (-ѣ, -ѣ) ѥсвѣ*
2.	*писала (-ѣ, -ѣ) ѥста*	*повелѣла (-ѣ, -ѣ) ѥста*	*была (-ѣ, -ѣ) ѥста*
3.	*писала (-ѣ, -ѣ) ѥста*	*повелѣла (-ѣ, -ѣ) ѥста*	*была (-ѣ, -ѣ) ѥста*

Указывая на результат действия или состояния, имевших место в прошлом, перфект непосредственно был связан с действием лица, о котором идет речь в данный момент. Последнее несколько усложняет перевод древнерусского текста. Так, например, древнерусскую форму *ѥсмь пришьлъ* следует переводить: *я пришел и (в результате этого) нахожусь здесь* [1].

Из приведенного образца форм спряжения легко убедиться в том, что вспомогательный глагол перфекта фактически выражает чисто формальный признак в значении прошедшего времени — категорию лица. Именно поэтому в меру активизации местоименных подлежащих типа *я, ты, он* роль вспомога-

---

[1] См.: Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953, с. 195.

тельного глагола сокращается до минимума. Данные письменности говорят о том, что раньше других исчезают формы вспомогательного глагола в 3-м лице единственного и множественного числа. Хронологически это происходит где-то на рубеже X—XI вв. Эту мысль с большой убедительностью подтверждает датированная надпись на Тмутороканском камне (1068 г.): *Глѣбъ князь мѣрилъ море по ледоу.* Здесь пропущен вспомогательный глагол *ѥсть*. Под влиянием форм 3-го лица происходит опущение вспомогательного глагола в 1-м и 2-м лицах. Ср.: *Язъ* ***далъ*** *роукою своѥю* (Гр. Мст.); *Где* ***взялъ,*** *тамо положи* (грамота на бересте XIV в.).

С развитием префиксальных видовых различий в системе глагола перфект получает возможность употребляться со значением аориста — как совершенный вид или со значением имперфекта — как несовершенный вид. Это обстоятельство, пожалуй, и привело к окончательной утрате имперфекта уже к XII в. и аориста — к XIV в., хотя, как уже говорилось, стиля ради в письменном языке они употребляются иногда и позднее. Таким образом, бессвязочная конструкция перфекта дала начало современным простым формам прошедшего времени во всех трех восточнославянских языках. Пережиточные формы древнего перфекта легко обнаружить в некоторых северо-западных говорах русского языка. Ср.: *Он* ***ушел есть;*** *Она* ***приехала есть*** и др. Более последовательно выступают старые перфектные образования в некоторых карпатско-украинских говорах. Ср.: *казавем, казавесь, казавесьми (казависьмо), казависьте* в значении — *я говорил, ты говорил, мы говорили, вы говорили.* Для убедительности можно привести польские параллели: *mówiłem, mówiłeś, mówiliśmy.*

§ 52. Плюсквамперфект

Плюсквамперфект (давнопрошедшее время) в старославянском и древнерусском языках обозначал действие, которое происходило в прошлом раньше другого какого-то действия. Образовывался плюсквамперфект по тому же принципу, что и перфект: он состоял из двух компонентов — причастия на **-лъ**, **-ла**, **-ло** спрягаемого глагола и вспомогательного глагола-связки. В зависимости от значения вспомогательного глагола в древнерусском языке различают два способа образования давнопрошедшего времени — плюсквамперфект старославянский и плюсквамперфект древнерусский.

Плюсквамперфект первый (старославянский) в качестве вспомогательного глагола использовал им-

перфектную форму глагола *быти* [1]. Приведем следующий образец спряжения:

Единственное число

1. *писалъ (-ла, -ло) бяхъ*
2. *писалъ (-ла, -ло) бяше*
3. *писалъ (-ла, -ло) бяше (-ть)*

Множественное число

1. *писали (-лы, -ла) бяхомъ*
2. *писали (-лы, -ла) бясте (бяшете)*
3. *писали (-лы, -ла) бяхоу (-ть)*

Двойственное число

1. *писала (-ѣ, -ѣ) бяховѣ*
2. *писала (-ѣ, -ѣ) бяста (бяшета)*
3. *писала (-ѣ, -ѣ) бяста (бяшета)*

Плюсквамперфект первый был общим для старославянского и древнерусского языков раннего периода. Чаще всего он употреблялся в житийной литературе и реже — в летописной. Ср.: *Приведоша разбойникы, ихъ же бѧхоу ѧли въ селѣ* (Феод. Печ.); *Обновлена бысть цьркы, аже бѧше ополѣла въ пожарѣ* (Лавр. лет.). Исчезновение плюсквамперфекта первого, как в этом нетрудно убедиться, находится в связи с исчезновением соответствующих форм имперфекта вспомогательного глагола.

Более ходкими оказались формы **плюсквамперфекта второго**. Последний был характерен исключительно для древнерусского языка и вообще не употреблялся в старославянском. Плюсквамперфект второй в качестве вспомогательного глагола принял перфектную форму глагола *быти*: *ѥсмь былъ*. Обратимся к парадигме:

Единственное число

1.	*ѥсмь былъ (-ла, -ло)*	*писалъ (-ла, -ло)*
2.	*ѥси былъ (-ла, -ло)*	*писалъ (-ла, -ло)*
3.	*ѥсть былъ (-ла, -ло)*	*писаль (-ла, -ло)*

Множественное число

1.	*ѥсмь были (-лы, -ла)*	*писали (-лы, -ла)*
2.	*ѥсте были (-лы, -ла)*	*писали (-лы, -ла)*
3.	*соуть были (-лы, -ла)*	*писали (-лы, -ло)*

---

[1] В памятниках древнерусской письменности довольно часто употребляются плюсквамперфектные формы со вспомогательным глаголом *бѣхъ, бѣ, бѣ, бѣхомъ, бѣсте, бѣша, бѣховъ, бѣста, бѣста*. По происхождению это разновидность аориста, но полагают, что в своей изначальной форме он имел имперфектное значение. Отсюда *ходилъ бѣахъ* и параллельно *ходилъ бѣхъ*.

Двойственное число

1.	*ѥсвѣ была (-ѣ, -ѣ)*	*писала (-ѣ, -ѣ)*
2.	*ѥста была (-ѣ, -ѣ)*	*писала (-ѣ, -ѣ)*
3.	*ѥста была (-ѣ, -ѣ)*	*писала (-ѣ, -ѣ)*

Плюсквамперфект второй обильно представлен во всех памятниках древнерусской письменности вплоть до XVII в. Например, в «Русской Правде»: *Ярославъ* ***былъ оуставилъ*** *и оубити;* в Ипатьевской летописи: *крьстъ* ***ѥсте были цѣловали.*** Сплошь и рядом встречаются формы давнопрошедшего времени (второго) в украинских грамотах XV в., а также в произведениях протопопа Аввакума. В некоторых севернорусских говорах старый плюсквамперфект сохраняется и до наших дней. Ср.: *У ей* ***была болела*** *голова; Сын* ***был остался*** *от отця.* К пережиточным формам давнопрошедшего времени обычно относят также сказочные зачины типа *жил-был, жили-были* и т. п. Бессвязочный плюсквамперфект как нормативная категория сохранился в украинском литературном языке: *писав був, писала була* и под.

§ 53. Будущее время

Как и в современном русском языке, в старославянском и древнерусском будущее время не имело «особой» формы выражения. Оно передавалось либо формой настоящего времени у глаголов совершенного вида, либо описательной конструкцией с глаголом *быти* в несовершенном виде. При этом все же не следует забывать, что разграничение форм будущего времени (совершенного вида) и настоящего времени (несовершенного вида) в древнерусском языке так резко не противопоставлялось, как в современном. Категория вида получила свое дальнейшее развитие, выделившись в самостоятельную грамматическую форму из общей системы времен. Временные формы глагола, как уже говорилось, в древности были диффузными и включали в свою семантику соответствующие видовые значения.

И все же простое будущее время в древнерусском языке могло быть представлено такими формами, как *напишоу, съберoу, вынесоу* и т. п. Будущее сложное имело две разновидности. Будущее первое образовывалось из спрягаемых форм вспомогательных (главным образом, модальных) глаголов *имоу, начьноу, станоу, хочю* и др. в сочетании с инфинитивом спрягаемого глагола. Вспомогательный глагол при этом изменялся в настоящем времени по соответствующему типу спряжения. Приведем следующий образец парадигмы:

Единственное число	Множественное число	Двойственное число
1. *станоу читати*	*станемъ читати*	*станевѣ читати*
2. *станеши читати*	*станете читати*	*станета читати*
3. *станеть читати*	*станоуть читати*	*станета читати*

В качестве иллюстративных примеров воспользуемся данными Начальной летописи: *не* ***имамь*** *уже* ***царствовати*** *въ странах сихъ; сь моужь* ***хощеть быти*** или «Русской Правды»: *оже* ***начьнеть запирати***.

Вспомогательный глагол *быти* в будущем первом получает распространение только с XV в. До этого он входил в состав так называемого будущего второго, которое принято называть преждебудущим временем. Основную лексическую нагрузку здесь выполняет причастие на **-лъ**, **-ла**, **-ло**. Приведем следующий образец:

Единственное число

1. *боудоу читалъ (-ла, -ло)*
2. *боудеши читалъ (-ла, -ло)*
3. *боудеть читалъ (-ла, -ло)*

Множественное число

1. *боудемъ читали (-лы, -ла)*
2. *боудете читали (-лы, -ла)*,
3. *боудоуть читали (-лы, -ла)*

Двойственное число

1. *боудевѣ читала (-ѣ, -ѣ)*
2. *боудета читала (-ѣ, -ѣ)*
3. *боудета читала (-ѣ, -ѣ)*

Преждебудущее время в древнерусском языке несколько отличалось от обычного современного. Оно обозначало действие в будущем, которое должно совершиться раньше другого действия. Во фразе такой оборот имел значение условного наклонения. Например, в Сборнике Святослава за 1073 г. читаем: *въдаи дъштерь и* ***боудеши съвьршилъ*** *дѣло велико; А чьто* ***боудеть погыбло****, того не поминаите*. А вот пример из «Русской Правды»: *Оже* ***боудеть оубилъ*** *въ свадѣ... То тако емоу платити*.

Будущее второе сравнительно рано выходит из употребления. Оно встречается довольно редко уже в грамотах XIV и XV вв. Причиной этому было образование простых форм прошедшего времени — бывших причастий на **-лъ**, **-ла**, **-ло**. В болгарском и польском языках оно продолжает существовать и в наше время. К пережиточным формам преждебудущего

времени в украинском языке следует отнести диалектные выражения типа *буду ходив, буду робив; буду ходила, буду робила*. Ср. карпатско-украинскую народную песню, которая начинается словами «Галичанко мила, що будеш робила...».

§ 54. Условное, или сослагательное, наклонение

Категория наклонения в системе глагольных форм характеризует действие в его отношении к действительности. Отсюда — три аспекта классификации: а) действие или состояние как реальный факт действительности (изъявительное наклонение); б) действие как состояние возможности или желательности (условное, или сослагательное, наклонение); в) побуждение к действию или состоянию (повелительное наклонение). Последние два по отношению к первому являются ирреальными.

В древнерусском языке сослагательное наклонение грамматически примыкало к сложным формам прошедшего времени. Оно образовывалось путем присоединения к причастию на **-лъ**, **-ла**, **-ло** основного глагола спрягаемых форм аориста вспомогательного глагола *быти*. Как самостоятельная категория, наклонение обладало признаками рода, лица и числа. Рассмотрим следующий образец спряжения глаголов сослагательного наклонения:

	Единственное число	Множественное число
1.	*быхъ писалъ (-ла, -ло)*	*быхомъ писали (-лы, -ла)*
2.	*бы писалъ (-ла, -ло)*	*бысте писали (-лы, -ла)*
3.	*бы писалъ (-ла, -ло)*	*быша писали (-лы ,-ла)*

Двойственное число

1. *быховѣ писала (-ѣ, -ѣ)*
2. *быста писала (-ѣ, -ѣ)*
3. *быста писала (-ѣ, -ѣ)*

Главным синтаксическим признаком глагола в условном наклонении было его согласование с подлежащим не только в роде и числе, но и в форме аориста вспомогательного глагола. Обратимся к примерам: *а **быхъ не слала** къ немоу сльзъ на море рано* (Слово); *Аже **бы** ты **былъ**, то **была бы** чага по ногатѣ* (там же).

Сравнительно рано, примерно с XIII в., древнерусское сослагательное наклонение подвергается распаду в связи с постепенной утратой парадигмы аориста вспомогательного глагола. Аористная форма второго и третьего лица вспомогательного глагола *быти* — *бы* превращается в грамматический

формант (частицу) для выражения категории условности. Ср.: ***грѣха бы не быша*** *имѣли* (еванг., 1357г.). Такого типа аналитические конструкции и до сих пор сохраняются в современных восточнославянских языках. Ср. русск. *пошел бы;* укр. *пішов би;* бел. *пайшоў-бы.*

Пережиточные формы древнерусского условного наклонения продолжают сохраняться в некоторых западноукраинских говорах. Так, например, в гуцульском говоре Прикарпатья можно услышать слова песни: *Абис не кохала, гризоти не мала* или *Ой дам же вам, легіники, по пів золотого, ой абисте ми имили фусточку шовкову.*

§ 55. Повелительное наклонение

Повелительное наклонение с точки зрения модальности выражает волю говорящего, его желание или побуждение к совершению какого-либо действия.

В силу своего грамматического значения в единственном числе повелительное наклонение могло относиться ко 2-му и 3-му лицам, а во множественном и двойственном — к 1-му и 2-му. Для выражения пожелания, относящегося к 3-му лицу, иногда использовалась форма настоящего (будущего простого) времени с добавлением побудительной старославянской частицы **да**. Ср.: *Да въсплачютъ присно грѣдящиеся, да възрадоуться гонимые* (Ф. Прокопович).

Повелительная форма наклонения образовывалась от основы настоящего времени при помощи соответствующих личных окончаний (суффиксов).

Нетематические глаголы в единственном числе имели окончание **-ь** < ***jь**, во множественном числе **-имъ**, **-ите**, в двойственном **-ивѣ**, **-ита**.

Единственное число	Множественное число
2. *дажь ѣжь*	1. *дадимъ ѣдимъ*
3. *дажь ѣжь*	2. *дадите ѣдите*

Двойственное число

1. *дадивѣ ѣдивѣ*
2. *дадита ѣдита*

Повелительное наклонение нетематических глаголов в истории русского языка претерпело значительные изменения. Парадигма спряжения как таковая распалась. Ее реликтами следует считать современную форму *ешь* из *ѣжь*, наконец, модальную просторечную частицу *вишь* из *вижь*. В украинском языке

с незначительными фонетическими «сдвигами» сохранилась древнерусская парадигма в повелительном наклонении глагола *їсти*. Ср.: *їж — їжмо — їжте* [1].

Тематические глаголы в единственном числе 2-го и 3-го лиц имели окончание **-и** независимо от формы спряжения; в 1-м лице множественного числа почти все глаголы I спряжения приобретали окончание **-ѣмъ**, II — **-имъ**; во 2-м лице множественного числа соответственно **-ѣте**, **-ите**; в 1-м лице двойственного числа **-ѣвѣ**, **-ивѣ**, во 2-м — **-ѣта**, **-ита**. Таким образом, гласный **ѣ** выступал только в глаголах I спряжения в основе на твердый согласный, во всех остальных глаголах фигурировал гласный **и**. Обратимся к следующим примерам:

Единственное число

2. *неси*	*бери*	*рьци*	*пиши*	*хвали*
3. *неси*	*бери*	*рьци*	*пиши*	*хвали*

Множественное число

1. *несѣмъ*	*берѣмъ*	*рьцѣмъ*	*пишимь*	*хвалимъ*
2. *несѣте*	*берѣте*	*рьцѣте*	*пишите*	*хвалите*

Двойственное число

1. *несѣвѣ*	*берѣвѣ*	*рьцѣвѣ*	*пишивѣ*	*хваливѣ*
2. *несѣта*	*берѣта*	*рьцѣта*	*пишита*	*хвалита*

Наличие двух качественно разных систем повелительного наклонения (тематических и нетематических глаголов) усложняло разговорную древнерусскую речь. Как результат, в языке активизируются процессы, направленные на выравнивание и упрощение форм. В частности, уже в памятниках XIII в. наблюдается отсутствие двойственного числа в повелительных формах глагола. Глаголы нетематического спряжения, как на это указывает профессор П. Я. Черных[2], уже к концу древнерусского киевского периода полностью теряют свои прежние окончания. Так, во 2-м лице единственного числа вместо формы *ѣжь* появляется под влиянием изъявительного наклонения настоящего времени форма *ешь*. Ср.: в укр. *їж*. Во 2-м лице множественного числа вместо *ѣдите* образуется форма *ешьте*. Под явным влиянием глаголов тематического спряжения возникли современные формы *дай, дайте*. Начиная с XIV в. на почве среднерусских говоров происходит выравнивание форм: вместо

[1] Заметим, что глагольные формы типа *дажь, ѣжь* с точки зрения исторической фонетики возникли в результате реализации общеславянского сочетания *d* + *j* на древнерусской основе. В старославянском языке им соответствуют *даждь, ꙗждь*.

[2] См.: Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1952, с. 233.

пьци, пьцѣте — *пеки, пеките.* Более последовательно сохраняются древнерусские формы на почве украинского языка. Ср.: *неси* — *несімо, бери* — *берімо* и т. п. В качестве иллюстраций к древнерусским формам повелительного наклонения приведем следующие примеры: ***идѣте*** *же паче къ продающимъ и* ***коупите*** *себѣ* (Остр. ев.); *Аще чьто можеши,* ***помози*** *намъ* (там же); ***не гоубите*** *своихъ и своеи дани* (I Новг. лет.).

§ 56. Инфинитив глагола

Инфинитив как неопределенная форма глагола фактически лишен многих его признаков. Именно поэтому инфинитив иногда называют именительным падежом глагола. Он не обладает категориями наклонения, времени, числа и лица. Как номинатив действия, инфинитив представляет глагол в словаре языка вне связи с его субъектом. И все же, в отличие от существительного или любой другой субстантивной категории, инфинитиву присущи категории вида и залога. Инфинитив в древнерусском языке имел суффикс -**ти**: *плести, молотити, зъвати, писати.* В отдельных случаях, главным образом в безударной позиции, конечное -**и** суффикса подвергалось редукции, и тогда названные формы принимали новый вид: *плесть, молотить, зъвать, писать.* В тех случаях, когда основа прошедшего времени глагола оканчивалась на заднеязычные **г**, **к**, на стыке морфем происходило чередование **гт** и **кт** с **ч** (*пекъ* — *печи, могъ* — *мочи, берегъ* — *беречи* и т. п.).

На почве русского языка в безударном суффиксе -**ти** во всех глаголах произошла редукция конечного **и** в **ь**. Ср.: русск. *мочь, печь, беречь;* укр. *могти, пекти, берегти.*

Инфинитив присущ всем славянским языкам, кроме болгарского. Номинативная форма глагола в этом языке передается первым лицом настоящего времени. Ср.: *аз* ***обичам*** *го* (я люблю его).

§ 57. Супин и его признаки

Как и инфинитив, супин в древнерусском и старославянском языках был неопределенной формой глагола, которая образовалась от основы прошедшего времени при помощи суффикса -**тъ**: *искатъ, ловитъ, крьститъ.*

В составе предложения супин указывал на достигательное наклонение и употреблялся при глаголах движения. Как член предложения он выражал обстоятельство цели, в связи с этим дополнение при нем стояло в родительном падеже. Например:

посла** Ярополкъ **искатъ брата (Пов. вр. лет.); ***Ходи** Мирославъ... **миритѣ кыянъ** съ церниговьцы* (I Новг. лет.). Как мы могли в этом убедиться, и в первом и во втором примерах идет речь об одушевленных именах.

И фонетически, и синтаксически инфинитив и супин были очень близки. Последнее привело к тому, что уже в XI в. они часто смешиваются. В конечном итоге форма инфинитива стала господствующей. Супин как достигательное наклонение постепенно выходит из употребления почти во всех славянских языках. В памятниках древнерусской письменности начиная с XIV в. он уже не употребляется.

ПРИЧАСТИЕ КАК ИМЕННАЯ ФОРМА ГЛАГОЛА

§ 58. Причастия действительного залога

Уже вошло в традицию называть причастие отглагольным прилагательным. Это оправдано его речевой и грамматической функциями. С одной стороны, причастию присущи глагольные признаки — залог, вид и время; с другой — оно, обладая ярко выраженной атрибутивностью, имеет признаки рода, числа, падежа. Все это в одинаковой мере было характерно и для древнерусского причастия.

Причастия на **-лъ**, **-ла**, **-ло** в древнерусском языке, в отличие от других причастий действительного и страдательного залога, не склонялись по падежам. Они, как уже говорилось, входили в состав большинства аналитических временных форм, а также составляли главный смысловой компонент в образовании условного наклонения. В отличие от современного русского языка, древнерусские причастия могли выступать в полной и краткой формах. Причастия действительного залога знаменовали признак действующего предмета в момент речи (настоящее время) или до возникновения таковой (прошедшее время).

Краткие причастия настоящего времени действительного залога в древнерусском языке образовывались от основы глагола настоящего времени с помощью суффиксов **-а** или **-ꙗ** (**-я**) для мужского и среднего рода. Ср.: *неса, хваля*. Для женского рода **-учи** (**-ючи**) и **-ачи** (**-ячи**): *несоучи, хвалячи*. Дифференцировались указанные парные суффиксы в зависимости от принадлежности глагола к I или ко II типам спряжения. Склонялись такие причастия по I и II типам склонения мягкой разновидности в зависимости от родовых различий. Обратимся к следующей парадигме:

Единственное число

Мужской род

И.	*неса*	*зная*	*ходя*
Р.	*несоуча*	*знаюча*	*ходяча*
Д.	*несоучоу*	*знаючоу*	*ходячоу*
В.	*несоучь*	*знаючь*	*ходячь*
Т.	*несоучьмь*	*знаючьмь*	*ходячьмь*
М.	*несоучи*	*знаючи*	*ходячи*

Женский род

И.	*несоучи*	*знаючи*	*ходячи*
Р.	*несоучѣ*	*знаючѣ*	*ходячѣ*
Д.	*несоучи*	*знаючи*	*ходячи*
В.	*несоучоу*	*знаючоу*	*ходячоу*
Т.	*несоучею*	*знаючею*	*ходячею*
М.	*несоучи*	*знаючи*	*ходячи*

Средний род

И.	*неса*	*зная*	*ходя*
Р.	*несоуча*	*знаюча*	*ходяча*
Д.	*несоучоу*	*знаючоу*	*ходячоу*
В.	*несоуче*	*знаюче*	*ходяче*
Т.	*несоучьмь*	*знаючьмь*	*ходячьмь*
М.	*несоучи*	*знаючи*	*ходячи*

Множественное число

Мужской род

И.	*несоуче*	*знаюче*	*ходяче*
Р.	*несоучь*	*знаючь*	*ходячь*
Д.	*несоучемъ*	*знаючемъ*	*ходячемъ*
В.	*несоучѣ*	*знаючѣ*	*ходячѣ*
Т.	*несоучи*	*знаючи*	*ходячи*
М.	*несоучихъ*	*знаючихъ*	*ходячихъ*

Женский род

И.	*несоучѣ*	*знаючѣ*	*ходячѣ*
Р.	*несоучь*	*знаючь*	*ходячь*
Д.	*несоучамъ*	*знаючамъ*	*ходячамъ*
В.	*несоучѣ*	*знаючѣ*	*ходячѣ*
Т.	*несоучами*	*знаючами*	*ходячами*
М.	*несоучахъ*	*знаючахъ*	*ходячахъ*

Средний род

И.	*несоуча*	*знаюча*	*ходяча*
Р.	*несоучь*	*знаючь*	*ходячь*
Д.	*несоучемъ*	*знаючемъ*	*ходячемъ*

Средний род

В.	*несоуча*	*знаюча*	*ходяча*
Т.	*несоучи*	*знаючи*	*ходячи*
М.	*несоучихъ*	*знаючихъ*	*ходячихъ*

Двойственное число

Мужской род

И.-В.	*несоуча*	*знаюча*	*ходяча*
Р.-М.	*несоучоу*	*знаючоу*	*ходячоу*
Д.-Т.	*несоучема*	*знаючема*	*ходячема*

Женский род

И.-В.	*несоучи*	*знаючи*	*ходячи*
Р.-М.	*несоучоу*	*знаючоу*	*ходячоу*
Д.-Т.	*несоучама*	*знаючама*	*ходячама*

Средний род

И.-В.	*несоучи*	*знаючи*	*ходячи*
Р.-М.	*несоучоу*	*знаючоу*	*ходячоу*
Д.-Т.	*несоучема*	*знаючема*	*ходячема*

Краткие причастия прошедшего времени действительного залога образовывались от глагольных основ инфинитива с помощью суффиксов -**ъш**- и -**въш**-. При этом следует различать два типа образований: а) если основа инфинитива оканчивалась на согласный, то к ней прибавлялся суффикс -**ъш**- (-**ьш**-), например: мужской и средний род *несъ, ведъ* (**ш** при этом в номинативной форме отпадал), в женском роде — *несъши, ведъши*, где **и** — окончание; б) если же основа инфинитива оканчивалась на гласный, тогда к ней прибавлялся суффикс -**въш**-, например: в мужском и среднем роде *писавъ, хваливъ* (**ш** при этом отпадал), в женском роде — *писавъши, хваливъши*. Приведем следующий пример склонения:

Единственное число

	Мужской род		Женский род	
И.	*несъ*	*знавъ*	*несъши*	*знавъши*
Р.	*несъша*	*знавъша*	*несъшѣ*	*знавъшѣ*
Д.	*несъшоу*	*знавъшоу*	*несъши*	*знавъши*
В.	*несъшь*	*знавъшь*	*несъшоу*	*знавъшоу*
Т.	*несъшьмь*	*знавъшьмь*	*несъшею*	*знавъшею*
М.	*несъши*	*знавъши*	*несъши*	*знавъши*

Средний род

И.	*несъ*	*знавъ*
Р.	*несъша*	*знавъша*
Д.	*несъшоу*	*знавъшоу*

Средний род

В.	*несъше*	*знавъше*
Т.	*несъшьмь*	*знавъшьмь*
М.	*несъши*	*знавъши*

Множественное число

	Мужской род		Женский род	
И.	*несъше*	*знавъше*	*несъшѣ*	*знавъшѣ*
Р.	*несъшь*	*знавъшѣ*	*несъшь*	*знавъшь*
Д.	*несъшемъ*	*знавъшемъ*	*несъшамъ*	*знавъшамъ*
В.	*несъшѣ*	*знавъшѣ*	*несъшѣ*	*знавъшѣ*
Т.	*несъши*	*знавъши*	*несъшами*	*знавъшами*
М.	*несъшихъ*	*знавъшихъ*	*несъшахъ*	*знавъшахъ*

Средний род

И.	*несъша*	*знавъша*	В.	*несъша*	*знавъша*
Р.	*несъшь*	*знавъшь*	Т.	*несъши*	*знавъши*
Д.	*несъшемъ*	*знавъшемъ*	М.	*несъшихъ*	*знавъшихъ*

Двойственное число

	Мужской род		Женский род	
И.-В.	*несъша*	*знавъша*	*несъши*	*знавъши*
Р.-М.	*несъшоу*	*знавъшоу*	*несъшоу*	*знавъшоу*
Д.-Т.	*несъшема*	*знавъшема*	*несъшама*	*знавъшама*

Средний род

И.-В.	*несъши*	*знавши*
Р.-М.	*несъшоу*	*знавъшоу*
Д.-Т.	*несъшема*	*знавъшема*

§ 59. Страдательные причастия

Страдательные причастия знаменовали признак предмета, подвергающегося или подвергшегося какому-либо действию. Причастия настоящего времени образовывались от основ глагола настоящего времени с помощью суффикса **-м-** после тематического гласного (**о** после твердого, **е** после мягкого согласного) для I, II, III и V классов; глаголы IV класса при этом сохраняют тему **и**. Ср.: *несомъ, знаѥмъ,* но *любимъ.* Причастия прошедшего времени к основе инфинитива присоединяли суффиксы **-н-** и **-т-**. Ср.: *званъ, видьнъ, оубитъ, обоутъ.*

Несколько примеров из древнерусских документов: *И слю поклонъ тобѣ* отъ ***любима*** *братьца твоего* (грамота на бересте XIV в.); *Коликоу* ***зъванъ*** *боудеши, гостьмь боудь* (грамота на бересте XV в.); *Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое сълнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя* ***прикрыты*** (Слово).

Страдательные причастия обоих времен склонялись по I и II типам склонения твердой разновидности в зависимости от родовых различий. Полные причастия действительного и страдательного залога обоих времен образовывались от соответствующих кратких форм путем присоединения к ним личноуказательных местоимений **и**, **ꙗ**, **ѥ**. Ср.: *ида* + ***и*** → *идаи; несоучи* + **ꙗ** → *несоучиꙗ; писавъ* + **и** + **и** → *писавыи; писавъши* + **ꙗ** → *писавъшиꙗ; любимъ* + **и** + **и** → *любимыи; любима* + **ꙗ** → *любимаꙗ.* Склонялись такие причастия как обычные полные прилагательные.

В отличие от современного русского языка, краткие причастия действительного залога могли употребляться не только в качестве именной части составного сказуемого, но и в атрибутивной функции, согласуясь с определяемым словом в роде, числе и падеже. Воспользуемся следующими примерами: *и **вьникноувъши** змия изъ лъба, оуклюноу и Олега въ ногоу* (Пов. вр. лет); *бѣ бо тогда вода **текоущи** въздолѣ горы Кыевская* (Лавр. лет.); ***Слышавъше** же то князи роустии, поидоша за Днѣпръ* (I Новг. лет.).

§ 60. Образование деепричастных форм

С активизацией процесса образования полных причастий за краткими причастиями закрепляется постоянная предикативная функция. Это и привело к тому, что краткие причастия начали терять систему склонения, а затем категорию рода и числа. Как определение, они перестали согласовываться с соответствующими именными частями речи. Последнее привело к их обособлению в составе предложения. Как глагольные формы, они стали примыкать к глаголу-сказуемому. Так возникли первые деепричастные конструкции. В качестве примера используем отрывок из Лаврентьевской летописи: *Ольга же **поимъши** малы дружины легъко **идущи** приде къ гробу его* (Игоря). В этом предложении причастие *поимъши* лишь формально относится как определение к подлежащему *Ольга,* синтаксически же оно примыкает к сказуемому *приде* и, следовательно, является деепричастной (адвербиальной) формой со значением «взяв».

Непосредственным источником образования деепричастий являются формы именительного падежа кратких причастий действительного залога. Краткие причастия действительного залога настоящего времени мужского и среднего рода дали начало образованию соответствующих деепричастий на **-а**, **-я** несовершенного вида типа *неся, идя;* причастия женского рода на **-учи**, **-ючи** послужили основой для образования деепри-

частных форм типа *играючи, рыдаючи*. Причастия действительного залога прошедшего времени положили начало деепричастиям совершенного вида, таким, как *оувидѣвъ, прочитавъши*.

Разумеется, не все из новообразованных деепричастных форм сразу вошли в литературный язык. Деепричастия на **-учи**, **-ючи**, **-ачи**, **-ячи**, **-ши** и **-вши** более характерны для украинского языка. Ср. укр. формы: *стогнучи, будучи, лежачи, сидячи, нісши, відвідавши*. Однако в русских народных говорах на севере и на юге со всеми этими формами можно встретиться даже в наше время. Принято считать, что процесс образования категории деепричастия, начавшийся еще в древнерусский период (рубеж XIII—XIV вв.), фактически завершился только к концу XVIII в., то есть к периоду образования современного русского литературного языка. В других славянских языках, кроме восточнославянских, деепричастные формы не нашли должного развития.

Вопросы для самопроверки

1. Две основы глагола: основа настоящего времени и основа инфинитива.
2. Классы глагола в древнерусском языке.
3. Глаголы тематического и нетематического спряжений.
4. Общая характеристика системы времен глагола в современном русском и древнерусском языках.
5. Настоящее время в древнерусском языке.
6. Аорист как простая форма прошедшего времени.
7. Имперфект в древнерусском языке.
8. Перфект как сложная форма прошедшего времени.
9. Плюсквамперфект, его образование и употребление.
10. Будущее время в истории русского языка.
11. Повелительное наклонение в древнерусском языке.
12. История форм условного наклонения.
13. Инфинитив и супин в древнерусском языке.
14. Причастие действительного залога в древнерусском языке.
15. Причастие страдательного залога. Образование. Склонение.
16. История деепричастных форм.

Упражнения

1. Проспрягать по-древнерусски в настоящем времени единственного, множественного и двойственного числа следующие глаголы: *идти, съхноути, печи, нести, молотити, ходити дати, вѣрити*.

2. Определить формы глаголов, указав класс, время, наклонение, лицо и число: *придохъ, быша, знаховѣ, граяхоу, читаше, погоубисте, биралъ, юси, даста, погыбоша, створихъ, цѣловатъ, дажь, пияхъ, пишита, поборяховѣ, идоста, мѣрилъ юсмь, неса, звалъ былъ, несите, коупленъ, рече, хваленъ, бяхъ несъ.*

3. Образовать формы перфекта и имперфекта первого лица единственного числа от глаголов: *просити, брати, любити, налѣзти, брести, искати, знати, лити, дрѣмати, мыти.*

4. Образовать формы аориста 1-го и 2-го лица единственного, множественного и двойственного числа от следующих глаголов: *клепати* (обвинять), *болѣти, крыти, дати.*

5. Образовать формы плюсквамперфекта (первого и второго) от глаголов: *вести, мести, кричати, коупити, оугънати, ворочатися, тълкати, смиритися, оуспокоити, поустити, стеречи, тоужити.*

6. Проспрягать во всех лицах и числах в форме повелительного наклонения следующие глаголы: *вести, мочи, молотити, клясти, класти.*

7. Образовать формы 1-го и 3-го лица условного наклонения единственного, множественного и двойственного числа от глаголов: *видѣти, орати, платити, водити, колотити, поустити, потчевати, дѣлити, копити, беречи, косити, наказати, вѣдати, корити, лѣпити.*

8. Образовать древнерусские причастия с суффиксом **-лъ** во всех родах и числах от следующих глаголов: *стеречи, звенѣти, засъхноути, оумерети, вести, мѣтити, пити, оглохноути, дати, волочити, мокноути, рѣшати, скородити, водити, мочи, крьститися.*

9. Образовать краткие причастия действительного залога настоящего и прошедшего времени именительного падежа, единственного числа, мужского, женского и среднего рода: *стонати, коупити, стоюати, писати, мьркноути, ходити, лелѣюати, речи, плакати, ревѣти, стеречи.*

10. Образовать краткие причастия страдательного залога прошедшего времени именительного падежа, единственного числа, мужского, женского и среднего рода: *въскърмити, написати, съжигати, окрасити, освѣтити, оуспокоити, просверлити, взяти, стрѣлити, загадати, оусмирити, просити, оукоусити, очистити.*

11. Дать полный фонетико-этимологический и морфологический анализ глаголов в приведенных отрывках древнерусских текстов:

I

Въ лѣто 6477. Рече Святославъ къ матери своеи и къ болярромъ своимъ: «нелюбо ми юсть въ Киевѣ быти, хочю жити въ Переяславци на Доунаи, яко то юсть середа земли моюи, яко тоу вся благая сходятся...» Рече емоу Вольга: «видиши мя болноу соущю, камо хощеши отъ меня ити; бѣ бо разболѣлася оуже»; рече же юмоу: «погребь мя, или, якоже хочеши». По трьхъ дньхъ оумре Ольга и плакася по неи сынъ ея, и вноуци ея и людье вси плачемь великомь, несоша и погребоша ю на мѣстѣ. И бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны надъ собою... (Повесть временных лет).

II

Въ лѣто 6478. Святославъ посади Ярополка въ Киевѣ, а Ольга в Деревѣхъ. Въ се же время придоша людье ноугородьстии, просяще князя собѣ: «аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ»; и рече къ нимъ Святославъ: «а бы пошелъ кто къ вамъ». И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ; и рече Добрыня: «Просите Володимера»; он же рече имъ: «вото вы есть». И пояша ноугородьци Володимера къ собѣ, и иде Володимеръ съ Добрынею, оуемь своимь Ноугородоу, а Святославъ Переяславьцю (Повесть временных лет).

III

...а мои ти Коуряни свѣдоми къмети, под троубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, коньць копія въскърмлени, поути имъ вѣдоми, яроуги имъ знаюми, лоуци оу нихъ напряжени, тоули отворени, сабли изъострени, сами скачють акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а Князю славѣ. Тогда въстоупи Игорь Князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Сълньце емоу тьмою поуть застоупаше; нощь стоноуши емоу грозою птичь оубоуди... (Слово о полку Игореве).

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Главной коммуникативной единицей языка как системы является предложение. В процессе общения оно представляет собой речевое целое, посредством которого оформляются и выражаются мысли. Синтаксис как наука изучает структуру и характер простого и сложного предложений с точки зрения смысловых и грамматических связей между отдельными компонентами высказывания. Естественно, что морфология и синтаксис как составные части грамматики расширяют и дополняют друг друга. Морфология, как известно, изучает отдельные формы слов в их образовании и значении, синтаксис — в их функциях в составе словосочетания или предложения.

Морфологические особенности древнерусского языка очень выпукло и контрастно находят свое выражение в любой форме простого распространенного или нераспространенного предложений. Отметим их в таком порядке: 1. Употребление двойственного числа в склонении и спряжении. 2. Отсутствие категории одушевленности для большинства существительных, обозначающих живые предметы. 3. Наличие звательной формы имени. 4. Соотношение формы именительного-винительного падежа в склонении существительных. 5. Особые формы и способы выражения подлежащего. 6. Особые формы и способы выражения сказуемого. 7. Употребление конструкций с двойными падежами. 8. Особенности беспредложного и предложного управления.

Поскольку о первых четырех особенностях подробно говорилось в разделе морфологии в связи с изучением категории имени существительного, в данном разделе мы остановимся на всех последующих явлениях, составляющих специфику простого предложения.

Итак, в древнерусском языке простое предложение могло быть распространенным и нераспространенным. В сохранившихся письменных памятниках преобладают конструкции пер-

вого типа. Ср.: *Ольга же повелѣ ископати юмоу великоу и глоубокоу на дворѣ теремстѣмь внѣ града; И заоутра Ольга сѣдящи въ теремѣ посла по гости; И придоша къ нимъ. И понесоша ю въ лодьи; Они же сѣдяхоу въ перегъбѣхъ въ великихъ соустоугахъ гордящеся; И принесоша ю на дворъ къ Ользѣ* (Лавр. лет.)

В древнерусском языке, как и в современном, простые предложения в структурно-типологическом плане подразделялись на двусоставные и односоставные. В двусоставном предложении всегда присутствовали главные члены предложения (подлежащее и сказуемое).

§ 61. Подлежащее

Подлежащее в древнерусском языке выражалось именными или местоименными словами в форме именительного падежа единственного, множественного или двойственного числа. Рассмотрим отдельные случаи. В роли подлежащего: а) имя существительное (собственное): *Тъгда въстоупи **Игорь** князь въ златъ стремень и поѣха по чистомоу полю; **Донъ** тя, княже, кличеть и зоветь на побѣдоу* (Слово); б) имя существительное нарицательное: *Длъго **ночь** мрькнеть; **Заря** свѣтъ запала; **Мъгла** поля покрыла; **Щекоть** славий оуспе, **говоръ** галичь оубудися* (Слово); в) субстантивированное прилагательное или причастие: *А **погании** гоубять землю роусьскоу* (Лавр. лет.); ***Послании** же придоша къ Давидови и рекоша емоу* (там же); *Не даша емоу тоу близь **живоущии*** (там же); *И **оставъшии** бѣгоша въ Володимиръ, а дроузии въ Соуздаль* (Моск. лет).; *Да не посрамимъ землѣ Роусьскиѣ, но ляжемь костьми, **мертвии** бо срама не имоуть* (Лавр. лет.); г) местоимение: *Аже **кто** оубьеть княжя моужа* (Пр. Рус.); ***Азъ** оутро послю по вы; **Вы** же рьцѣте...; **Они** же реша...* (Лавр. лет.); ***Онъ** же разсудивъ коемоуждо ихъ, и отпоусти ихъ въ свояси* (Моск. лет.); как мы могли в этом убедиться, для древнерусского языка характерно редкое употребление местоимений 1-го и 2-го лица в качестве подлежащего. Это объясняется тем, что личные глагольные формы весьма отчетливо передавали грамматическую категорию лица. И все же употребление местоимений 1-го и 2-го лица было обязательным тогда, когда возникала необходимость выделить, специально подчеркнуть действующее лицо. Об этом свидетельствуют приведенные выше примеры; д) словосочетание: ***Та дъва** была посломь оу Ризѣ* (Смол. гр.); *Бяста бо **·в҃· брата** въ лѣсѣхъ* (Лавр. лет.); ***Оба багряная стлъпа** погасоста* (Слово); *Быша* **·г҃· братья**, *юдиномоу имя кии, другомоу щекъ; а третьему хоривъ* (Лавр. лет.);

е) числительное: *Вятичане же реша:* ***Одинъ*** *на насъ стрѣлу стрѣлить, мы князя и княгиню погубимъ* (Уст. лет.); *А дъва лоси,* ***одинъ*** *ногами тъпъталъ, а* ***дроугыи*** *рогама болъ* (Вл. Мон.); ж) в древнерусском языке подлежащее могло выражаться формой звательного падежа имени существительного: *Ох, тътъ мя,* ***враже,*** *улови* (Лавр. лет.) Замена именительного падежа звательным происходила вследствие их близости. Остатки этого явления встречаются и ныне в украинском и белорусском языках. Ср. в украинском языке: *Ой, скаче, скаче* ***молодий козаче,*** *розігрався* ***рою*** *по чистому полю;* ***кучерявий дубе*** *на яр похилився*; в белорусском языке: *Хадзіў* ***Раю; Улане*** *заплакаў; шоў* ***панічку***. В современном русском языке подобных форм нет.

§ 62. Сказуемое

В древнерусском языке сказуемое могло быть простым и составным. П р о с т о е с к а з у е м о е выражалось глагольными формами всех лиц, чисел, времен и наклонений. В роли простого сказуемого мог употребляться: а) глагол настоящего времени: *Се азъ...* ***пишю*** *душевную грамоту, ида в Орду* (Моск. гр.); *На Бѣлѣозерѣ* ***сѣдять*** *весь, а на Ростовском озерѣ меря* (Лавр. лет.); б) глагол будущего времени: *Азъ* ***сложю*** *главу свою за тя* (Пов. вр. лет); ***Полечю,*** *рече, зегзицею по Дунаѥви,* ***омочю*** *бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ,* ***оутру*** *князю кровавыя раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ* (Слово); *Даже которыи князь по моѥмь княжении* ***почнеть хотѣти отъѥти*** *оу стго георгиѥ* (Гр. Мст.); *А Псковичемъ на съездѣ на томь цѣловати крьстъ, кому* ***будеть*** *того товару, чего не отдали* (Моск. гр.); в) глагол прошедшего времени — а о р и с т: ***Бишася*** *день,* ***бишася*** *другыи, третьего дни къ полудню* ***падоша*** *стязи Игоревы. Ту ся брата* ***разлучиста*** *на березѣ быстрои Каялы, ту кровавого вина не доста, ту пиръ* ***докончаша*** *храбрии Русичи; сваты* ***попоиша*** *и сами* ***полегоша*** *за землю Роусьскоую* (Слово); и м п е р ф е к т: *а древляне* ***живяхоу*** *звѣринськимъ образомъ,* ***оубивахоу*** *друг друга,* ***ѥдяхоу*** *вся нечисто, и брака оу нихъ не* ***бываше,*** *но* ***оумыкивахоу*** *оу воды двця...* ***схожахоуся*** *на игрища на плясанье... и тоу* ***оумыкахоу*** *жены собѣ* (Лавр. лет.); п е р ф е к т: *А наши князи* ***добри соуть,*** *иже* ***распасли соуть*** *деревьскоу землю* (Лавр. лет.); *Отче, мои! Что* ***еси пожилъ*** *бес печали свѣтъ самъ?* (Пов. вр. лет); п л ю с к в а м п е р ф е к т: *въ то же время* ***бяше пришьлъ*** *Славята ис Кыѥва къ Володимиру* (Пов. вр. лет); *А что* ***были ѥсмы сдумали*** *поити на*

дядю нашего, то уже тамо не ходи, а поиди сѣмо ко мнѣ (Моск. лет.); г) причастная форма. Специфической особенностью древнерусского языка является употребление в роли сказуемого самостоятельных причастий действительного залога в краткой форме. Сказуемое, выраженное таким причастием, употребляется рядом со сказуемым, выраженным глаголом, и относится к тому же подлежащему. Такое сказуемое принято называть «второстепенным» или «вторым»: ***Слышавше*** *же деревляне яко опять идеть,* ***сдумавше*** *со князем своим Маломь* (Лавр. лет.); *И не послуша ихъ Игорь и* ***вышедше*** *изъ града изъ Корстеня* (там же); ***Приникъши*** *Ольга и рече имъ* (там же); *Си же творяху обычая кривичи, прочии погании, не* ***вѣдуще*** *закона бжіа, но* ***творяще*** *сами собѣ законъ* (там же).

Употребление причастия в значении предиката наравне с глагольным сказуемым объясняется тем, что причастие в древнерусском языке было к глаголу ближе, чем в современном. Предикат такого типа может быть переведен на современный язык обычным глаголом действительного залога или деепричастием (если деепричастие выражает дополнительное или сопутствующее действие), например: ***приникъши*** *Ольга и рече имъ...* (Лавр. лет.). Перевод: а) *наклонилась Ольга и сказала им;* б) *наклонившись, Ольга сказала им...*

§ 63. Составное сказуемое

Составное сказуемое — аналитическая форма предиката. В древнерусском языке, как и в современном, она состояла из предикативной связки и присвязочного слова. Смысловая нагрузка всецело была связана со значением присвязочного слова. Последнее могло быть: а) существительным в именительном падеже; б) существительным в творительном падеже; в) любой другой именной частью речи (прилагательным, причастием, числительным, местоимением); г) наречием. В качестве связки употреблялись полузнаменательные и знаменательные глаголы, в том числе: *быти, стати, учинитися, творитися, мьнитися, наречься, прозватися,* а также краткие формы страдательных причастий типа *поставлен, назначен, прозван, избран* и др. Обратимся к текстуальным данным:

а) присвязочное слово — существительное в именительном падеже: *Рече же князь печенежьскии къ Прѣтичю: «буди ми* ***другъ****»* (Пов. вр. лет); *и присла князь Бориса на вѣчѣ: «Выдадите ми Онанью посадника, или не выдадите, язъ вамъ не* ***князь****!»* (Новг. лет.);

б) присвязочное слово — существительное в творительном падеже: *Отъ грѣховьного бо корени золъ плодъ бываеть,*

понеже бѣ была мати его ***черницею*** (Пов. вр. лет); *Преставися архиепископъ новгородчькыи Семеонъ, бысть* ***владыкою*** *пять лѣтъ и три месяца* (Новг. лет.);

в) присвязочное слово — краткое прилагательное: *Страны* ***ради****, гради* ***весели*** (Слово); *А азъ вдамь ти город, которы ти* ***любъ*** (Моск. лет.);

г) присвязочное слово — причастие: *А мои ти куряни* ***свѣдоми*** *къмети: подъ трубами* ***повити****, подъ шеломы* ***възлелѣяни*** (Слово); *Сынъ его бѣ* ***любимъ*** *и* ***почитаемъ*** *въ градѣхъ* (Девген. деян.);

д) присвязочное слово — числительное: *Полотьскъ, витебскъ* ***одно*** *есть* (Полоцк. гр.); *И боуде присно* ***единои*** *мати твоя* (Девген. деян.);

е) присвязочное слово — местоимение: *И рекоста бо братъ братоу: «Се* ***моѥ****, а то* ***моѤ же****»* (Слово);

ж) присвязочное слово — предикативное наречие: *Игорь плъкы заворачиваеть:* ***жаль*** *бо ѥму мила брата Всеволода* (Слово); *За тотъ ручаи попу* ***не надобе*** (Дв. гр.). Оба примера являются безличными предложениями.

Именительный падеж (существительного, прилагательного, местоимения, причастия, числительного) в роли именной части составного сказуемого принято называть в т о р ы м и м е н и т е л ь н ы м (так как первый именительный в предложении — это подлежащее). Творительный падеж в роли именной части составного сказуемого называется т в о р и т е л ь н ы м п р е д и к а т и в н ы м.

Есть основания полагать, что в составе предиката второй именительный представляет собой изначальную конструкцию. В процессе исторического развития русского языка второй именительный постепенно вытесняется творительным предикативным. Этот процесс во многом зависел от значения и функций предикативной связки. Так, при глаголе *быти* почти всегда употребляется второй именительный. Ср.: *Аще ли обрящутся Роусь,* ***работающе*** *у Грекъ, аще соуть* ***плѣньници*** (Лавр. лет.); *Сеи бо велики князь Мьстиславъ* ***наслѣдникъ*** *бѣ отца своего великого князя Володимира Мономаха* (Моск. лет.); *Бысть языкъ мои* ***трость*** *книжника скорописца* (Мол. Дан. Заточ.).

Творительный предикативный при глаголе *быти* — редкое явление в древнерусском языке. При других глаголах он употребляется значительно чаще. Ср.: *Съгна отця съ престола и самъ* ***царемъ*** *ста* (Новг. лет.); *Поча по миру ходити тако* ***уродом*** *ся творя* (Лавр. лет.); *Приѣха Самсонъ къ митрополиту ставитися* ***владыкою*** (Новг. лет.).

При глаголах называния, обнаружения или выявления чаще употребляется второй именительный. Ср.: *Царь нари-*

цашеся ***Романъ*** *всеми языки* (Ник. лет.); *Видѣвъ его Александръ рекомыи* ***Пересвѣтъ*** (Ск. о Мам. поб.); *Иже именуется* ***Снежная гора****. Отъ него прозвася* ***Хоревица*** (Лавр. лет.). Разумеется, бывают и отступления от общих правил. Ср.: *Прочии прозвашася* ***Роусью*** (Новг. лет.); *И прозвашася инымъ* ***именемъ*** (Воскр. лет.).

К XV в. творительный предикативный получает широкое распространение и постепенно вытесняет второй именительный не только при знаменательных глаголах, но и при связке *быти*.

В современном русском и украинском языках творительный предикативный является преобладающей формой. Более того, он распространяется также на прилагательное, числительное и местоимение.

Творительный предикативный, как правило, вытесняет второй именительный тогда, когда признак, выраженный сказуемым, является не постоянным, а временным. Например: *Бѣ мати его* ***черницею*** (временный признак); *...ста* ***царемъ*** (временный признак); *...буди ми* ***другъ*** (постоянный признак); *и бяше была* ***черницею*** (временный признак) (Пов. вр. лет).

В современном русском и украинском языках второй именительный употребляется, главным образом, при обозначении в сказуемом постоянного признака (ср.: *он* ***русский****)*, хотя строгой последовательности здесь не наблюдается (ср.: *Он был* ***учителем****; он был* ***учитель****)*.

Характерной особенностью именного сказуемого в древнерусском языке является отсутствие в именной части полных форм прилагательных или причастий. Именная часть обычно выражается кратким прилагательным или кратким причастием действительного или страдательного залогов. Об этом свидетельствуют памятники письменности до XV в. Ср.: ***Люба*** *ми есть речь ваша* (Лавр. лет.); *И ихъ слово* ***таково*** (Смол. гр.); *Имъ судъ* ***таковъ*** *былъ* (Яросл. гр.).

Полные прилагательные в функции присвязочного слова в составном сказуемом встречаются в более позднее время. Ср.: *А говорять, что мѣсто* ***дальнее*** *и* ***пустое****, безъ запасу итти не мочно* (Рус. ист. библ.). Более древние употребления, как и следовало полагать, связаны с именительным предикативным. Творительный предикативный от полных прилагательных образуется только в канун национального периода. Ср.: *А се другъ мне* ***тайной*** *былъ, страдалъ за меня (друг был тайный* — второй именительный) (Авв. Житие); *Кто ѥси ты и для чего пришел зде, боудоучи* ***нагимъ*** (творительный предикативный) (Римские деяния); *Хощешь ли впредь* ***целый*** *быти* (второй именительный) (Авв. Житие).

Выражение именной части сказуемого кратким действительным причастием настоящего или прошедшего времени было в древнерусском языке широко распространенным явлением. Причастия настоящего времени на -**учи** (-**ючи**), -**ачи** (-**ячи**), -**ущ** (-**ющ**), -**ащ** (-**ящ**) и причастия прошедшего времени на -**въши**, -**ъши**, -**въ** в роли именной части употреблялись, как правило, со связкой. Ср.: *Послахъ отрокъ свои въ Печеру, люди, яже суть дань* ***дающе*** *Новоугородоу* (Новг. лет.); *И есть цьрки та* ***стоящи*** *въ Корсунѣ градѣ* (Пов. вр. лет.); *Идеже бѣша* ***лежаща*** *кости его и лобъ голъ* (там же); *Бысть Иоанъ* ***крьстя*** *въ пустыни* (Остр. ев.); *Опустѣша села наша и городи наши, быхомъ* ***бѣгаючи*** *прѣдъ врагы нашими* («мы стали беглецами» или «мы стали бегать») (Лавр. лет.).

Краткие причастия действительного залога могли выполнять в предложении две основные функции: а) употребляясь со связкой, они входили в составное сказуемое как именная часть; б) употребляясь без связки, они выступали в роли «второстепенного сказуемого» (или второго сказуемого) [1]. Отличать простое сказуемое от составного необходимо по наличию или отсутствию глагольной связки.

Краткие причастия страдательного залога настоящего или прошедшего времени также довольно часто употреблялись в качестве присвязочного слова. Предикативная связка при этом выражалась глаголом бытия или перемещения в пространстве. Отметим особо следующие примеры:

а) страдательные причастия настоящего времени: *Видѣвъ же Ярославъ* ***побеждаемъ*** *ѥсть и побѣже съ Якуномъ* (Ипат. лет.); *Они же начаша пороки избивати,* ***обличаеми*** *отъ нихъ* (Лавр. лет.); *И* ***оувѣданъ*** *бысть всѣми великыи Антонии и чтимъ* (там же); *Глѣбъ побѣже* ***гонимъ*** *божьимъ гнѣвомъ* (Сузд. лет.).

Такого типа причастные формы были впоследствии вытеснены либо возвратным глаголом (при сохранении страдательного оборота), либо глаголом действительного залога (при замене страдательного оборота действительным). Ср.: *Ярославъ, увидев, что его победили...;*

б) страдательные причастия прошедшего времени: *Не ходи, отець ти умерлъ, а братъ ти* ***оубьенъ*** *на поли брани полка* (Лавр. лет.); *деньги имъ* (мастерам) ***даваны*** *на рукоделье напередъ* (Домострой); *Правда* ***оуставлена*** *Роусьскои земли* (Пр. Рус.).

Страдательные причастия прошедшего времени несовершенного вида (типа *даваны*) в функции сказуемого были

---

[1]. См. об этом более подробно в разделе «Простое сказуемое».

впоследствии заменены действительным оборотом с глаголом (*давали*): *они были допусканы — их допустили; земля была давана — землю давали*.

Страдательные причастия совершенного вида прошедшего времени (*оубьенъ, оуставлена*) в функции сказуемого сохранились и до наших дней, но при этом стали выражать не действие, а скорее — состояние (*убит, уставлен*).

Краткие причастия действительного и страдательного залогов в роли сказуемых в истории русского языка были заменены глагольными формами соответствующего времени уже в национальный период. Сохранились в функции сказуемого только краткие страдательные причастия прошедшего времени совершенного вида.

§ 64. Согласование сказуемого с подлежащим

Главным синтаксическим признаком древнерусского двусоставного предложения является согласование сказуемого с подлежащим. В настоящем, будущем (простом), будущем (втором), аористе и имперфекте — в лице и числе; в преждебудущем и сложных прошедших временах к этому присоединяется еще и категория рода. Ср.: *Ты видиши мя больноу* (Лавр. лет.); *Вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ, медвѣдь ми оу колѣна подъклада оукусилъ, лютый звѣрь вскочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже* (Вл. Мон.). При подлежащем в двойственном числе сказуемое ставится также в двойственном числе. Ср.: *Тоура мя дъва метала на розѣхъ и съ конемъ* (Вл. Мон.); *И сшиста князи Юрьи и Ярославъ съ братью на рѣцѣ Кзѣ* (Моск. лет.).

При подлежащем во множественном числе сказуемое также сохраняет множественное число. Ср.: *Того же лѣта взяша Татарове землю Литовську* (Моск. лет.); *И смятошася люди черезъ все лѣто* (Новг. лет.).

При подлежащем, выраженном собирательным существительным, сказуемое, как правило, выступает в форме множественного числа. Собирательными именами чаще всего были названия городов, поселений, народов, воинских соединений (*вьсь, градъ, воиско, дружина, рать, полкъ*), обобщенные названия людей по социальному или какому-либо другому признаку (*гости — купцы, лавра — монахи, языкъ — народ, полонъ — пленные*). Например: *В се же лѣто рекоша дроужина Игореви* (Лавр. лет.) (*рекоша* — 3-е лицо множественного числа, аорист; *дружина* — единственное число); *И тако рькли чернь* (Устюжск. лет.); *Чернь же не хотѣша дати числа* (Моск.

лет.); *Да вся лавра цернце стго Никълы тутъ были* (Дв. гр.); *Како придуть Латинскыи гость у городъ съ Волока...* (Смол. гр.); *Литва же начаша бродитися по сю сторону* (Новг. лет.); *Корѣла тако же много зла створиша волости ихъ* (там же); *Чюдь же побѣгоша сами вонъ* (там же); *И послаша болгаре вѣсть ко царю, яко идоуть Роусь на Царьградъ* (Лавр. лет.); *Томь же лѣтѣ ходиша вся Роусьска земля на Галиць* (Новг. лет.).

В последующем развитии русского языка этот способ согласования стал заменяться обычным (формальным) согласованием в лице и числе. Замена формы сказуемого множественного числа формой единственного числа происходит по той причине, что множество, заключенное в собирательном имени (Чюдь, Литва, Роусь, Корѣла и др.), понималось всегда как неделимое целое.

Употребление сказуемого в форме единственного числа вначале наблюдается при именах со значением поселений и затем распространяется на сказуемое при подлежащем со значением народа. Ср.: *Откоуда есть пошла роусьская земля* (Лавр. лет.). *А цто о другои грамотѣ Новгородъ говоритъ* (Новг. лет.).

При подлежащем, которое содержит в себе названия группы лиц или какого-либо коллектива, сказуемое могло находиться как в форме единственного, так и в форме множественного числа. Ср. единственное число: *Иде Мьстиславъ съ Новгородьци на Чюдь* (Моск. лет.); *Осени тои ходи князь Всеволодъ Мьстиславичь съ Новгородьци на Ригу* (там же); *Нача же Мьстиславъ съ Володимером укрѣпляти Новгородьци и Смоляны* (там же). Множественное число: *А Кобякъ, Половецькыи князь, съ инъми князи и съ останкомъ Половецъ прибѣгоша* (Моск. лет.); *А Володимиръ со Псковичи и съ Смоляны взяша городъ Костянтинъ и пожгоша и все Поволжье повоеваша* (там же).

§ 65. Конструкции с двойными падежами

В древнерусском языке были широко распространены конструкции с двойными падежами: двойной именительный, двойной винительный, двойной родительный, двойной дательный.

Д в о й н о й и м е н и т е л ь н ы й представлял собой особый тип аналитического (составного) сказуемого, у которого присвязочное слово (именная часть) было выражено номинативной формой существительного. Ср.: *А въ то время былъ въ Литвѣ псковскии Киприянъ намѣстникъ Ладыжкиничь* (Пск. лет.)..

Двойной винительный — это конструкция, состоящая из винительного падежа прямого объекта (первый винительный) и винительного падежа существительного или прилагательного, относящегося к прямому объекту либо в качестве приложения (существительное), либо в качестве определения (прилагательное) — второго винительного; *поставили его* (первый винительный) *старейшину* (второй винительный). Например: *Постави Мефодия епископа въ Паннонии* (Лавр. лет.); *Ярополка князя посадиша Володимерци съ радостью въ городѣ Володимири на столѣ* (Сузд. лет.); *Сына своего примите собѣ князя Всеволода* (Новг. лет.); *Святополкъ поя собѣ жену... дщерь князя Половецькаго* (Ипат. лет.).

Второй винительный постепенно заменяется творительным предикативным имен существительных. Такого типа конструкции являются более новыми. Ср.: *Того же лѣта поставиша Семеона епископомъ Володимерю* (Ипат. лет.); *Князь великии посади Махметемина на Казани царемъ* (Ист. Каз. цар.); *Того же лѣта послаша псковичи посломъ в Великий Новгородъ князя Григория* (Пск. лет.).

В XVII в. второй винительный фактически уже был вытеснен творительным предикативным. Кроме творительного предикативного, на месте второго винительного активно распространяются предложные конструкции типа: а) **за** + винительный падеж; б) **в** + винительный падеж. Ср.: *Князь Великии Василии Васильевичь того не возлюби, и сведе его съ митрополии и за приставы его посади* (ср.: «посади его пристава» или «посади его приставом»,— Пск. лет.); *Государь меня велелъ в протопопы поставить в Юрьевец-Подольской* (ср.: «меня протопопа» или «меня протопопом»,— Авв. Житие).

Второй винительный имен прилагательных — это определение к первому винительному падежу прямого дополнения (*Видѣли суть Володимера нага,* т. е. «увидели Владимира нагим»).

Второй винительный прилагательных также заменяется впоследствии творительным предикативным. Например: *Назвали царицу больною* (Котошихин); *...себя велѣлъ въ лице святымъ звать* (Авв. Житие).

Конструкция двойной родительный употребляется вместо двойного винительного при наличии в предложении отрицания. Ср.: *Не заста отца живого* (Ипат. лет.) (при отсутствии отрицания не была бы конструкция «двойной винительный» — *заста отца жива); Аще ти не жаль отчины своея, ни матери стары суща и дѣтии своихъ* (Лавр. лет.); *Не можемъ своеѣ землѣ пусты оставити* (Ипат. лет.).

Второй родительный при отрицании вытесняется впоследствии творительным предикативным (ср.: *не застал отца живым*).

Двойной дательный мог быть в древнерусском языке двух типов: а) дательный падеж имени существительного (первый дательный) и дательный падеж существительного, являющегося приложением к первому (второй дательный). Такая конструкция двойного дательного сохранилась и в современном русском языке. Например: *Ему* (первый дательный), *выдающемуся ученому* (второй дательный), *мы обязаны многими открытиями;* б) дательный падеж существительного или местоимения (первый дательный), т. е. так называемый дательный субъекта, и дательный падеж существительного или прилагательного (второй дательный), выступающего в роли именной части сказуемого. Таким образом, речь идет о дательном предикативном и дательном приинфинитивном. Ср: *Того же лѣта оскорбишася Новгородьци, глаголюще: «яко быти намъ* (первый дательный) *рабомъ* (второй дательный) *и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его»* (Ник. лет.); *Бысть вода велика в Волховѣ, яко сломану* (второй дательный) *быти мосту великому* (первый дательный) (Новг. лет.).

С XVI в. на месте второго дательного (приинфинитивного) начинает употребляться творительный предикативный: *Азъ, брате, цѣловалъ крестъ на томь Кияномъ, яко быти тебе* (первый дательный) *княземъ* (творительный предикативный) *во правду* (Воскр. лет.); *...подобаеть ти всегда воеводою быти* (Ск. о Мам. поб.).

В функции второго дательного (приинфинитивного) в древнерусском языке употреблялось и прилагательное, и страдательное причастие. Ср.: *Луче есть на своеи земли костью лечи, нежели на чужѣ славноу быти* (Ипат. лет.); *Луце жь потятоу быти, неже полоненоу быти* (Слово).

Второй дательный прилагательных и причастий, так же как и существительных, был впоследствии вытеснен творительным предикативным.

Таким образом, все четыре конструкции с двойными падежами, свойственные синтаксису древнерусского языка, в последующий период вышли из употребления (кроме двойного именительного и первой разновидности двойного дательного). На месте вторых косвенных падежей (винительного, родительного, дательного приинфинитивного) начинает употребляться творительный предикативный. В современном русском и украинском языках он является литературной нормой.

ОСОБЕННОСТИ БЕСПРЕДЛОЖНОГО И ПРЕДЛОЖНОГО УПРАВЛЕНИЯ

§ 66. Беспредложное управление

Как известно, падеж является чисто морфологической категорией, которая определяет именную форму как часть речи, флективно мотивируя ее отношение к другим словам и в первую очередь к предикату. Соединение слов в предложении строго регламентируется падежной системой имен. Количество падежей, как правило, обратно пропорционально количеству значений каждого падежа в отдельности, т. е. чем меньше падежей, тем больше значений у каждого из них. Семантическое обеднение окончаний падежа с избытком возмещается богатством предложных форм.

Замена беспредложности предложностью намечается еще в общеславянский период. Ср.: *Азъ же сѫдѣ гладъмъ гыбнѫ* (Остр. ев.); *И погыбошѧ отъ глада* (там же). В древнерусском языке сплошь и рядом обнаруживаются параллельно беспредложные и предложно-падежные конструкции. Работая над документами XI—XIV вв. и даже более позднего периода, надо четко различать их специфику и значение. Итак, остановимся на отдельных примерах беспредложности.

Родительный падеж

Родительный беспредложный употребляется в следующих значениях:

1. Родительный времени: *Третьего дни к полудню падоша стязи игоревы* (Слово); *Тое же весны болесть кнзю силна* (Лавр. лет.); *Тое же осени падоша Новгородьци* (там же).

В истории русского языка родительный времени был заменен конструкцией «винительный падеж с предлогом». Ср.: *в ту осень; на третий день*. Как пережиток этой конструкции в современном языке продолжает употребляться родительный даты (День Конституции — пятого декабря). В украинском языке родительный времени продолжает употребляться. Ср.: *наступного дня...*

2. Родительный удаления. Употребляется для обозначения предмета, от которого удаляются, отказываются, отступаются. Ср.: *Пищаньци Волчья Хвоста бѣгають* (т. е. от Волчьего Хвоста,— Лавр. лет.); *Мы, сироты, живемъ, свѣту не видаемъ, подворьевъ своихъ бѣгаемъ* (т. е. от своих подворьев,— «Повесть о Ерше Ершовиче»); *Се отхожю свѣта сего* (Лавр. лет.); *Псковъ отлучился Московского государства* (Пск. лет.); *Отвержеся Новгорода* (Новг. лет.).

Беспредложный родительный удаления часто употребляется при глаголах с приставкой **от**. Впоследствии он был заменен предложной конструкцией «родительный с предлогом **от, из**» *(отказался от наследства, уехал из дома)*.

3. Родительный причины: *И ныне плачуся своего неразумения* (т. е. от своего неразумения, по причине своего неразумения,— «Праздник кабацких ярыжек»); *А я отцовскихъ моихъ вотчинъ и ныне живу* (т. е. от отцовских вотчин, их доходами,— «Повесть о Ерше Ершовиче»).

В дальнейшем выражение причины родительным падежом с предлогом **от** развилось как ответвление первоначального родительного удаления.

4. Родительный цели или места достижения при глаголах движения: *Не добро бо ѥсть преступати предела чюжого* (Лавр. лет.); *Яко немощнии и больнии не могоуть долѣсти двора моего* (там же); *Изяславъ же Давидовичь доиде Игорева броду* (Воскр. лет.). Уже в древнюю пору родительный падеж для обозначения места достижения стал употребляться с предлогом **до**: *Всеславъ князь... изъ Киева дорискаше до куръ Тмутороканя* (Слово).

5. Родительный разделительный обозначал целое, от которого отделялась часть. Он употреблялся при местоимениях, существительных, прилагательных, числительных. Ср.: *Кто васъ* (т. е. из вас) *не хочеть добра* (Лавр. лет.); *А кто ся насъ* (т. е. из нас) *осталъ живыхъ* (Новг. лет.); *Друзии бо ихъ* (т. е. из них) *и конину ядяхоу* (там же).

В современных восточнославянских языках данное значение выражается предложной конструкцией «родительный с предлогом **из**» *(кто из вас)*.

Дательный падеж

В древнерусском языке дательный беспредложный имел следующие значения:

1. Дательным принадлежности обозначалось лицо или предмет, которому что-либо принадлежит: *Се имена воеводамъ ихъ* (имена воевод) (Новг. лет.); *Копье лѣте сквозь оуши коневи* (уши коня) (Лавр. лет.).

В современном русском языке значение принадлежности выражается родительным падежом.

2. Дательный места употреблялся при глаголах движения для обозначения пункта, к которому направлено движение (с заходом или без захода в данный пункт). Ср.: *И иде Ростовоу* (Новг. лет.); *И приде Ростовоу* (там же); *пусти дроужину свою домови* (Лавр. лет.). Эта конструкция впоследствии заменяется предложно-падежной формой «дательный с пред-

логом **к** или винительный с предлогом **в**»; в первом случае — при движении без захода в пункт, во втором случае — при движении с заходом в пункт (ср.: *идет к Ростову; идет в Ростов*).

3. Дательный цели обозначал предмет, являющийся целью действия. Ср.: *Хочу пояти дъчерь твою собѣ женѣ* (Лавр. лет.); *Дъчерь его поя женѣ* (там же).

В современном русском языке дательный цели не употребляется, вместо него данное значение выражается или творительным падежом (*взять женою*), или предложной конструкцией «старая форма винительного падежа множественного числа с предлогом **в**» (*взять в жены*).

4. Дательный причины обозначал причину действия: *Ранѣ глоубокои, болести сердечнои причина смерти была есть* (Псковская грамота XVI в.); *Чему къ намъ идеши, поималъ еси все* (Лавр. лет.).

В современном русском языке дательный причины не употребляется.

5. Дательный адресата употребляется для обозначения объекта, к которому направлены мысли, действия или переживания субъекта. Ср.: *Негодовахоуть бо ему* (на него) *Новгородьци* (Новг. лет.); *Обѣщася пещися монастырямъ* (о монастырях) (Лавр. лет.); *Посмѣтся ему* (над ним) (там же); *Надѣяся силѣ своеи* (на силу свою) (там же).

В современном русском языке дательный лица употребляется лишь при некоторых глаголах (*радоваться, улыбаться, нравиться, льстить*).

Винительный падеж

Основные значения винительного беспредложного в древнерусском языке следующие:

1. Винительный места обозначал пункт, к которому направлено движение. Ср.: *Глѣбъ же вниде Черниговъ* (Лавр. лет.); *Подступили Костантинъ градъ* (Ск. Вас.). В национальный период истории русского языка винительный места начал функционировать только с предлогом (*вошел в Чернигов*).

2. Винительный времени обозначал время, неполностью занятое действием. Ср.: *Азъ оутро послю по вы* (Лавр. лет.); *Осень оумре половечьскыи князь* (там же).

Это значение в современном русском языке выражается творительным падежом (*пошлю утром*), который, по существу, дал начало новой адвербиальной форме слова.

3. Винительный объекта обозначал дополнение (прямое или косвенное) при глаголах чувства, мысли, речи. Ср.: *Слышавъ насилье отъ князь* (о насилье) (Новг. лет.); *Полов-*

цы же оуслышавше всю землю Роусьскую идоуще (т. е. что вся земля Русская идет), *бѣжаша за Донъ* (Лавр. лет.); *Пошелъ бѣ Гюрги въ Роусь, слыша смерть Изяславля* (о смерти) (Ипат. лет.). Впоследствии винительный в данном значении (при косвенном дополнении) стал заменяться предложными конструкциями: «местный падеж с предлогом **о** или винительный падеж с предлогом **про**».

4. Винительный п р и ч и н ы употреблялся для выражения предмета, который является причиной данного действия. Ср.: *Оже ли не боудеть кто его мьстя* (кто за него отомстил бы), *то положити за головоу: ·п· грвнѣ* (Пр. Рус.); *Мьщю роусьскоу землю* (за русскую землю) (Лавр. лет.).

На месте винительного беспредложного причины в дальнейшем развивается предложная конструкция «винительный с предлогом **за**».

Т в о р и т е л ь н ы й п а д е ж

Творительный беспредложный в древнерусский период был особенно многозначен. Эта черта, как нам известно, была характерной для многих индоевропейских языков. Рассмотрим следующие случаи:

1. Творительный о р у д и в н ы й как таковой. Ср.: *Да защищатся щиты своими* (щитами своими) (Лавр. лет.); *Давидъ же заложися ночью* (под покровом ночи) *и бежа къ Смоленскоу* (Ипат. лет.); *Аще кто кого ударить батогомъ любо чашею, любо рогомъ, любо тылѣснию то ·ві· грвнѣ* (Пр. Рус.).

2. Творительный в р е м е н и. Ср.: *Приде мартомъ месяцемь* (Новг. лет.). Такого типа конструкции очень рано заменяются соответствующими предложно-падежными формами *(пришел в марте месяце)*. Творительный временной дал начало адвербиальным (наречным) образованиям типа *весной, осенью, днем, вечером* и т. п.

3. Творительный с о п р о в о д и т е л ь н ы й обозначал предмет, сопровождающий другой, основной. Ср.: *Солию и квасомь и водою муку мѣсимъ* (Домострой).

В современном русском языке данное значение выражается творительным падежом с предлогом **с** *(с солью, с квасом, с водою)*.

4. Творительный п р и ч и н ы или о с н о в а н и я. Ср.: *Гониша ихъ бьюче... якоже не мочи на коневи ступити троупиемъ* (нельзя на конях ехать из-за наличия большого количества трупов) (Новг. лет.); *И яко изнемогла гладомъ* (от голода) (там же); *И начаша мрѣти гладомъ* (там же); *Яко нѣлзе бяше поити смрады* (из-за смрада) *никуды же* (там же); *Льстько*

убьенъ бысть... Святополкомъ Одовичемъ совѣтомъ бояръ невѣрныхъ (по совету бояр) (Ипат. лет.).

На месте древнерусского творительного причины в современном русском языке употребляются предложные конструкции.

5. Творительный образа действия представлял собой именную форму, образованную от основы относительных прилагательных на **-ьски**. Ср.: *Бѣ бо умѣя печенежьски* (по-печенежски) (Лавр. лет.); *Живяхоу скотьски...* (ср. *живяхоу звѣриньскимь образомь*) (там же); *Почa выти волчьски и волкъ отвыся емоу* (там же). В современном языке данные именные формы перешли в разряд наречий.

6. Творительный ограничения. Ср.: *Рострига возрастомъ малъ* (Кат.-Рост.); *Очи имея велики черни... возрастомь срѣдоу имѣя, тѣломь изобилень* (Лавр. лет.); *Были обри тѣломь велици и оумомь гърди* (там же).

Творительный ограничения и творительный образа действия в современном русском языке употребляется, главным образом, в разговорно-диалектной речи, хотя с точки зрения структуры такие формы вполне нормативны.

7. Творительный места обозначал путь движения или место, в котором происходит действие. Ср.: *А половьци неготовами дорогами побѣгоша къ Доноу великомоу* (Слово); *Идоша оугри мимо Киевъ горою* (Лавр. лет.); *Да входять въ городъ обѣми вороты* (там же). Творительный места довольно прочно сохраняется и в современных восточнославянских языках.

Местный падеж

Беспредложный местный использовался в древнерусском языке, главным образом, для обозначения места и времени. С локативным значением он фигурирует в названиях населенных пунктов. Ср.: *Пришедъ Изяславъ сѣде Кыевѣ, Святославъ Черниговѣ, Всеволодъ Переяславли, Вячеславъ Смольньскѣ* (Лавр. лет.).

В дальнейшем развивается предложное управление этого падежа для обозначения места *(в Киеве, в Чернигове* и т. д.).

Для обозначения времени он также использовался в названиях слов, указывающих на определенные отрезки времени. Ср.: *Томь же лѣтѣ Ярополкъ приведе Всеволода Мьстиславича изъ Новгорода* (Ипат. лет.); *Идоша веснѣ на половьци* (Лавр. лет.); *Приѣхавъ ночи противу свѣту къ Кыеву* (там же).

Со временем местный беспредложный выходит из употребления. Для обозначения времени стала употребляться предложная конструкция с предлогом **в**. Ср.: *в то лето* или творительный падеж *тем летом.*

Замена беспредложности предложностью в русском и других славянских языках знаменует новый этап в развитии именного склонения на пути к аналитизму и дальнейшим качественным преобразованиям в области стилистического синтаксиса.

§ 67. Предложное управление

Значительная часть древнерусских предлогов отличалась от современных не столько своей фонетической характеристикой, сколько спецификой падежного управления. Почти все так называемые первичные (исконные) предлоги в структурно-синтаксическом плане могли повторяться при однородности и неоднородности членов предложения, создавая при этом особую речевую ситуацию.

1. Семантика и функции некоторых древнерусских предлогов.

Предлог *противоу* употреблялся с родительным и дательным падежами. Ср.: *Изиде* ***противоу*** *оця своего* (Лавр. лет.) — с родительным падежом; *Рѣша грьци: мы недоужи* ***противоу*** *вамъ стати* (там же) — с дательным падежом. В канун национального периода рассматриваемый предлог утрачивает способность управления дательным падежом, меняется и его фонетический «облик». Ср. совр.: *Мы — против войны.*

Предлоги *възлѣ, подлѣ, мимо* употреблялись в древнерусском языке с винительным и родительным падежами. Например, с винительным падежом: *И воевода нача Святополчь, ѣздя* ***възлѣ*** *берегъ, укоряти Новгородьцѣ* (Лавр. лет.) *Отъ моря* ***подлѣ*** *реку Иордань* (Хож. иг. Дан.); *Загорѣся на княжи двори* ***подлѣ*** *Немечькои дворъ* (Новг. лет.); *Увороти коня направо* ***мимо*** *глѣбовъ дворъ* (там же). С родительным падежом: *А ободъ тое земли по сей грамотѣ от Медвѣжьи головы отъ ручья* ***возлѣ*** *рѣки въ верхъ по Вѣшѣрѣ* (Пам. ист. Вел. Новг.); *Поидоша къ Кыеву и сташа* ***подлѣ*** *Лыбеди* (Ипат. лет.); *Идучи же отъ тои Софии* ***мимо*** *столповъ Юстиниановыхъ и мимо малыхъ трехъ и* ***мимо*** *святого Федора, на гору поидти великою улицею царевымъ путемъ* (Хожд. Ст. Новг.).

В современном употреблении указанные предлоги управляют исключительно родительным падежом. Разумеется, в древнерусском языке некоторая часть предлогов несколько отличалась от современных и по своей семантике (значению). Так, например, предлог *о (объ)*, управляя местным падежом, имел ярко выраженное локальное (пространственное) значение. Ср.: *Стоялъ* ***объ*** *рѣкѣ Окѣ* (около реки,— Пск. лет.); *Видѣвъ же Фараонъ погна по нихъ, сынови же Израилеви преидоша по*

суху, яко излѣзоша на брѣгъ и сътупися море ***о*** *Фараонѣ и* ***о*** *воихъ его* (позади фараона и его воинов,— Лавр. лет.). В современном обиходе этот предлог в локальном значении почти не регистрируется.

Предлог *по* в древнерусском языке употреблялся в том значении, в котором в настоящее время употребляется предлог *за.* Ср.: *Кончакъ поручи ся по свата Игоря* (за свата Игоря,— Ипат. лет.); *Тотъ бо не вдадяше Мьстиславу въстати ратью* ***по*** *Ярославѣ* (за Ярослава,— там же). Употребление предлога *по* в подобном значении в современном языке не регистрируется.

Предлог *про* среди многих других мог функционировать в причинно-обстоятельственных конструкциях. Ср.: *А что, княже; гнѣвъ будеть на Владыку... то ти, княже, нелюбие отложити, а* ***про*** *Дмитрея* ***про*** *Тарасова не мьщатись ни судомъ, ничимъ же* (за Дмитрия Тарасова не мстить,— Пам. ист. Вел. Новг.); *Аже Латинскии усхочеть ехати изъ Смольнеска своимь товаромь,* ***въ*** *ину сторону,* ***про*** *то его князю не дьржати* (из-за этого его не держать, т. е. не задерживать,— Смол. гр.). Такое значение предлога *про* в современном обиходе не встречается.

Наконец, предлог *в* с местным падежом употреблялся для обозначения среды или обстановки, в которой происходило действие или находились интересующие нас лица. Ср.: *Боудоущю же ему* ***въ*** *Половьцѣхъ* (Ипат. лет.); *... есть и* ***въ*** *Роуси и* ***въ*** *болгарѣхъ* (Лавр. лет.).

В наше время вместо предлога *в* в подобных конструкциях функционирует предлог *у.* В украинском языке такого различия не существует. Ср.: *був* ***у*** *батьків; жила* ***в*** *розкошах і достатку.*

2. Повторение предлогов.

Повторение предлогов в древнерусском языке в атрибутивных конструкциях при названии лиц по имени и отчеству и вообще при однородных членах предложения — черта, присущая разговорно-бытовой речи. Весьма часто регистрируются такого типа конструкции и в народно-поэтическом языке.

В обычном определении: *И приде ко Царюградоу* ***въ*** *силѣ* ***въ*** *велицѣ* (Лавр. лет.); *Изяславъ Мьстиславичь пошелъ* ***къ*** *Киеву, а Давидовичи* ***съ*** *Ростиславомъ Мьстиславовичемъ* ***съ*** *Смоленьскимъ хотять ити по тобѣ* (Моск. лет.); *И ту срѣте его сынъ его Ярославъ* ***съ*** *бояры* ***съ*** *Новгородьскыми* (там же).

В приложениях: *И не прияша его Новгородьци, нъ путь ему показаша* ***съ*** *сыномъ* ***съ*** *Святославомъ* (Новг. лет.); *И бысть*

имъ бои и сѣча зла у города у Суздаля (Уст. лет.); *Поиде же князь Ингварь Ингоревичь* **на** *реку* **на** *Воронежь* (Пов. о Ряз.).

При имени и отчестве: *Послаша* **по** *Ярослава* **по** *Всеволодовица* (Новг. лет.); *Дщерь же отда* **за** *Шварна* **за** *Даниловича* (Ипат. лет.); *Тои же зимѣ посла...* **на** *Мьстислава* **на** *Изяславича* (там же); *Того же лѣта женился князъ Володимиръ* **у** *князя* **у** *Олгирда* **у** *Гедеминовичя* **у** *Литовьского понял дщерь Елену* (Уст. лет.).

При однородных членах предложения: *А поидуть на насъ Литва, или* **на** *Смоленьского* **на** *князя* **на** *Великого, или* **на** *кого,* **на** *нашю братью,* **на** *князеи, намъ ся ихъ боронити* (Моск. гр.); *Половьци же идуть* **отъ** *Дона и* **отъ** *моря и* **отъ** *всѣхъ странъ* (Слово).

Заметим попутно, что для древнерусского языка было характерно также повторение сочинительных союзов: *Да емлють хлѣбъ* **и** *вино* **и** *мясо* **и** *рыбы* **и** *овощемъ* (Лавр. лет.); *Велить послушати земли незнаемѣ Влъзь* **и** *Поморию* **и** *Посулию* **и** *Сурожу* **и** *Корсуню* **и** *тебѣ Тьмутороканьскыи блъванъ* (Слово). Какова же судьба этого явления? В современном литературном обиходе повторение предлогов не регистрируется, повторение однородных союзов регламентируется законами стиля.

Употребление именительного падежа вместо винительного при инфинитиве

Весьма примечательной синтаксической особенностью древнерусского простого предложения является конструкция, состоящая из инфинитива и находящегося при нем прямого дополнения в форме именительного падежа. Ср.: *А князю продажа не взяти* (Пс. суд. гр.); *Ино туто ему и управа дати* (Рус.-Лив. акты); *А десятина и пошлина своя вѣдати по старинѣ* (Новг. лет.); *Дабы знала, како моука сѣяти* (Домострой).

Под влиянием существительных женского рода на **-ā** (-jā) подобная форма дополнения начинает распространяться и на существительные женского рода с основой на **-ĭ** (**-ь**): *казнь, запись, таль, дань* и др. Например: *А та запись Натальи подрати* (Дв. гр.).

Эта конструкция распространена преимущественно в памятниках северорусского происхождения, поэтому предполагают, что она является диалектной чертой древнего новгородского и других северных говоров. В XVI—XVII вв. рассматриваемый оборот довольно часто фигурирует и в памятниках московской деловой письменности. В современном русском языке он продолжает сохраняться в северорусских говорах.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 68. Сочинительные и подчинительные конструкции

Как известно, сложным предложением принято считать такую коммуникативную единицу, которая состоит из двух или нескольких самостоятельных или зависимых между собой предложений, объединенных единством структуры, смысла и интонации. Факт существования в древнерусском языке сравнительно развитой системы сочинения и подчинения не подлежит сомнению. Разумеется, современное понятие границ самостоятельных или подчинительно-зависимых предложений в отношении древнерусского, как и старославянского, текста не всегда будет правильным. Дело в том, что союзы и союзные слова в древнерусском языке раннего периода были представлены незначительным количеством лексем, главным образом сочинительного назначения. Ведущую роль в сочинении и подчинении предложений занимали порядок слов и интонация. Сложные конструкции часто представляли собой нанизывание относительно самостоятельных простых или сложных предложений.

Из наиболее древних и универсальных по значению союзов и частиц на границах предложений употреблялись служебные слова типа *и, а, да, но, бо, или, любо, же* и др. Ср.: *тои же осени мъного зъла сѧ сътвори; поби мразъ обилье по волости, а на тържькоу вьсе чело бысть; и заꙗ кънѧзь вьршь* (Новг. лет.). *И налѣзоша быкъ великъ и сильнъ; и повелѣ раздражнити быка; и възложиша на нь желѣза горяча. и быка поустиша; и побѣже быкъ мимо и* (Лавр. лет.).

Сложносочиненное предложение представляло собой классический образец нанизывания простых самостоятельных предложений в одно синтаксическое целое с помощью указанных выше союзов или без них. Приведем примеры союзного сочинения: *А тоутъ есть индѣиская страна; и люди ходять нази вьсѣ, а голова не покрыта, а гроуди голи, а волосы въ одьноу косоу сплетены, а моужи и жены вьсѣ черни...* (Хож. Аф. Н.); *Не бѣ бо въ немь* (Чернигове) *тогда князя, послали бо бяхоу по сына Святославля по Ольга, а дроужина княжа сѣдяхоу по городамъ, а княгыни бяше съ прочими дѣтьми въ недооумѣнии; а товара бѣ мьножьство оу неѣ; вбрьзѣ, да бы емоу оупрѣдити передо Ольгомъ* (Моск. лет.).

Не менее активно употребляются в древнерусский период и бессоюзные конструкции. Ср.: *Комони ржоуть за Соулою, звенить слава въ Кыевѣ, троубы троубять въ Новѣгородѣ, стоять стязи въ Поутивлѣ. Игорь ждеть мила брата Вьсево-*

лода (Слово). На определенном этапе еще в дописьменный период в древнерусском языке возникает подчинение с помощью так называемых производных, или вторичных, союзов. Бессоюзное подчинение и подчинение с помощью паратактических (сочинительных) союзов, по-видимому, существовало еще в общеславянский период. Ср. такие конструкции: *И оузърѣ и печенѣзинъ, посмѣялсѧ, бѣ бо середьнии тѣломь* (Лавр. лет.); *Къто биѥть дроуга дѣревъмь, а боудѣте синь, любо кръвавъ, полоуторы гривьны серебра платити емоу* (Договорная грамота 1229 г.). Наиболее распространенными производными подчинительными союзами в древнерусском языке были: *яко, оже, аче* (старославянский вариант *аще*), а позднее союз *что*. Союз *яко* был в полном смысле слова универсальным. С его помощью к главному присоединялись придаточные предложения: а) определительные: *И не вѣдалъ ѥсть отьца и матери, яко померли соуть* (Лавр. лет.); б) изъяснительные: *Повѣдаша Свѧтославоу, ꙗко придоша грьци съ поклономь* (Лавр. лет.); в) временные: *ꙗко приде, повелѣ коумиры ниспроврѣщи* (Лавр. лет.); г) целевые: *Хотя погоубити безбожныя сыны Измаиловы, ꙗко да отомьстять кръвь крьстьяньскоу* (Новг. лет.); д) следствия: *И потомь наиде дъжгъ, ꙗко не видихомъ ясна дьни ни до зимы* (Новг. лет.). Наконец, сравнительные обороты типа *а поганого Кобяка изъ лоукоу моря... ꙗко вихрь выторже* (Слово).

Система средств подчинения в древнерусском языке была очень несовершенной. Например, сочинительный союз *а* мог употребляться и в сложноподчиненном предложении с придаточным условия (*а* в значении «если»): *А вынесуть тобѣ изъ Орды княжение великое, нам ѥси князь великии* (Новг. лет.); *А холопъ или половникъ забѣжить въ тферьскую волость, а тѣхъ княже выдавати* (там же).

В древнерусском языке, кроме указанных, были известны также подчинительные союзы: *аже, оже, еже, иже, якобы, чтобы, абы, дабы, коли, дондеже, неже, занє, хоть, идеже, где, иде, куда, которыи, любо, или, ли, то, бо (ибо)* и др. Приведем следующие примеры:

Аже будеть тягота мнѣ отъ Андрѣя, вамъ потянути со мною (Новг. лет.); *Отверзенѣ бо ему бѣста... очи сердечнѣи, оже пещися* (чтобы печься) *церковьными вещьми и клирики* (Лавр. лет.); *Азъ того хощю, еже... пострадати* (чтобы пострадать) (Воскр. лет.); *пѣснь пояше старому Ярославоу, храбромоу Мстиславоу, иже зарѣза* (который зарезал) *Редедю прѣдъ плъкы касожьскыми* (Слово); *Да те же изменники возмутили народъ, якобы и насъ убити* (Переписка Ивана Грозного с Курбским); *Крестъ къ нему цѣловаша, что его не выпустити* (Пск. лет.); *А пишу вамъ се слово того дѣля, чтобы не перстала*

память родителии нашихъ (Дух. Сим.); *А дщерь повелелъ въ живыхъ оставити, дабы лѣпоты ѥя насладитися, ѥже и бысть цѣлъ* (Ипат. лет.); *Луце ж бы потяту быти, неже полонену быти* (Слово); *Всеволодъ же въсхотѣ мира ихъ, брань бо славна лучьши мира лестна* (Моск. лет.); *И слѣзъ* (Олег) *съ коня своего, хотя взяти главу коня своего — сухую кость и лъбзати ю, понеже съжалися по конѣ своемъ* (Уст. лет.); *Ажь оубьеть моужь моужа, то мьстити братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучадоу...* (Пр. Рус.); *Выгнаша Новгородьци князя Дмитрея Александровича, сдоумавше съ посадникомь Михаиломь, зане князь еще малъ бяше* (Новг. лет.).

§ 69. Дательный самостоятельный

Конструкция «дательный самостоятельный» была свойственна древнерусскому книжному языку. Поскольку она отсутствовала в живой разговорной речи (о чем свидетельствуют данные древнерусских грамот), ее считают заимствованной из старославянского языка. Дательный самостоятельный представлял собой оборот с двойным дательным падежом, из которых один дательный — имя существительное или местоимение, а второй дательный — причастие настоящего или прошедшего времени.

Такого типа оборот по своему значению приравнивался к целому предложению. Дательный падеж имени существительного или местоимения был эквивалентен подлежащему предложения, а дательный падеж причастия — сказуемому. Кроме двух дательных падежей, в этом обороте могли находиться и второстепенные члены предложения, зависимые от имени или причастия. Ср.: *И бывшю молчанью, и рече Володимер...* (первый вариант перевода: Когда наступило молчанье, Владимир сказал..., второй вариант перевода: Было молчанье, и Владимир сказал...) (Лавр. лет.); *Пришедшю ми в Ладогу, повѣдаша ми Ладожане, яко сѐ ѥсть* (перевод: Когда я пришел в Ладогу...) (Лавр. лет.).

Дательный самостоятельный мог иметь значение придаточных предложений в сложноподчиненном предложении, а также выступать в роли главного предложения в сложноподчиненном. Кроме того, он мог иметь значение самостоятельного предложения в сложносочиненной конструкции. Обратимся к конкретным примерам с дательным самостоятельным: а) в значении придаточного предложения времени: *Идущю же ему вспять, размысливъ, рече дружинѣ своеи* (Лавр. лет.); *И помолившюся ѥму възлеже на одрѣ своемь* (Пов. вр. лет);

б) в значении придаточного предложения причины: *И начаста* (Святополк и Владимир) *гнѣвъ имѣти на Ольга, яко не шедшю кєму съ нима на поганыя* (потому что не пошел с ними...) (Пов. вр. лет); *Онѣмъ же* (половцам) *пакостящемъ людемъ, людие же сбѣгоша въ городъ* (так как половцы вредили людям, люди сбежались в город) (Моск. лет.);

в) в значении придаточного изъяснительного: *Всемь зрящимъ бывшю солнцу месяцемъ* (Все видели, что солнце стало месяцем) (Лавр. лет.). В данном предложении и главное и придаточное изъяснительное выражены дательным самостоятельным;

г) в значении главного предложения в сложноподчиненном: *Половци же начаша воевати около Чернигова, Ольгови не возбраняющю, бѣ бо самь повелѣлъ имъ воевати* (Олег не возбранял, так как сам приказал им воевать) (Пов. вр. лет);

д) в значении самостоятельного предложения в составе сложного: *А Ондрѣєви не могущу противустати ихъ, а отъ братьи не быстьему помощи* (Моск. лет.); *Бысть знамение въ солнци предъ обѣднею; чисту сущу небу, внезапу померче солнце, яко на час* (Новг. лет.); *Ольгови обѣщавшюся ити къ брату своему Давидови Смольньскому, и прити съ братомь своимь Кыеву и обрядъ положити, и не всхотѣ сего Олегъ створити* (Пов. вр. лет);

е) в значении простого самостоятельного предложения: *Володимеру же съ вои стоящу въ бору* (Владимир с войском стоял в бору) (Гал.-Вол. лет); *Оному же рекшю: «Пий!»* (Тот же сказал: «Пей!») (Пов. вр. лет); *Оному же испившю* (Тот же выпил) (там же).

Вопросы для самопроверки

1. Какие способы выражения подлежащего были характерны для древнерусского языка?

2. Простое сказуемое и способы его выражения в древнерусском языке.

3. Составное именное сказуемое в древнерусском языке. Глагольные формы, употреблявшиеся в роли связок. Способы выражения именной части составного сказуемого.

4. Какую падежную форму могли иметь склоняемые слова, выступающие в качестве именной части составного сказуемого?

5. Судьба именительного предикативного и творительного предикативного в истории русского языка.

6. Согласование сказуемого с подлежащим. Форма сказуемого при подлежащем собирательном имени.

7. Какие конструкции с двойными падежами были распространены в древнерусском языке?

8. Дальнейшая судьба конструкций с двойными падежами.

9. Особенности беспредложного управления. Основные значения родительного, дательного, творительного, местного, винительного падежей.

10. Особенности предложного управления в древнерусском языке:

а) употребление предлогов с различными падежами;

б) повторение предлогов.

11. Конструкция «дательный самостоятельный», ее состав и значение.

12. Второстепенное сказуемое и способы его выражения в древнерусском языке.

Упражнения

Произвести синтаксический разбор предложений. Указать на своеобразие предложно-падежных и союзно-подчинительных конструкций.

Се бѣ два сокола слѣтѣста съ отня злата стола (Слово); *Писана* (грамота) *въ нашемъ государствѣ, въ нашемъ градѣ Москеѣ* (Моск. гр.). *А мнози оубьени быша тоу* (Лавр. лет.); *И яко приближися къ рѣцѣ, свергъ порты, соуноуся въ Днепръ и побреде. Видивше же печенѣзи, оустремишася на нь, стреляюще его, и не могоша емоу ничто же створити. Они же вибѣзъше съ оноя страны, и приѣхаша въ лодьи противоу ѥмоу* (Пов. вр. лет); *Оже оу меня женишь сына своего князя Ивана, а дамь за него дщерь свою княжноу Марью, и азъ тебѣ боудоу помощникъ* (Уст. лет.); *А приказываю тобѣ, сыноу своемоу Семеноу, братью твою молодшоую и княгыню свою съ меньшими дѣтьми, по бозѣ ты имъ боудешь начальникъ* (Дух. Ив. Кал.). *Князи же видивше половци идоуче прочь, поидоша отъ Чернигова* (Ипат. лет.); *Половци же оуслышаша всю землю Роусьскоую идоущоу бежаша за Донъ* (Моск. лет.). *Рече емоу Вольга: «Видиши мя больноу соущю, камо хощеши отъ мене ити»* (Пов. вр. лет); *Ярославоу же соущоу Новѣгородѣ, и оурокомъ дающю Кыевоу дъвѣ тысячѣ гривенъ отъ года до года, а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздавахоу* (там же).

ТЕКСТЫ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ

Текст 1

Изборник Святослава 1076 г.

(Отрывок)

Слово нѣкоѥго (калоу) гера о чьтии къnигъ [1]

Добро (ѥс)ть братиѥ поч(ьт)ан(ь)ѥ книж(ьн)оѥ: паче вьсѧкомоу хрьстьꙗн(оу) блаж(ен)и бо р(ече): испытаюштии съвѣдѣ(ниꙗ ѥ)го вьсѣмь срд(ць)мь възишт(ють ѥго чь)то бо рече испыт(аюш)те и съвѣдѣниꙗ ѥго ѥгда чьтеши книгы не тъшти сѧ бързо иштисти до дроугыꙗ главизны нъ поразоумѣи чьто глють книгы и словеса та и тришьды обраштѧ ꙗ сѧ о ѥдинои главизнѣ рече бо въ сьрдьци моѥмь съкрыхъ словеса твоꙗ да не съгрѣшѫ тебѣ... и поразоумѣваꙗ оубо истиньнѣ писаниꙗ правимъ ѥсть ими рекоу же оузда коневи правитель ѥсть и въздьржаниѥ правѣдьникоу же книгы ·:·

Текст 2

Договорная грамота
Смоленского князя Мстислава Давидовича
с Ригой и Готским берегом 1229 г.

(Отрывок)

Что сѧ дѣѥтѣ по вѣремьнемь. то ѿидето по вѣрьмьнемь· приказано боудѣде добрымъ людѣмъ. а любо грамотою оутвѣрдѧть. како то боудѣте всемъ вѣдомъ. или кто послѣ живыи ѡстанѣть сѧ того лѣт коли алъбрахтъ. влдка ризкий оумьрлъ. ꙋздоумалъ кнѧзѣ смольнескыи. мьстиславъ. двдвъ снъ. прислалѣ въ ригоу своѥго лоучьшего попа ѥрьмеꙗ. и съ нимь оумьна моужа пантельꙗ и своѥго горда смольнеска. та два была послъмъ оу ризѣ. из ригы ѥхали на гочкыи берьго. тамо

[1] Взятое в скобки представляет собой часть текста, восстановленную лингвистами-историками при изучении памятника. Изучением и восстановлением стершихся мест памятника занимались Ф. И. Буслаев, А. Х. Востоков, И. И. Срезневский и др.

твердити миръ ·:·. оутвьрдили миръ что былъ немирно. промьжю смольньска. и ригы. и готскымь берьгомь. всемъ коупчемъ. Про сеи миръ троудили сѧ дъбрии людиѥ. Ролфо. ис кашелѧ биж҇ дворѧнинъ. тоумаше смолнѧнинъ. аж бы миро былъ и дъ вѣка. оурѧдили пакъ миръ. како бы҇ о любо рꙋси. и всѣмоу латинескомоу ꙗзыкоу. кто то оу роусе гостить ·:·

Текст 3

«Русская Правда» по Новгородской Кормчей 1282 г.

(Отрывок)

Соудъ ꙗрославль Володимирица

Правда роусьскаꙗ. ажь оубьѥть моужь моужа. то мьстити братоу брата. любо оцю любо сноу. любо браточадоу. любо братню снви. оже ли не боудеть кто ѥго мьстѧ. то положити за головоу ·п· грвнъ. аче боудеть кнѧжь моужь. или тивоуна кнѧжѧ. аче ли боудеть роусинъ любо гридь. любо коупець. любо тивоунъ боꙗрескъ. любо мечникъ. любо изгои. любо словенинъ. то ·м· грвнъ положити за нь ·:· По ꙗрославѣ же пакы съвъкоупивъше сѧ снве ѥго. изѧславъ. стославъ. всеволодъ. и моужи ихъ кънѧчько. перенѣгъ. никифоръ. и ѿложиша оубиѥниѥ за голову. нъ коунами сѧ выкоупати. а ино все ꙗко же ꙗрославъ соудилъ. тако же и снве ѥго оуставиша.

о оубиистьѣ. Аже кто оубиѥть кнѧжѧ моужа. въ разбои. а головника не ищють то вирьвноую платити. въ чьѥи же вьрви голова лежить. то ·п· грвнъ паки людинъ. то сорокъ гривенъ. Котораꙗ ли вьрвь. начнеть платити дикую виру. колико лѣтъ за то платять виноу, занеже безъ головника имъ платити. Будеть ли головникъ ихъ въ вьрви. то и зане к нимъ прикладывають. того дѣля імъ помагати головнику. любо дикоую вироу. нъ сплатити имъ въбчи сорокъ грвнъ.

Текст 4

Новгородская первая летопись младшего извода

(Отрывок)

Въ лѣто 6485. Поиде Ярополкъ на Олга, брата своего, на Деревьскую землю. изиде противу ему Олегъ, и вполцистася, и сразившамся полкома, и побѣди Ярополкъ Олга. И побѣгошю

Олгу с вои своими во градъ, рекомыи Вруцѣи, и бѣаше мостъ чресъ греблю ко вратомъ граднымъ, и тѣснящеся, другъ друга спихаху съ моста въ греблю. и сопьхнуша Олга с мосту въ дебрь, и падаху людие на нь мнози, удавиша и конѣ и человѣци. И вшедъ Ярополкъ въ градъ Олговъ, и прия власть его, и посла искати брата своего, искавъше его, не обрѣтоша. И рче единъ Древлянинъ: «азъ видѣхъ вчера, яко сопьхнуша его съ моста». И посла Ярополкъ искати, и влачиша трупье изъ греблѣ отъ утра до полудни, и налѣзоша Олга выcподѣ подъ трупиемъ, изнесше, положиша и на коврѣ. И прииде Ярополкъ надъ него, и плакася зѣло, и рече Свѣньлдоу: «яжь се ты сего хотяше». И пакы погребоша его на мѣстѣ у града, зовомаго Вручьяго, есть могыла его и до сего дне у Вручьяго града. И прия власть его Ярополкъ. Бѣ бо у Ярополка жена грькинѣ, бяше была прежде черницею, юже бѣ привелъ отець его Святославъ, и вдасть ю за Ярополка красы ради лица ея. Слыша же се Володимиръ въ Новѣгородѣ, яко уби Ярополкъ Олга, и убоявъся бѣжа за море. А Ярополкъ посади посадникы въ Новѣгородѣ, и бѣ владѣя единъ въ Руси.

Текст 5

Житие протопопа Аввакума

(Отрывок)

Рожденіе же мое в Нижегороцкихъ предѣлахъ, за Кудмою рекою, в селѣ Григоровѣ. Отецъ ми бысть священникъ Петръ, мати — Марія, инока Марфа. Отець же мой прилежаше питія хмельнова, мати же моя постьница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху божію. Азъ же нѣкогда видѣвъ у сосѣда скотину умерщу, и той нощи, возставше, предъ образомъ плакався доволно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть, и с тѣхъ мѣстъ обыкохъ по вся нощи молитися. Потомъ мати моя овдовѣла, а я осиротѣлъ молодъ, и от своихъ соплеменникъ во изгнаніи быхомъ. Изволила мати меня женить. Азъ же пресвятѣй богородице молихся, да дасть ми жену помощницу ко спасенію. И в томъ же селѣ девица, сиротина жъ, безпрестанно обыкла ходить во церковь,— имя ей Анастасія. Отецъ ея былъ кузнецъ, именемъ Марко, богатъ гораздо, а егда умре, послѣ ево вся истощилось. Она же в скудости живяше и моляшеся богу, даже сочетается за меня совокупленіемъ брачнымъ, и бысть, по воли божіи, тако. Азъ же от изгнанія преселихся во ино мѣсто. Рукоположенъ во діаконы двадесяти лѣтъ з годомъ, и по дву лѣтехъ в попы поставленъ, живый в

гопѣхъ осмъ лѣтъ, и потомъ совершенъ в протопопы православными епископы,— тому двадесеть лѣтъ минуло, и всего тридесять лѣтъ какъ имѣю священъство.

Текст 6

Домострой

(Отрывок)

Какъ избнаѧ парадна оустроити хорошо и чисто

Столъ и блюда и ставцы и лошки и всѧкіе сȣды и ковши и братены, воды согрьвъ из ȣтра перемыти и вытерьти и высȣшить, а после ѡбѣда тако же и вечере а ведра и ночвы и квашни и корыта и сита и решета и горшки и кȣвшины и корчаги також всегды вымыти, и выскресть, и вытерть и высȣшити и положити в чистомъ мѣсте, где бȣдуть пригоже быти всегда бы всѧкіе сȣды и всѧкаѧ порадна вымыто и чисто бы было а по лавке и по дворȣ и по хоромамъ сȣды не волочилисѧ бы а ставцы и блюда и братены и ковши и лошки по лавке не валѧлисѧ бы гдѣ оустроено быти в чистомъ мѣстѣ лежало бы ѡпрокинȣто ницъ а в какомъ сȣдие што ества или питие и то бы покрыто было чистоты ради и всякіе сȣды сь ествою или с питіемъ или с водою, іли квашнѧ ростворить всегды бы...

ПРИЛОЖЕНИЕ

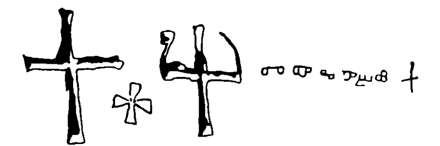

Рис. 1

Одна из самых древних кириллических и глаголических надписей, сохранившаяся на стене Симеоновской церкви в Преславле. Датируется 893 г.

Надпись на каменном надгробии болгарского царя Самуила в Македонии. Выполнена в 993 г.

Рис. 2

Рис. 3

Глиняная амфора-корчага с протокириллической надписью «горушна» — горчичная или «горухча» — горючее, нефть. Обнаружена в 1949 г. археологической экспедицией под руководством профессора Д. А. Авдусина в Гнездовском кургане под Смоленском.

Надпись произведена не позже начала X в.

Рис. 4

Тмутороканская надпись. Одна из немногих датированных древнерусских надписей. Выполнена на беломраморной плите в 1068 г. Текст: «Въ лѣто 6576 Глѣбъ кнАзь мѣрилъ море по ледоу отъ Тьмоутороканѧ до Кърчева ·І· и ·д· саженъ». Камень с надписью хранится в Эрмитаже.

Рис. 5

Надписи XI—XII вв. на шиферных пряслицах, принадлежащих определенным лицам: «Потворин прАсльнь», «Лолин прАсленъ», «Мартынъ», «Иулиана», «кнАжо есть», «невесточь» и др.

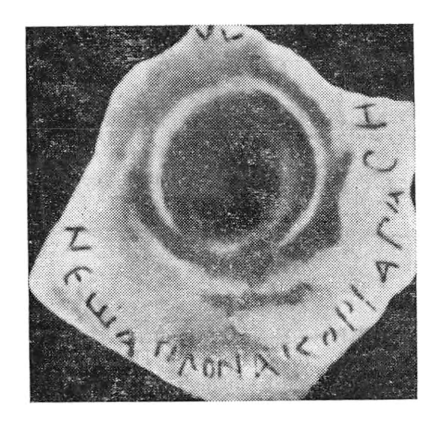

Рис. 6

Надпись киевского мастера-гончара на глиняной амфоре-корчаге XI в.: «Благодатнеша плона корчага сиА».

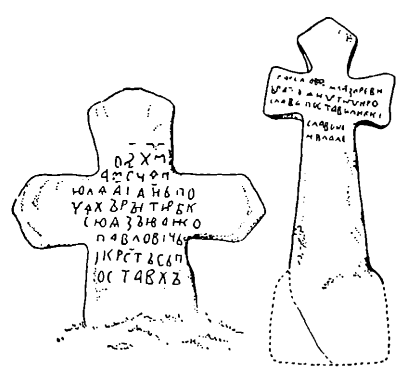

Рис. 7

Надписи на каменных крестах: поставленном в верховьях Волги в 1133 г. (слева); поставленном на р. Мсте. Текст первого: «В лѣто 6641 мѣсѦца нюлѦ 11 дьнь почѦхъ рыти рѣкоу сю іазь Иванко Павловіць і крьсть сь поставихъ». Текст второго: «Мироу славоу и Лазареви братьѦ и мати Мирослава поставили крьстъ. Славьне дѣлале».

Надписи XII в. на донцах новгородских серебряных сосудов, сделанные мастерами Братилой и Костой. Текст первый: «Господи, помози рабоу своемоу Фълорови. Братило дѣлалъ». Текст второй: «Господи, помози рабоу своемоу КостѦнътиноу. Коста дѣлалъ. Аминь».

Рис. 8

Рис.9

Грамота на бересте «от Жизномира к Микуле», XI в. Из раскопок А. В. Арциховского в Новгороде в 1954 г. Подлинный текст грамоты: «Грамота от Жизномира къ Микоуле. Коупилъ еси робоу Плѣскове. А ныне мѦ въ томь для кънѦгыни. А ныне сѦ дроужина по мѦ пороучила. А ныне ка посъли къ томоу моужеви грамотоу, ели оу него роба. А се ти хочоу, коне коупивъ и кънѦжь моужь въсадивъ, та на съводы. А ты, атче еси не възалъ коунъ техъ, а не емли ничьтоже оу него».

Серебряный оклад Мстиславова евангелия, около 1115 г.

Рис. 10

Рис. 11

Лист с заставкой из Изборника Святослава за 1073 г. Изборники Святослава 1073—1076 гг. представляют собой списки более древних старославянских текстов. Изборник Святослава 1073 г., хранящийся в московском Историческом музее, является переводом греческого текста. Перевод сделан был на Руси и посвящался великому князю Святославу Ярославичу. Не исключено, что автор-переписчик пользовался параллельным древнеболгарским текстом времен Симеона.

ПАКЪІѦЖЕВЪЗГРАДИША
ꙖКОЖЕБОПОСРЕДѢОУГЛИ
НОГНЬНЫИХЪХОДАШТА
АГО·ѤДИНОГОБАѤСТЬ·Ѥ
ЖЕСЪХРАНИТИѤГОБЕЗВЕ
РЕДА·
ИСКВОЗѢТЬРНИѤНВЛЪЧЬ
ЧѢПРОХОДАШТААГОСЪБ
ЛЮСТИНЕѬЗВЬНА·ИПРИ
БЛИЖАЮШТААГОСАСВИ
НЬѬХЪКАЛЬНАХЪСПСТИ
БЕСКВЬРНЬНА·ТАКОЖЕЕ
ДИНОѬДЕСНИЦАѤСТЬ·Ѥ

Рис. 12

Лист из Изборника Святослава 1076 г. Документ хранится в ленинградской Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Рис. 13

Лист с заставкой из Остромирова евангелия 1056—1057 гг. Остромирово евангелие — самая древняя восточнославянская книга. Написана дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромира. В старославянском тексте книги наличествуют и в графике, и в лексике, и в грамматике следы живой древнерусской речи. Книга хранится в ленинградской Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Лист с заставкой из Архангельского евангелия 1092 г. Памятник обнаружен в прошлом веке на родине М. В. Ломоносова. Текст написан на пергаменте двумя почерками. Заставки и инициалы разрисованы киноварью. Книга хранится в библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве.

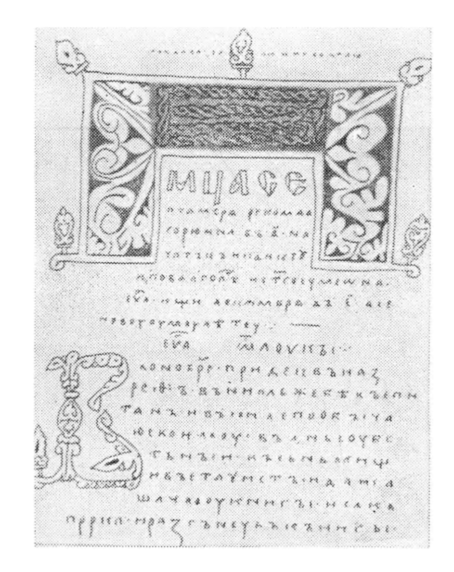

Рис. 14

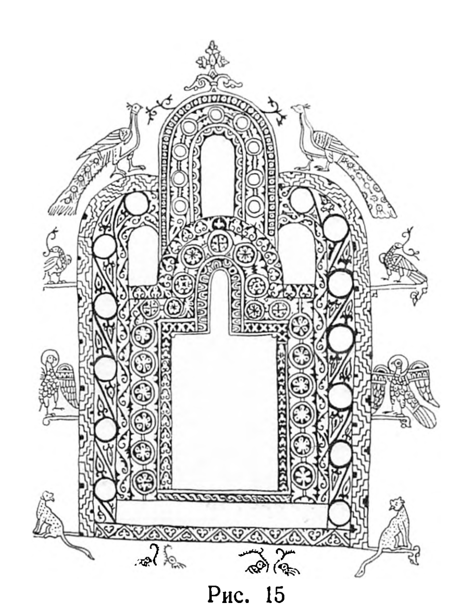
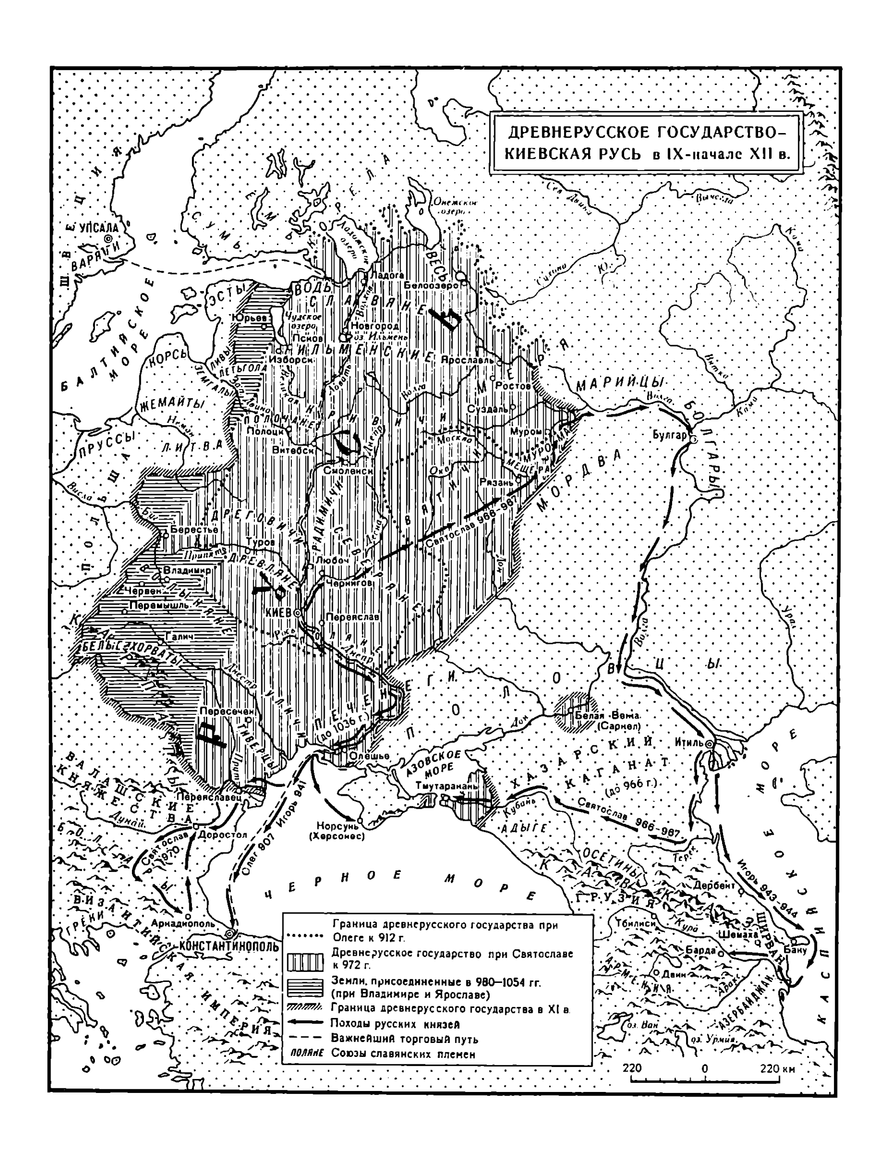
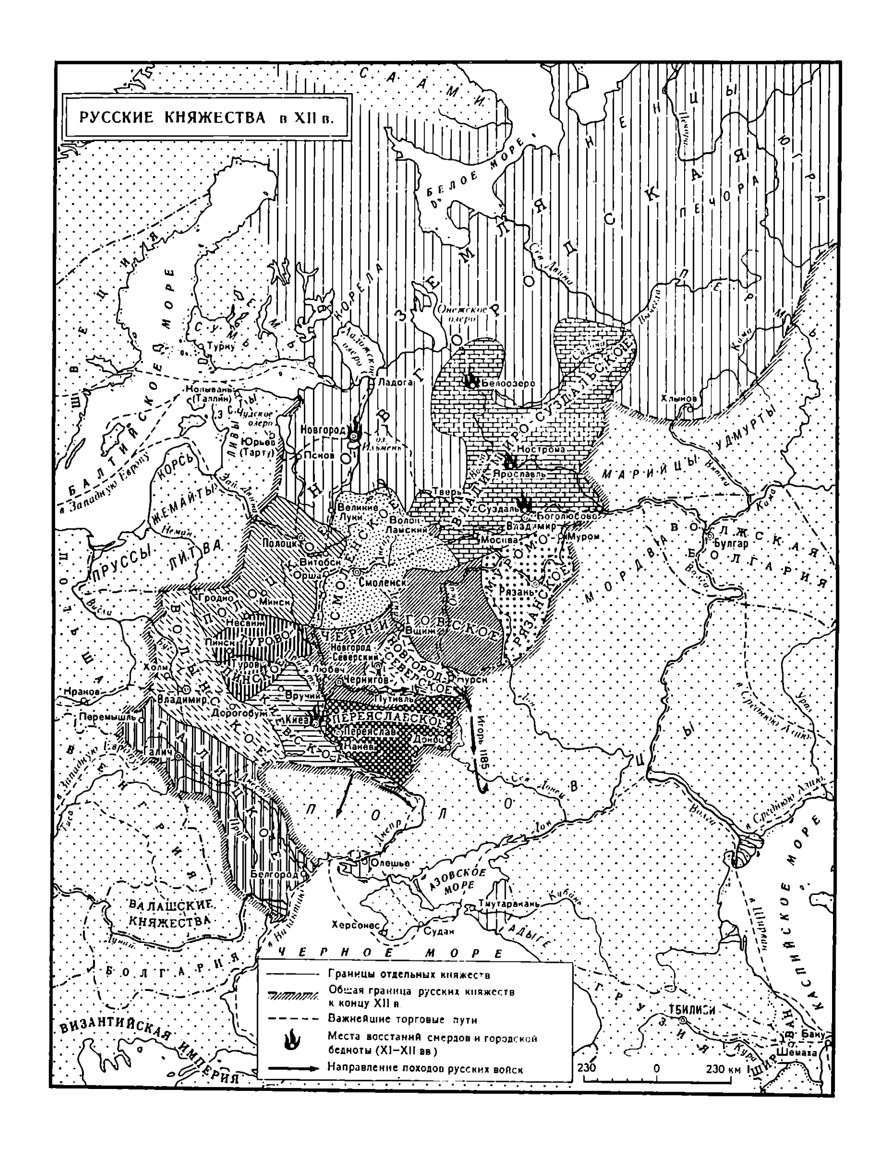

Рис. 15

Лист с заставкой из Юрьевского евангелия, 1119—1128 гг. Особый интерес представляет орнаментика книги. Заглавные буквы отражают сценки из сказочных и мифологических сюжетов, из жизни зверей и птиц.

ДРЕВНЕРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО–
КИЕВСКАЯ РУСЬ в IX-начале XII в.
Граница древнерусского государства при Олеге к 912 г.
Древнерусское государство при Святославе к 972 г.
Земли, присоединенные в 980–1054 гг. (при Владимире и Ярославе)
Граница древнерусского государства в XI в.
Походы русских князей
Важнейший торговый путь
ПОЛЯНЕ Союзы славянских племен
220 0 220 км
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
УПСАЛА
ВАРЯГИ
Ладога
Белоозеро
Новгород
Псков
Изборск
Юрьев
Ярославль
Ростов
Суздаль
Муром
Полоцк
Витебск
Смоленск
Рязань
Берестье
Туров
Любеч
Чернигов
Владимир
Червен
Перемышль
КИЕВ
Переяслав
Галич
Пересечен
Олешье
Переяславец
Доростол
Аркадиополь
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
Норсунь (Херсонес)
Тмутаракань
Белая Вежа (Сарнел)
Итиль
Булгар
Дербент
Шемаха
Баку
Тбилиси
Барда
Двин
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Святослав 966-967
Святослав 966-967
Святослав 970
Олег 907
Игорь 941
Игорь 943-944
(до 1036 г.)
(до 966 г.)
МАРИЙЦЫ
МОРДВА
ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ
АДЫГЕ
ОСЕТИНЫ
ГРУЗИЯ
ШИРВАН
АЗЕРБАЙДЖАН
ПРУССЫ
ЖЕМАЙТЫ
ЛИТВА
КОРСЬ
ЗЕМГАЛЫ
ЭСТЫ
ВОДЬ
ВЕСЬ
ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
ВАЛАШСКИЕ КНЯЖЕСТВА

РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА в XII в.
Границы отдельных княжеств
Общая граница русских княжеств к концу XII в.
Важнейшие торговые пути
Места восстаний смердов и городской бедноты (XI–XII вв)
Направление походов русских войск
230 0 230 км
БЕЛОЕ МОРЕ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Новгород
Псков
Ладога
Белоозеро
Кострома
Ярославль
Тверь
Суздаль
Боголюбово
Владимир
Москва
Муром
Рязань
Полоцк
Витебск
Орша
Смоленск
Минск
Гродно
Несвиж
Пинск
Туров
Любеч
Чернигов
Путивль
Курск
Вщиж
Новгород Северский
Киев
Переяслав
Канев
Донец
Вручий
Дорогобуж
Владимир
Холм
Перемышль
Галич
Белгород
Олешье
Херсонес
Судан
Тмутаракань
Тбилиси
Баку
Шемаха
Булгар
Хлынов
Турку
Колывань (Таллин)
Юрьев (Тарту)
Великие Луки
Волок Ламский
Краков
ИГОРЬ 1185
ПРУССЫ
ЛИТВА
ЖЕМАЙТЫ
КОРСЬ
ЛИВЫ
ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ
МОРДВА
МАРИЙЦЫ
УДМУРТЫ
ВЕНГРИЯ
ВАЛАШСКИЕ КНЯЖЕСТВА
БОЛГАРИЯ
ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
ГРУЗИЯ
АДЫГЕ
ПЕРЕЯСЛАВСКОЕ
РЯЗАНСКОЕ
МУРОМО
СМОЛЕНСКОЕ
ЧЕРНИГОВСКОЕ
НОВГОРОД-СЕВЕРСКОЕ
ВОЛЫНСКОЕ
ГАЛИЦКОЕ
КИЕВСКОЕ
ПОЛОЦКОЕ
ПОЛОВЦЫ
ПЕРМЬ
ПЕЧОРА
КОРЕЛА
СУМЬ
ЕМЬ
ЮГРА
в Западную Европу
в Среднюю Азию
Онежское озеро
Ладожское озеро
оз. Ильмень
Чудское озеро

ДРЕВНЕРУССКИЙ СЛОВАРЬ-МИНИМУМ [1]

А

абіє — тотчас, вдруг
абы, абыхъ — если бы, чтобы
аже (союз) — 1) что; 2) если же; 3) даже
акы — как, как бы
амо — куда
ано — напротив
аркучи — причастная форма от **речи,** с прибавлением гласной **а.** Ср. южнорусск. *аржаной, алняной*
ать — да, дабы, пусть
аще (аче) — если, когда.

Б

багряница — одежда красного цвета
байданъ — род кафтана, украшенного нашивками
бебрянъ — бобровый
безлѣпица — нелепость; **лѣпота** — красота, убранство
лѣпотный — приличный
безнарядье — упущение
беспрѣстани — все время
берчатый — узорчатый (о ткани)
бесерменинъ — магометанин
биричь — глашатай
бисеръ — жемчуг, перлы
бо — ибо
бологo — благо, добро
болонь — долина вдоль реки; углубление между двумя оборонительными валами
борзо — быстро
боронь — оборона; передовой отряд
бости, боль — бодать, бодал
брань — битва
братина — сосуд для питья
брехати — лаять (как собака)
боуесть — 1) отвага; 2) глупость
боухонъ — хлеб (главным образом белый)
бчелка — боченок (с медом, вином)
бѣль, бѣлка — мелкая серебряная монета

В

вапь — краска; **вапить** — красить; **вапьница** — доска для растирания красок
вборьзѣ — вскорости
всльми — весьма, очень
вереженъ — раненый
верещати — визжать, кричать
веремя — время
виноград — сад
внѣоудоу — снаружи
вои — воины
вонный — наружный
въсхищати — похищать, украсть
врѣтище — одежда из грубой ткани
вскоую — зачем, для чего
въвадитися — повадиться
възбивати — обращать в бегство, тревожить
въздоль — вдоль
въспять — назад
въсрожити — делать суровым, жестоким, ожесточать
всямокачьнъ — одинаков
вѣщий — умный, красноречивый, предсказательный, чародей

[1] См.: Смирновский П. Пособие по изучению русской словесности. М., 1909.

Г

глаголъ — слово, речь
глоумотворьць — смехотворец
гобьзити — делать плодородным
говѣйно — постливо
гоголь — утка, дичь
година — время, час
годитися — случиться, прийти вовремя
годъ — время вообще
голоубьникь — голубятня
гораздъ — искусный, знающий
горнець — горшок, глиняный сосуд
гость — купец
граяти (гракати) — каркать
гривьна — деньги, долг, украшение
гридьница, гридьня — комната, где находились гриди (младшие по званию княжеские воины, в отличие от **мужей и бояр** — заслуженных, старших по званию и чину)
грясти — идти
гоудьць — музыкант, играющий на струнном инструменте
гоужь: гоужить — петля в хомуте, место для оглобли

Д

дерюга — толстая ткань
дьсница — правая рука
дивь — 1) чудо, диво; 2) название зловещей птицы «оудодь»
дондеже — пока
допровадити — довести
дрань — мука крупного размола
доумьный бояринъ, доумьць — советник князя
дѣлю — для
дѣтель — дело, действие
дѣтьскъ — детский, малыш, просто ребенок

Е

единою — однажды, как-то
еже — что, если, когда
елико — сколько
емля — от глагола **брать**
епитемья — церковное наказание

Ж

жалощи — жалость
жальникъ — могила
жаровый — рослый, буйный
желя — плач, причитание
жесткий — упругий, крепкий, сильный
животъ — 1) жизнь, 2) имение, 3) домашний скот
жиръ — богатство, изобилие. Могут быть и переносные значения: **жирна печаль** — великая печаль; **жирня времена** — счастливые времена; **жировати** — отдыхать, шутить, быть довольным собой
жюполъ, жюпелъ — сера

З

забрало (заборoло) — забор, стена, башня, защитное устройство
загоноути — загадать
задьница — наследство
зазирати — упрекать, порицать
заложитися — 1) принять кабальное обязательство; 2) посвятить себя кому-то, чему-то
замарьный пискъ — звук, издаваемый дудкой, флейтой и т. п.
замоуравити — зарасти травой
зане — ибо, потому
заранie — рассвет
зарядъ — обязательство, обещание (как правило, письменное)
зелие — овощ, лекарство, порох
зегзица — кукушка
зернь — игра в кости
зима — холод, **зимно** — холодно
зобати — клевать
зороокъ — близорукий, больной глазами
зычьнъ — крикливый, речист
зѣло — очень

И

избытокъ — излишество
избыти — избавиться от чего-то
изгребье — охлопья от пеньки или льна, кострика
излиха — лишнее, множество
изодѣтися — запастись одеждой, оружием
изостатися — 1) остаться без всего; 2) уединиться
изоумѣти — научиться чему-либо
имати — брать
индѣ — в ином месте
ино — то, так, итак
ирiй — теплынь

ископыть — 1) вывих ноги у лошади; 2) ком земли из-под копыт лошади
искусити — испытать
искоупъ — выкуп
искусъ — испытание
испровръщи — повергнуть в прах, разрушить
истобъка, истьба — домашний очаг, изба. В Начальной летописи — баня

К

казити — портить, отсюда «искажать»
калига — высокий башмак, заморская обувь
калика — странник, паломник, нищий, слепец
кало — помет
калогеръ — монах, отшельник, инок
камчатый — сделан из шелковой ткани с разводами
капище — языческий храм; **капь** — идол
каптана — зимняя повозка, фургон
катапетазма — алтарная завеса
квартарь — кварта (мера жидкости)
керста, корста — холм
киноварь — химический состав из ртути и серы, дающий краску красного цвета
кичири — морковь
клекътъ — орлиный крик
клѣть — комната, где хранится имущество
клѣщити — истязать, мучить
клирикъ — церковнослужитель
кляпца — приспособление для ловли птиц
къметь — воин, дружинник
кнѣсь — верхняя перекладина на крыше
княжичь — сын князя
кобь — гадание на приметах
кожоухъ — шуба, кожаная одежда
коло — колесо; **кола** — телега
колымага — карета, но с двумя оглоблями вместо дышла
комара (камара) — собрание. Отсюда **камарилья** в уничижительном значении
комонь — конь (высокостильное)
кормилецъ (пѣстоунъ) — воспитатель
корчага — глиняный сосуд, амфора
косица — висок
косящатое окно — состоящее из косяков; угольчатое
кощей — раб, пленник
кравчій — царедворец, ведающий винными погребами, ключник
крамола — 1) мятеж; 2) коварство; 3) война
кречетъ — птица соколиной породы
кринъ — лилия
кромѣ — в стороне; как предлог — в значении **без**
крѣсити — воскрешать
крякъ — корявый пень
кисляжь — кизил
коудесникъ — чародей, ворожбит, гадатель
коуна — куний мех, лоскутки которого употреблялись в качестве разменной монеты; деньги вообще
коуръ — петух
кыкати — лебединый крик

Л

лагодити — увлекаться кем-то или чем-то
ладо — муж; **лада** — жена
ладный — милый
ласкосердіе — любовное увлечение
ласкосердьць — сластолюбец
лихъ — лишний
ловище — заповедное место, где разводили дичь, рыбу, домашних животных
ловь — охота
лозіе — прутья, лоза
локъть — мера длины
лоубенъ — лубочный
лоукоморье — морской берег с изгибом; **лукавьство** — переносное значение; криводушие и т. п.
лоутъ — лыко, мочало
лычьница — лапоть
льзѣ — можно
лѣпо — хорошо, прилично
лѣтникъ — легкая одежда, которую носили женщины под верхним платьем
лѣто — год
любезнивъ — пристрастен
лядина — поляна, поросшая молодым лесом; запущенное поле

М

матерь, матерой — дородный, крепкий, плотный. Отсюда **материк,** в отличие от водного пространства. **Матера вдова** — в летах, почтенная. Современное «матерый бандит» — переносное значение
матерѣти —становиться сильным, возмужалым
мьнѣти — думать
мовь — омовение, баня
моклокъ — кость
мотви — силки для ловли птиц
моусія — мозаика
моутьнь сънъ — тревожный сон
мъска — вьючное животное (мул)
мыльня — баня
мытарь — сборщик налогов

Н

набьдѣти — снабжать
надьмѣніе — дуть, надувать меха, раздувать огонь
надѣлокъ — часть имущества после раздела
наказаніе — наставление
налоушенъ — место, куда вкладывают лук
налѣзти — найти
нарокъ — определенное время, срок
нарочитъ — знаменитый, важный
нарядъ — порядок. Ср. **нарядъ въ домоу** (домашний порядок)
насадъ — плоскодонное судно
нахвальщикъ — хвалько, гордец, поверхностный человек
неблазный — непорочный, чистый
невѣгласъ — невежда
негли — авось, либо; быть может; неужели
недѣля — воскресенье
неже — нежели
неключимый — негодный, бесполезный
нелюбіе — досада, раздор, недовольство
нетопырь — летучая мышь
неоумытный — неподкупный
ничати — падать духом; переживать
ногата — мелкая монета. **Куна** имела 4 ногаты
ноли, нольно — даже
нѣговати — нежить, лелеять

О

обаполы — по обе стороны
обаче — однако, впрочем
обжа — оглобля у сохи
обличникъ — обличитель
обьярь — шелковая ткань с волнистым отливом
ово-ово — то-то
овогда — иногда
одебелѣти — огрубеть
одръ — 1) постель, ложе; 2) постоянное местожительство
оже — ежели, когда; что, потому что
оксамитъ — атласная парча
оле — междометие **о!**
ольно — даже, а, пока
онамо — туда
онъдѣ — там
опако — назад
оправливати — чинить суд и расправу
опять — назад
ороудье — инструмент
особѣ — особо
остоуда — охлаждение в чувствах
отрокъ — 1) подчиненный непосредственно княжеской власти; 2) младший по званию дружинник; 3) прислуга, раб
отрѣвати — отталкивать
отрядити — отпустить
отьнь, отьній — отцовский
охабитися — отклониться в сторону

П

пабѣдье — время до обеда
паволока — 1) шелковая ткань; 2) покрывало
пакы — опять, еще
палъ — место в лесу, подготовленное для будущего поля или застройки
паполома — покрывало
папорзи — металлические пластинки, которые предохраняли грудь воина от стрел и копий
пардоусъ — барс; рысь
паче — еще
пашоуться — развеваются
перевѣсище — 1) место, где был **перевѣсь** (княжеские весы для взвешивания товаров); 2) сети для ловли птиц

переклюкати — перехитрить
перестрѣлъ — пространство, пролетаемое стрелой. В условиях битвы — мера длины по прямой
перечесъ — чесотка
пьрси — грудь
плищь — шум, гам, суматоха
переверзывати — привязывать, подвязывать
поверстати — уровнять
поганинъ — язычник
погнѣтати — придавливать, вставлять, вводить
подколѣнный — подвластный
подлыгатися — с помощью обмана войти в доверие
подобный — достойный
подсумокъ — сумка через плечо
подъкладъ — потник под седлом
пожрѣти — пожертвовать
поклепьць — доносчик, клеветник
покляпый — сплюснутый, кривой
поленица — витязь, герой или героиня
полкъ — 1) войско, толпа, народ; 2) поход; 3) бой, битва
понеже — потому что
поникноути — нагнуться
поохритатися — погневаться, подосадовать
поприще — мера длины, расстояние
породьнъ — райский
порось — роса
портище — кусок ткани
порты — одежда
порѣвати — толкать, ниспровергать
порядня — хозяйство дома, двора
поскѣпати — расколоть, расщепить
послоухъ — свидетель
послѣди — после
пособь — помощь
поставъ ткани — кусок ткани
посѣденые — посаженые отец и мать
потка — птица
потроучатися — притупиться
потщатися — постараться
потятоу быти — быть убитым чем-то острым
прѣвабляти — переманивать
прѣдътеча — предшественник
прѣкладати — переводить (книги)
прѣльсть — обман, соблазн
прѣтъргноутъ конь — лошадь, потерявшая силу, надорвавшаяся
прѣщенiе — угроза, укоризна
привѣчати — приветствовать
прикладъ — барыш
приполъ — пола
припѣшати — 1) стать пешим; 2) быть усталым
прирещи — добавить что-то к сказанному раньше
присно — всегда
присный — всегдашний, истинный
приспа — земляная насыпь (ср. укр. *призьба*)
пристроити — приготовить
пристоужати — докучать просьбами
присѣтити — посетить
причинитися — принарядиться
прокъ — остаток. Отсюда **прочий, простъ** — простой. Антонимом ему было слово *добръ* (знатен, именит)
пря — ссора, распря, тяжба
поутины — оковы, цепи
поуща — густой лес, чаща

Р

работьникъ — в древности — раб; **работа** — рабство. Начиная с XVIII в.— работные люди, позже — мастеровые. В середине XIX в.— рабочие
развѣ — кроме
разорати — распахать
рака — гробница
рало — соха, плуг
раменье — место, где растет строевой лес
рамяно — очень, сильно
рассоутисѧ — рассеяться
ратай (вм. оратай) — пахарь
ратитися — вступать в бой. Современное **ратовать** — переносное значение
резана — денежная единица
ристати — рыскать, метаться
романея — настойка на виноградном вине
ропать — капище, кумирница
роубъ — рубище
рыдванъ — дорожная карета
рѣзоимець — ростовщик
рѣнь — песчаная отмель
рябъ — рябчик

С

свара — ссора
сверстати — свести счеты, сравняться
свѣтычь — фонарь
седмица — неделя
середа — середина, центр
сечиво — топор
сице — так; таким образом. Ср. лат. *sic* (так!)
скатьнъ — круглый
скважьня — скважина
спора — невычиненная шкура зверя; мягкая рухлядь
скоупь — собрание, совет
скоуфья — высокая шапка
смердъ — человек низкого сословия, полузакабаленный крестьянин
сморци — смерчи
соловый — лощадь, имеющая гриву и хвост белого цвета. Остальное — светло-желтой окраски
солъ — посол
сопѣло — свирель
соромъ — 1) честь женщины; 2) личная обида; 3) позор
сорокоустъ — молитва на поминках
сповѣдати — рассказать истинную правду
съпѫдъ — мера зернового хлеба и других сыпучих тел, сосуд
сроубъ — деревянный каркас дома без крыши
ставець — глиняная или деревянная чашка с крышкой
становище — населенный пункт, хутор, село, лагерь
стафидь — изюм
стопа — 1) ступня, 2) след. Ср.: *идти по стопам отца*; 3) мера длины; 4) серебряный большой стакан; 4) куча, ворох, нагромождение; 6) мера бумаги; 7) стопа в стихах
сторожевой полкъ — авангард
строужіе — копье
стрѣха — крыша
стоужати — надоедать
стѧ ъ — знамя, хоругвь
стрый — дядя по отцу
соулица — острая часть копья
сѫстѫгъ (соустоугъ) — металлический зажим, застежка, булавка; как украшение — металлический щиток на цепочке
сыновьць — племянник со стороны брата
сыскъ — розыск, расследование
сыта — разведенный водой мед
сыть — еда. «Волчья сыть» — переносное: жадность
сѣмо — сюда
сѣдѣти — проживать, находиться

Т

тать — вор, злодей
тафья — шапочка
таче — также
текотъ — звук, воспроизводимый дятлом
терликъ — длинная одежда с короткими рукавами и перехватом на поясе
тети — резать, бить. Ср. укр. *відтяти*
тивоунъ — судья низшей инстанции
товаръ — обоз, военный лагерь
токмо — только
токъ — гладкая поверхность, на которой производится обмолот хлеба
толмачь — переводчик
торокъ; торока — обшивка седла, кафтана, шубы
троскотати — трещать
тростіе — тростник
троудьнъ — горестный, тяжелый
трѫдъ — болезнь, горе, печаль
трызна — поминки. В языческие времена чередовались с военными и спортивными играми
трясца — лихорадка
тоуга — тоска, печаль, скорбь
тоулъ — колчан для стрел
тоуръ — дикий или одомашненный вол
тоутьнѣти — издавать звук, греметь
тысяцкий — представитель военной и гражданской власти на селе

У

оуброусъ — полотенце
оувозъ — перевоз на реке
оудробитися — испугаться, оробеть
оудъ — часть тела (рука, нога)
оу́же — веревка
оузорочье — 1) драгоценность; 2) вышитое платье с серебряными и золотыми пластинками

оуй — дядя по матери
оукроухъ — ломоть хлеба
оумоудити — замедлить
оунеинъ (оуньць) — нищий, попрошайка
оурокъ — подать, оброк
оусерязь — серьга
оусніе — сыромятные кожи
оусъпѣніе — кончина, смерть
оусъпнѫти — уснуть
оусрѣсть — встреча
оутрьпнѫти — ослабеть
оущекотати — произвести впечатление с помощью песни; встревожить сердце

Х

хaралоуга — булат, сталь
хвостатися — 1) мыться в бане; 2) истязать себя
холопъ — крестьянин, отрабатывающий у богача долг. До Юрьева дня мог переходить от одного помещика к другому

Ц

цвѣлити — огорчаться до слез
цѣвье — рукоять
цѣрь — сера; фитиль

Ч

чага — пленница, рабыня
чадо — наследник
челядь — домочадцы
червьчатый — багряный
черевье — кожаная обувь
чьть — честь
чрѣсла — поясница, пояс
чоуяти — чувствовать

Ш

шалыга — плеть; кистень
шеломъ — шлем
шеломѧ — холм, гора
шершень — овод
шизый — сизый
ширинка — 1) кусок ткани; 2) полотенце; 3) шейный платок; 4) фата
шоуйца — левая рука

Щ

щекотъ — щебетанье птицы
шьлягъ (шлягъ) — монета, шиллинг

Я

ядь — пища, кушанье
язвена — рана
язъ — я
языкъ — 1) орган вкуса; 2) средство общения; 3) народ; 4) пленник; 5) «язык» у колокола; 6) оговорщик, клеветник
яко — союз типа современного «что»
японча — плащ
яроуга — овраг
ярый — мощный, буйный, яростный
ясельничей — пастух
яти — взять

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Методическая литература

Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Сочинения, т. 4.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1953.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 24, с. 122, 131, 133, 237; т. 25, с. 301, 274—275; т. 26, с. 75; т. 27, с. 255—256.

Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.

О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 г. М., 1972.

Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972.

II. Учебники и учебные пособия

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

Букатевич Н. И., Савицкая С. А., Усачева Л. Я. Историческая грамматика русского языка. К., 1974.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1964.

Павлович А. И. Историческая грамматика русского языка. Ч. 1, 2. М., 1963.

Самсонов Н. Г. Древнерусский язык. М., 1973.

Устинов И. В. Очерки по русскому языку. Ч. I. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.

Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1962.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.

III. Дополнительная литература

Аванесов Р. И. К вопросам образования русского национального языка. — «Вопросы языкознания», 1953, № 2.

Аванесов Р. И. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности. — «Вопросы языкознания», 1955, № 5.

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.

Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957.

Виноградов В. В. Основные проблемы изучения, образования развития древнерусского литературного языка. М., 1958.

Винокур Т. Г. Древнерусский язык. М., 1961.
Греков Б. А. Киевская Русь. М., 1953.
Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969.
Ефимов А. И. История русского литературного языка. М., 1957.
Жуковская Л. П. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959.
Истрин В. А. Развитие письма. М., 1961.
Кондрашов Н. А. Славянские языки. М., 1962.
Коробчинская Л. А. Древнерусский язык. Львов, 1958.
Ломтев Т. П. Очерки исторического синтаксиса русского языка. М., 1956.
Можейко Н. С., Игнатенко А. П. Древнерусский язык. Минск, 1970.
Овчинникова В. С., Дибров А. И. Очерки древнерусского языка. Ростов-на-Дону, 1965.
Петров В. П. Етногенез слов'ян. К., 1972.
Соколова М. А. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962.
Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1958.
Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности.— В сб.: Материалы и исследования по археологии СССР, № 179. Л., 1970.
Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1959.
Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств, фамилий. М., 1959.
Шмелев Д. Н. Архаические формы в современном русском языке. М., 1960.
Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.— Л., 1962.
Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.
Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1974.
Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.

IV. Учебно-методическая литература

Арват Н. Н. Древнерусский язык. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников. Львов, 1961.
Булахов М. В. Сборник задач и упражнений по синтаксису древнерусского языка. М., 1953.
Васеко Е. Ф. Древнерусский язык. Методические указания. Л., 1959.
Василенко И. А. Историческая грамматика русского языка. Сборник упражнений. М., 1956.
Дементьев А. А. Сборник задач и упражнений по исторической грамматике русского языка. М., 1959.
Обнорский С. П. и Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. I. М., 1952.

V. Словари

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—2. М., 1959.
Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. М., 1958.
Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. К., 1971.
Шанский Н. М., Шанская Т. А., Иванов В. В. Этимологический словарь русского языка. М., 1961.

VI. Тексты, рекомендуемые для анализа

Обнорский С. П. и Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. Изд. 2. М., 1952.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ В НАЗВАНИЯХ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ

Авв. Житие	Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, 1672 г.
Арх. ев.	Архангельское евангелие 1092 г.
Вкл. Варл.	Вкладная Варлаама Хутынскому монастырю 1192 г.
Вл. Мон.	Поучение Владимира Мономаха детям
Воскр. лет.	Воскресенская летопись
Гал.-Вол. лет.	Галицко-Волынская летопись
Гал. ев.	Галицкое евангелие 1266—1301 гг.
Гр. Бог.	Григорий Богослов. Слово, XI в.
Гр. Мст.	Грамота великого князя Мстислава Володимировича и его сына Всеволода, 1130 г.
Новг. гр.	Новгородская грамота 1264 г.
Дв. гр.	Двинские грамоты XV в.
Девген. деян.	Девгениево деяние
Добр. ев.	Добрилово евангелие
Дог. Ал. Невск.	Договорная грамота Александра Невского и новгородцев с немцами 1262—1263 гг.
Док. Ив. Гр.	Письма Ивана Грозного
Дух. Дм. Дон.	Духовная грамота Дмитрия Донского 1398 г.
Дух. Ив. Кал.	Духовная грамота Ивана Калиты 1328 г.
Дух. Кл. Н.	Духовное завещание Климента Новгородца 1270 г.
Дух. Сим.	Духовная грамота Симеона Гордого 1353 г.
Еванг. 1357	Евангелие 1357 г.
Ерш.	Повесть о Ерше Ершовиче
Жит. Ниф.	Житие Нифонта, 1219 г.
Златоструй	Златоструй, XII в.
Зогр. ев.	Зографское евангелие
Ист. Каз. цар.	История Казанского царства
Ипат. лет.	Ипатьевская летопись
Ист. пов. XVII	Исторические повести XVII в.
Кат.-Рост.	Летописная книга Катырева-Ростовского
Котошихин	Сочинения Котошихина
Лавр. лет.	Лаврентьевская летопись
Луцк. ев.	Луцкое евангелие
Луцк. кн.	Луцкая книга 1583 г.
Мар. ев.	Мариинское евангелие
Мол. Дан. Заточ.	Моление Даниила Заточника
Моск. гр.	Московские грамоты XIV в.
Моск. лет.	Московский летописный свод
Ниж. гр.	Нижегородская грамота 1611 г.
Ник. лет.	Никоновская летопись

Новг. Корм.	Новгородская Кормчая 1282 г.
Новг. лет.	Новгородская летопись
Опис. Черк. з.	Описание Черкесского замка 1552 г.
Остр. ев.	Остромирово евангелие 1056—1057 гг.
Пам. ист. вел. Новг.	Памятники истории великого Новгорода
I Новг. лет.	Первая Новгородская летопись (по Синодальному списку)
Полоцк. гр.	Полоцкие грамоты XIII—XV вв.
Пр. Рус.	Правда Русская (по Новгородской Кормчей 1282 г.)
Пр. о Сол.	Притча о Соломоне, XV в.
Пов. вр. лет.	Повесть временных лет
Пов. о Б. Год.	Повествование о Борисе Годунове
Пов. о Ряз.	Повесть о взятии Рязани
Прост. Евд.	Простословие Евдокима (по Чудовскому списку XVI в.)
Пск. гр.	Псковские грамоты XIV в.
Пск. лет.	Псковская летопись XIII—XIV вв.
Пск. Пр.	Псковский Пролог 1383 г.
Пск. суд. гр.	Псковская судная грамота 1463 г.
Расх. кн.	Расходная книга за 1584 г.
Рус.-лив. акты	Русско-ливонские акты XV в.
Рус. песни	Русские песни, XVII в.
Сав. кн.	Саввина книга
Сб. Свят.	Изборник Святослава 1073 г.
Ск. о Б. и Гл.	Сказание о Борисе и Глебе (по списку XII в.)
Ск. Вас.	Сказание о Василии
Ск. о кн. В.	Сказание о князьях Владимирских, XV в.
Ск. о Мам. поб.	Сказание о Мамаевом побоище
Слово	Слово о полку Игореве
Смол. гр.	Смоленская грамота за 1229 г.
Смол. гр. Мст.	Договорная грамота смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригою и Готским берегом 1229 г.
Сузд. лет.	Суздальская летопись (по Лаврентьевскому списку)
Типогр. ев.	Типографское евангелие, XVI в.
Уст. лет.	Устюжский летописный свод
Феод. Печ.	Житие Феодосия Печерского, XII в.
Хожд. Ст. Новг.	Хождение Стефана Новгородца
Хож. Аф. Н.	Афанасий Никитин. Хожение за три моря
Хож. иг. Дан.	Житие и хождение Даниила, Русъскыя земли игумена
Юр. ев.	Юрьевское евангелие
Яросл. гр.	Ярославские грамоты, XV в.

СОДЕРЖАНИЕ

Морфология

Синтаксис

Нинель Николаевна Арват
Юрий Георгиевич Скиба

Древнерусский язык

Киев,
Головное издательство
издательского объединения «Вища школа»

Редактор Н. А. Шведова
Оформление Г. М. Балюна
Художественный редактор Н. М. Панасюк
Технический редактор Л. Ф. Волкова
Корректор С. А. Тиктина

Информ. бланк № 1411

Сдано в набор 20.05.76 г. Подписано в печать 18.02.77 г. Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 1. 11,34 условн.-печ. л. 12,62 учетн.-изд. л. Тираж 10 000 экз. Издат. № 1702. Зак. № 6—1484. Цена 45 коп.

Головное издательство издательского объединения «Вища школа», Киев-54, Гоголевская, 7.

Головное предприятие республиканского производственного объединения «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, г. Киев, Довженко, 3.

45 коп.

